

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 76298 от 26.07.2019

Периодичность 4 выпуска в год

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода выпуска в свет: 18.09.2020г. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз. Заказ №___ Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства «Фэн» Академии наук РТ.

Верстка и допечатная подготовка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел./факс: (843) 292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Д.Е., д-р ист. наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Р.М., д-р ист. наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова А.Р., к-н. ист. наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Р.Р., к-н ист. наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Ответственный секретарь: Балакин Д.А. (г. Казань, Россия)

Председатель редакционной коллегии: **Зайнуллин Г.Г.,** д-р филол.наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

Хабидулина Э.К., к.филол.наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сторожук А.Г. – доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Кобзев А.И. – доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)

Семенов А.В. – кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Репенкова М.М. – доктор филологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Усманова Л.Р. – PhD, кан. соц.наук (г. Москва, Россия)

Ко Ен Чоль – PhD, профессор (г. Казань, Россия)

Хабидулина Э.К. – к.филол.н. (г. Казань, Россия)

Ким Джин Енг – (Республика Корея)

Чон Хенджу – (Республика Корея)

Ташансу Тюркер – PhD, профессор (г. Стамбул, Турция)

Экрем Калан – PhD, профессор (г. Стамбул, Турция)

Фан Куок Ань – PhD (культурология), профессор (г. Хошимин, Вьетнам)

Ян Кэ – PhD (филология), профессор (г. Гуанчжоу, КНР)

Кан Чэн – PhD (филология), профессор (г. Гуанчжоу, КНР)

Founder: Autonomous non-profit organization "Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District" (ACTVFD)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications

Certificate of registration ПИ № ФС 77 - 76298 от 26.07.2019

Frequency 4 issues per year

Distribution area: Russian Federation, foreign countries

Publisher: Autonomous non-profit organization "Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District" (ACTVFD)

Publisher's postal address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Prospekt Pobedy 226a, 420088

Editorial office's postal address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Martyna Mezhlauka st., 3, of. 117, phone +7(843) 22 133 21, 420008

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is published and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI)

Release date of publication: 18.09.2020г. Offset paper. Digital printing. The format is 70x108 1/16. Circulation: 500 copies. Order №___ Printed from the layout possessed by "Fen" Publishing House of the Academy of Sciences RT.

Printing address: Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Baumana st., 20, 420111

Phone/Fax: (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING BOARD:

Editorial director: Martynov D.E., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Science editor: Valeev R.M., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Chief editor: Alikberova A.R., Candidate of Historical Studies, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Release editor: Mukhametzhanov R.R. Candidate of Historical Sciences, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Executive secretary: Balakin D.A. (Kazan, Russia)

Chairman of the editorial board: **Zaynullin G.G.,**

Doctor of Philology, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

Khabibullina E.K., Candidat of Philological Studies, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

EDITORIAL BOARD:

Storozhuk A.G. – Doctor of Philology, Professor (Saint-Petersburg, Russia)

Kobzev A.I. – Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)

Semenov A.V. – Candidate of Historical Sciences, Docent (Moscow, Russia)

Repenkova M.M. – Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

Usmanova L.R. – PhD, Candidate of Sociology (Moscow, Russia)

Ko Young Cheol – PhD, Professor (Kazan, Russia)

Khabibullina E.K. – Candidat of Philological Studies, Docent (Kazan, Russia)

Kim Jin Young – (the Republic of Korea)

Chun Hyunju – (the Republic of Korea)

Tashansu Turker – PhD, Professor (Istanbul, Turkey)

Ekrem Kalan – PhD, Professor (Istanbul, Turkey)

Phan Quong Anh – PhD (cultural science), Professor (Ho Chi Minh, Vietnam)

Yang Ke – PhD (Philology), Professor (Guangzhou, PRC)

Kang Cheng – PhD (Philology), Professor (Guangzhou, PRC)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Халиуллина А.А., Ан Д.М. ВИДОВАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА -ТЭ ИРУ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ – 4

Ананьев В.В., Табада Л.С. СОЗДАНИЕ ТАБЛИЦЫ ГОДЗЮОН – ВЕХА В ИСТОРИИ ЯПОНСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ – 10

Абдуллаев С. КУТАГДУ БИЛИГ И ЕГО ДУХОВНО-КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ – 20

Хо О. АНАЛИЗ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ С КОМПОНЕНТОМ «НЕНАВИСТЬ» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ – 26

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

Скороходова Т.Г. ЯДЖНАВАЛКЬЯ И МАЙТРЕЙИ: НОВАЯ ЖИЗНЬ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО СЮЖЕТА БРИХАДАРАНЬЯКА-УПАНИШАДЫ В БЕНГАЛЬСКОЙ МЫСЛИ XIX-XX ВВ. – 34

Ли Сьюань. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ВИНА – 52

Сорокина Е.С. СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ЗЛА В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ НА ПРИМЕРЕ ДЕМОНОВ-ОНИ – 56

ИСТОРИЯ

Шульга А.А., Шульга Д.П. О ПЕТРОГЛИФАХ ЦЗЯНЦ-ЗЮНЬЯ В ПРОВИНЦИИ ЦЗЯНС – 65

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Аликберов Э.Ш., Аликберова А.Р. КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОБЗОР – 71

Фэй Цзюньхуэй ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В АРКТИКЕ – 80

Эпштейн В.А., Дагаев А.Р. АРКТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: ВЗАИМНАЯ ВЫГОДА И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ – 88

РЕЦЕНЗИИ

Мартынов Д.Е. РЕЦЕНЗИЯ: ВАЛЕЕВ Р.М. ОРИЕНТАЛИСТИКА В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1807 - 1920-Е ГГ. XX.). СОВРЕМЕННЫЕ – 99

Мартынова Ю.А. РЕЦЕНЗИЯ: Р.М. ВАЛЕЕВ, В.Ю. ЖУКОВ, И.В. КУЛЬГАНЕК, Д.Е. МАРТЫНОВ, О.Н. ПОЛЯНСКАЯ. БИОГРАФИЯ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКОВЕДА О.М. КОВАЛЕВСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ И РУКОПИСНЫХ ФОНДОВ) – 109

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Khaliullina A. An D. ASPECTUAL FORM -TE IRU IN JAPANESE LANGUAGE – 4

Anan'ev V.V., Tabada L.C. THE MAKING OF GOJUON AS A MILESTONE IN THE HISTORY OF THE JAPANESE LINGUISTICS - 10

Abdullayev S. KUTADGU BILIK AND ITS SPIRITUAL-CULTURAL VALUE. MODERN ORIENTAL STUDIES – 20

Ho O. ANALYSIS OF CHINESE IDIOMS WITH THE "HATE" COMPONENT – 26

PHILOSOPHY AND CULTURE

Skorokhodova T.G. YAJNAVALKYA AND MAITREYI: NEW LIFE OF THE BRIHADARANYAKA-UPANISHADA'S ESCHATOLOGICAL STORY IN BENGALI THOUGHT OF XIX-XX centuries – 34

Li Siyuan. COMPARATIVE ANALYSIS OF CHINESE AND RUSSIAN WINE CULTURE – 52

Sorokina E. SPECIFICITY PERCEPTION OF EVIL IN JAPANESE CULTURE ILLUSTRATED BY EXAMPLE OF ONI – 56

HISTORY

Shulga A.A., Shulga D.P. ABOUT JIANGJUNYA PETROGLYPHS IN JIANGSU PROVINCE – 65

INTERNATIONAL RELATIONS

Alikberov E. Sh., Alikberova A. R. SINO-INDIAN RELATIONS AT THE PRESENT STAGE: AN OVERVIEW – 71

Fei Junhui THE PROSPECTS FOR RUSSIA-CHINA COLLABORATION IN THE ARCTIC. MODERN ORIENTAL STUDIES – 80

Epshteyn V.A., Dagaev A.R. ARCTIC INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: MUTUAL BENEFIT AND STRATEGIC CONTRADICTIONS – 88

REVIEW

Martynov D.E. REVIEW: VALEEV R.M. ORIENTAL STUDIES IN KAZAN UNIVERSITY (1807 - 1920S XX.) – 99

Martynova Y. A. BOOK REVIEW: R. VALEEV, V. ZHUKOV, I.KULGANEK, D. MARTYNOV, O. POLYANSKAYA. BIOGRAPHY AND ACADEMIC LEGACY OF ORIENTALIST JÓZEF KOWALEWSKI (BASED ON MATERIALS FROM ARCHIVES AND MANUSCRIPT COLLECTIONS – 109



В 2017 г. исполнилось 210 лет со дня образования кафедры восточной словесности Казанского университета и в 2018 г. – 200 лет российскому востоковедению.

История востоковедческого образования и науки о Востоке в России и Европе, основные тенденции их развития и итоги – одна из важнейших проблем отечественной и европейской ориенталистики. Большой интерес вызывают теоретические, социокультурные и историко-научные аспекты формирования и развития практического, академического и университетского востоковедения в России XVIII-XX вв. Этот период характеризовался разнообразием, богатством и трагедией российской ориенталистики, созданием оригинальной системы востоковедческого образования и научных исследований, объединявшей деятельность органов власти, Академии наук, университетов, лицеев, гимназий, духовных академий и научных обществ.

Особое место в истории российского и европейского востоковедения занимает Казань с ее богатыми исследовательскими и гуманистическими традициями и наследием выдаю-

щихся ученых и практиков. Именно здесь, на рубежах Европы и Азии, где соприкасаются различные религии, обычаи и культуры народов России, были образованы научные учреждения и общества, которые сыграли значимую роль в истории отечественного и европейского востоковедения.

Сегодня и в перспективе важно изучать этапы, события и итоги зарождения и развития востоковедения в университете и в Казани на протяжении конца XVIII – первой четверти XX вв. Направления и итоги современной исследовательской работы позволят углубить современный историко-научный образ известного центра востоковедения в России и Европе, отвечающего современным социальным, научным и культурным реалиям и позволяющего расширить рамки наших знаний о феномене «Россия – Восток – Запад».

Значимой целью исследований является систематизация современного историко-научного и социокультурного образа формирующейся и развивающейся университетской ориенталистики в Казани в конце XVIII – начале XXI вв. органично связанного с отечественными и европейскими гуманитарными центрами.

**Научный редактор журнала
"Современные востоковедческие исследования",
д-р ист. наук, профессор кафедры
алтаистики и китаеведения
Института международных отношений,
Казанский федеральный университет
Валеев Р. М.**

**ВИДОВАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА –ТЭ ИРУ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ.
ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ. ПРОБЛЕМА ВВЕДЕНИЯ
ГРАММАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА**

**ASPECTUAL FORM -TE IRU IN JAPANESE LANGUAGE.
PECULIARITIES OF USAGE. PROBLEM OF TEACHING**

Ан Дарья Марсовна, Халиуллина Алина Айратовна

Казанский федеральный университет

alina.khaliullina27@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В связи с высоким интересом к изучению японского языка, актуальными становятся проблемы методики его преподавания. Наибольшую сложность представляет объяснение языковых понятий, не имеющих эквивалентов в русском языке. В свою очередь, использование лингвистической терминологии, описывающей языковые явления в русском языке, при подаче грамматического материала японского языка, может привести к его поверхностному или ошибочному пониманию студентами. В частности, в статье рассматриваются особенности видовой формы глагола –тэ иру – значения данной формы в зависимости от основного глагола: продолжительное действие, состояние в результате действия (перфектность), а также опыт субъекта, имеющий связь с настоящим. Приводятся основные семантические типы глаголов такие, как глаголы действия и глаголы состояния. Описываются и анализируются подходы отечественных и зарубежных японистов к определению функций формы –тэ иру.

ABSTRACT

Because of the increasing interest to the studying of Japanese language, the problems of teaching methods are becoming more relevant. The greatest difficulty is the explanation of linguistic concepts that have no equivalents in Russian language. In turn, the use of linguistic terminology describing linguistic phenomena in Russian when presenting grammatical material in the Japanese language can lead to its superficial or erroneous understanding by students. In particular, the article examines the peculiarities of the specific form of the verb - te iru, the meaning of this form depending on the main verb: long-term action, state as a result of action (perfection), as well as the experience of the subject having a connection with the present. The main semantic types of verbs are given, such as action verbs and state verbs. The article describes and analyzes the approaches of Russian and foreign Japanese scholars to the definition of the functions of the form - te iru. In the article it is revealed that Russian and foreign linguists during the study of the peculiarities of usage of the form -te iru have different points

Выявляется разница в понимании российскими и японскими учёными-лингвистами аспектов употребления формы –тэ иру. Поднимается проблема введения рассматриваемого грамматического материала на занятиях по японскому языку. Предполагается возможное решение проблемы. Так, подчёркивается важность понимания студентами природы смыслового глагола.

Ключевые слова: японский язык, видовые формы глагола, методика преподавания

Для цитирования: Халиуллина А.А., Ан Д.М. Видовая форма глагола -тэ иру в японском языке. Особенности употребления. Проблемы введения грамматического материала. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(4). 4-9

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования заключается в недостаточной разработанности методических материалов, используемых при объяснении грамматических конструкций японского языка, не имеющих эквивалентов в русском языке. В частности, наибольшую сложность представляет такая часть речи, как глагол. Для глаголов в японском языке характерны грамматические категории времени и вида. В данной статье рассматриваются особенности видовой формы глагола –тэ иру на основе трудов отечественных и зарубежных японоведов.

Видовая форма глагола –тэ иру образуется путем присоединения вспомогательных глаголов –иру или –ору к дееспричастной форме глагола. 笑う 変らう ‘смеяться’ → 笑っている 変らつて иру ‘смеётся’. 読む ёму ‘читать’ → 読んでいる ёндэ-иру ‘читает’.

of view. Also, the problem of introduction of this grammatical form during the Japanese class is raised. And the possible solution of the problem is described. Thus, the importance of understanding of verb's nature by the students is crucial.

Keywords and phrases: Japanese language, aspectual verb form, teaching methods.

For citation: Khaliullina A. An D. Aspectual form -te iru in Japanese language. Peculiarities of usage. Problem of teaching. Modern oriental studies. 2020; 2(4). 4-9

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования использовался метод анализа научной литературы отечественного и зарубежного японоведения. Были изучены труды Алпатова В.М., Лаврентьева Б.П., Головнина И.В., а также работы Итикава Ясуко, Ассоциации «Нихонго кидзюцу бумпо кэнкюкай», Иори Исао и Симидзу Ёсико.

Лаврентьев Б.П. в своём труде «Практическая грамматика японского языка» называет данную форму формой длительного вида и выделяет следующие случаи её употребления:

1. Выражение длительного непрерывного действия, совпадающего с моментом речи. 今お茶を飲んでいる има отя-о нондэ-иру ‘Сейчас пью чай’.

2. Длительное состояние или результат, появившийся в виду осуществления определенного действия (перфектное значение).

パソコンが壊れている パソコン-га коварэтэ-иру 'Компьютер сломан'.

3. Описание повторяющихся действий или действий, выполняемых поочередно разными лицами. 最近、学生がどんどん留学している сайкин, гакусэй-га дондон рюгаку ситэ-иру 'В последнее время студенты все чаще отправляются на учебу за границу'.

В свою очередь, в «Теоретической грамматике японского языка» Алпатова В.М. видовая форма глагола –тэ иру рассматривается в параграфе, посвященном вспомогательным глаголам. В частности, вспомогательный глагол –иру автор относит к числу аспектуальных вспомогательных глаголов, выражающих длительность ситуации. Алпатов В.М. подчеркивает зависимость значения, передаваемого сочетанием глагола в деепричастной форме и вспомогательного глагола –иру, от семантического класса, к которому принадлежит смысловой глагол. Если глагол обозначает протяженный во времени процесс, грамматическая конструкция с –иру указывает на длительность данного процесса, который совпадает с моментом высказывания. Под длительным процессом может пониматься не только непрерывное действие, но и ряд отдельных действий. Так же, как и Лаврентьев Б.П., Алпатов В.М. отмечает наличие у –тэ иру значение результативности. Причем в данной конструкции могут употребляться как глаголы мгновенного, так и не мгновенного действия.

花瓶が割れている кабин-га варэтэ-иру 'Ваза сломана'.

メールをもう送っている мэ:ру-о мо: окут-тэ-иру 'Электронное сообщение отправлено'.

Головнин И.В. в своем труде «Грамматика современного японского языка» также рассматривает категорию грамматического вида, выделяя в ней два оппозиционных значения: недлительный и длительный виды. Форма длительного вида, согласно Головнину И.В., ограничивается двумя значениями: процессность и перфектность. В контексте перфектного значения автор выделяет глаголы предельные и непердельные, глаголы переходные и непереходные. Предельными считаются глаголы, указывающие на действие, которое характеризуется достижением определенного результата, совершается быстро, мгновенно. やめる ямэру 'бросать' 着る киру 'надевать' 座る сувару 'сидеться'. Что касается смысловых оттенков перфектного значения, автор выделяет следующие:

1. Состояние, усиливающееся в результате продолжительных и многочисленных усилий субъекта, зачастую представленного некой массой, а не конкретным предметом или индивидом. ここ数年で日系企業はデジタルイノベーションに向けて多額の資金を米スタートアップに投資している коко су:нэн-дэ никкэй кигё:-ва дэдзитару иннобэ:сён-ни мукэтэ тагаку-но сикин-о бэйсута:тоаппу-ни то:си ситэ-иру 'за последние годы японские компании вкладывают крупные финансовые средства в развитие стартапов, специализирующихся на цифровых инновациях'.

2. Действия, совершенные в прошлом, но имеющие важность для настоящего. 鈴木は一度結婚している Судзуки-ва итидо кэкконситэ-иру 'Судзуки однажды был женат'.

3. Конкретные, повторяющиеся действия. 私は毎朝ジョギングをしている Ватаси-ва май-аса дзёгину-о ситэ-иру 'Каждое утро я хожу на пробежку'.

В отличие от Головнина И.В., Лаврентьева Б.П., рассматривая глаголы, обозначающие неоднократные действия, не выделяет у последних перфектного значения.

В труде «Гэндай нихонго бумпо», «Современная грамматика японского языка», написанном Ассоциацией «Нихонго кидзюцу бумпо кэнкюкай», -тэ иру форма глагола рассматривается с точки зрения использования данной формы с глаголами, выражающими действие угоки до:си, и с глаголами состояния дзэтай до:си.

В сочетании с глаголами действия авторы выделяют 3 значения формы –тэ иру:

1. Продолжительность действия.

佐藤は今グラウンドを走っている Сато:-ва има гураундо-о хаситтэ-иру 'Сато сейчас бежит по земле'. Значению продолжительного действия наиболее соответствуют глаголы, подразумевающие протяженность во времени. Например, 食べる табэру 'есть' 走る, хасиру 'бежать'. Глаголы, выражающие постепенное изменение, например, 増える фуэру 'увеличиваться', 広まる хиромару 'распространяться' требуют использование наречий для более явного выражения данного смыслового оттенка. 大雨で川の水が次第に増えている О:амэ-дэ кава-но мидзу-га сидай-ни фуэтэ-иру 'Уровень воды в реке постепенно повышается'.

-Тэ форма так же используется при периодическом повторении действия. В данном случае могут использоваться как глаголы, подразумевающие процесс, так и глаголы со значением мгновенного действия. 担当者はそのことが話題になるたびに、くりかえし詳しい説明をしている Тантося-ва соно кото-га вадай-ни нару таби-ни, курикаэси куваси: сэцумэй-о ситэ-иру

'Каждый раз, когда эта тема выносится на обсуждение, организаторы дают подробное объяснение'. 不慣れな食器洗い係が、毎日のように皿を割っている Фунарэна сёккиарай какари-га, майнити-но ё:ни сара-о ваттэ-иру 'Посудомойщица, непривыкшая к работе, почти ежедневно бьет тарелки'.

В сочетании с переходными глаголами –тэ иру форма обозначает продолжительность действия, с непереходными глаголами – состояние в результате действия. 当番の生徒が黒板の字を消している то:бан-но сэйто-га кокубан-но дзи-о кэситэ-иру 'Дежурный студент стирает написанное на доске (повторяющееся действие)'. いつの間にか黒板の字が消えている ицу-но маника кокубан-но дзи-га кизтэ-иру 'Оглянуться не успел, как все записанное на доске было стерто'.

Значение продолжительного действия переходный глагол в –тэ иру форме приобретает в том случае, если действие контролируется субъектом. Иначе речь идет не о продолжительном действии, а о результате или некотором опыте. お母さんは今料理の表面をバーナーで焦がしている ока:сан-ва има рё:ри-но хё:мэн-о ба:на:-дэ когаситэ-иру 'Мама подрумянивает поверхность блюда при помощи горелки'. お母さんはうっかりごはんを焦がしている。ока:сан-ва уккари гохан-о когаситэ-иру 'Мама по невнимательности спалила блюдо'.

-Тэ иру форма может использоваться для описания продолжительного действия в будущем при наличии соответствующих наречий. 明日の午後は、研究室で学生のレポートを読んでいられる Асита-но гого-ва, кэнкюсицу-дэ гакусэй-но рэпо:то-о ёндэ-иру 'Завтра во второй половине дня я буду читать доклады студентов в лаборатории'.

2. Результат

- Поддержание состояния в результате действия, осуществленного субъектом в отношении себя или стороннего объекта. 鈴木はさっきからずっと立っている Судзуки-ва сакки-кара дзутто таттэ-иру 'Судзуки стоит уже долгое время'. まだ勉強中なので、ライトを付けている Мада бэнкётю:на-нодэ, райто-о цукэтэ-иру 'Так как я еще занимаюсь, не выключаю свет'.

- Состояние, возникшее в результате действия, поддержание которого не требует вмешательства извне. この時計は壊れている Коно токэй-ва коварэтэ-иру 'Эти часы сломаны'.

- Состояние, возникшее в результате необратимых изменений. 庭に虫が死んでいる Нива-ни муси-га синдэ-иру 'В саду лежит мертвое насекомое'.

Таким образом, как правило, глаголы действия субъекта в форме -тэ иру выражают продолжительность действия, а глаголы, описывающие изменения состояния субъекта в этой форме - результат. 佐藤は道を歩いている Сато:-ва мити-о аруитэ-иру 'Сато: идет по дороге'. 鈴木は結婚している Судзуки-ва кэкконситэ-иру 'Судзуки женат'.

Однако, авторы «Современной грамматики японского языка» выделяют еще одно значение формы -тэ иру.

3. Действие, произошедшее в прошлом, но имеющее влияние в настоящем. 佐藤は以前この道を歩いている。だから、迷うことはない Сато:-ва идзэн коно мити-о аруитэ-иру. Дакара, маёу кото-ва най 'Сато уже ходил по этой дороге ранее. Поэтому не может быть, чтобы он заблудился'.

Форма -тэ иру, в основном, не используется с такими глаголами состояния, как ある ару 'быть' 要る иру 'быть необходимым' できる дэкиру 'мочь'. Вместе с тем, в форме -тэ иру встречаются глаголы состояния, однако они выражают качество, присущее подлежащему, что не относится к видовой форме глагола, и в связи с этим не рассматривается в рамках данной статьи.

В свою очередь, в труде Иори Исао и Симидзу Ёсико «Грамматика японского языка: выражение времени» дополнительно рассматриваются глаголы движения (行く ику 'идти', 来る куру 'приходить', 着く цуку 'прибывать', 帰る каэру 'возвращаться' и др.) в форме -тэ иру. В отличие от правил английского языка, в японском языке данные глаголы не могут выражать длительное действие в форме -тэ иру. Например, в предложении 彼は中国に行っている Карэ-ва тю:гоку-ни иттэ-иру последний глагол несёт два значения: 1) 'Он был в Китае' (опыт); 2) 'Он сейчас находится в Китае' (местоположение субъекта).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изучение работ отечественных и японских лингвистов позволило выявить разницу в подходах авторов к определению значений видовой формы глагола -тэ иру. В каждом из рассмотренных трудов были описаны следующие значения формы -тэ иру: продолжительность действия и состояние, возникшее в результате действия. В свою очередь, в литературе на японском языке были охвачены и другие семантические оттенки глагола, включая глаголы движения. Было приведено более детальное исследование значения, выражающего состояние, возникшее в результате действия.

ВЫВОДЫ

Таким образом, основной проблемой, возникающей в процессе обучения студентов данной форме, на наш взгляд, является существенное ограничение ее значений. Зачастую параллель проводится с настоящим длительным временем в английском языке, при этом опускаются другие функции, выполняемые формой –тэ иру. Предотвратить ошибки в употреблении данной формы представляется возможным, сформировав у студентов понимание зависимости значения формы –тэ иру от природы смыслового глагола. Эффективному усвоению студентами нюансов использования формы –тэ иру может способствовать анализ большого количества примеров, в ходе которого у учащихся выработается языковая интуиция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 1. М.: Наталис, 2008. 560 с.
2. Головнин И.В. Грамматика современного японского языка. М.: МГУ, 1986. 316 с.
3. Лаврентьев Б.П. Практическая грамматика японского языка. М.: Живой язык, 2009. 348 с.
4. 日本語記述文法研究会. 現代日本語文法3. くろしお出版, 321 p.
5. 庵功雄, 清水佳子. 日本語文法演習, 時間を表す表現. 3A Corporation, 2016. 85 p.
6. 市川保子. 日本語類義表現と使い方のポイント. 3A Corporation, 2018. 645 p.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Alpatov V. M., Arkadyev P. M., Podlesskaya V. I. Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka [A theoretical grammar of the Japanese

language]. Kniga 1. M.: Natalis, 2008. 560 s.

2. Golovnin I.V. Grammatika sovremennogo yaponskogo yazyka [A grammar of modern Japanese]. M.: MGU, 1986. 316 s.
3. Lavrent'ev B.P. Prakticheskaya grammatika yaponskogo yazyka [Practical Japanese grammar]. M.: Zhivoy yazyk, 2009. 348 s.
4. Nihongo Kijyutsu Bunpou Kenkyu:kai. Gendai nihongo bunpou 3 [Modern Japanese language grammar]. Kuroshio shyuppan, 321 p.
5. Iori Isao, Shimizu Yoshiko. Nihongo bunpou enshyu:, jikan o arawasu hyougen [Time expressions of the Japanese]. 3A Corporation, 2018. 645 p.
6. Ichikawa Yasuko. Nihongo ruigi hyougen to tsukaikata no pointo [Similar expressions: peculiarities of usage]. 3A Corporation, 2018. 645 p.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Assistant, **Daria An**

Department of Altaic and Chinese Studies
Kazan Federal University
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18
Russia
an.darya2015@yandex.ru

Senior teacher, **Alina Khaliullina**

Department of Altaic and Chinese Studies
Kazan Federal University
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18
Russia
alina.khaliullina27@gmail.com

Принята к публикации: 01.08.2020

Submission Date: 05.08.2020

СОЗДАНИЕ ТАБЛИЦЫ ГОДЗЮОН – ВЕХА В ИСТОРИИ ЯПОНСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

THE MAKING OF GOJUON AS A MILESTONE IN THE HISTORY
OF THE JAPANESE LINGUISTICS

Ананьев Владимир Валерьевич, Табада Люсиллин Чу

Иркутский государственный университет

v_ananiev@hotmail.com

АННОТАЦИЯ

Таблица годзюон, представляющая собой один из вариантов организации японского алфавита, широко известна как с практической точки зрения, так и в качестве примера применения научных основ такой организации. Несмотря на то, что её создание стало важным моментом в становлении японской лингвистической школы, ему уделено недостаточно внимания в работах по истории японского языка. Целью статьи является выявление особенностей формирования японской лингвистики, а также грамматологических процессов, отразившихся в процессе формирования таблицы годзюон. Выявлено, что теоретическую базу годзюон была разработана монахом Мёгаку в начале 11 в., который осуществил фонологический анализ японского языка, воспользовавшись достижениями санскритологии и китайской методикой фаньце.

Ключевые слова: японская азбука, годзюон, история японского языка, грамматология

Для цитирования: Ананьев В.В., Табада Л.Ч. Создание таблицы годзюон – веха в истории японской лингвистики. *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(4): 10-19

ABSTRACT

The gojuon table, being one of the variants of organizing the Japanese alphabet, is widely known both from practical point of view and as an example of application of scientific foundations to such organization. Despite the fact that its creation became an important moment in the making of the Japanese linguistic tradition, it has received inadequate amount of attention in works on the history of the Japanese language. The purpose of this article is in singling out the characteristic features of development of the Japanese linguistics as well as those of grammatological processes which are reflected in the process of development of the gojuon table. The authors found out that the theoretical foundation for the gojuon was developed in the early 11th century by the monk named Myougaku, who had conducted a phonological analysis of the Japanese language using achievements of the Sanskrit studies and the Chinese fance method.

Keywords and phrases: Japanese syllabary, gojuon, history of Japanese, grammatology through reading and writing, lexical competence.

For citation: Anan'ev V.V., Tabada L.C. The Making of Gojuon as a Milestone in the History of the Japanese Linguistics. *Modern oriental studies.* 2020; 2(4): 10-19

ВВЕДЕНИЕ

Таблица годзюон (яп. 五十音図 годзю:ондзу букв. «схема пятидесяти звуков»), представляющая собой один из вариантов организации японского алфавита, известна всем японистам как с практической точки зрения, так и в качестве примера применения научных основ такой организации, её создание стало важным моментом в становлении японской лингвистической школы. В русскоязычных работах по истории японского языка [Сыромятников, 2002] или теории японской письменности [Маевский, 2000; Соколов, 1952; Штейнер, 2011] отмечается лишь, что она была создана под влиянием индийской лингвистической традиции. Целью статьи является выявление особенностей японской лингвокультуры, формирования японской лингвистики, а также грамматологических процессов, отразившихся в процессе формирования таблицы годзюон.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалами послужили работы отечественных и японских исследователей в области истории японского языка, таких как Н.А. Сыромятников [2002а; 2002б], Х. Тоно [2010], истории Японии – А.Н. Мещерякова и М.В. Грачева, лингвокультурологии Японии – Т. Саката [1991], Е.С. Штейнера [2011], Ё. Ямагути [2015; 2016], а также труды по грамматологии И. Гельба [1963], Е.В. Маевского [2000], А.Н. Соколова [1952]. Базовыми методами послужили системный и сравнительный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Развитие фонетической подсистемы японской письменности представляет собой сово-

купность случайных факторов и целенаправленных действий, чувственного и логического начал. Начавшись с эпизодического применения иероглифов для записи слов по звучанию, оно продолжилось созданием и параллельным существованием двух азбук, каждая из которых имела достаточно произвольный состав до 1900 г. Более тысячи лет главным способом организации азбуки служили стихотворения-панграммы, несмотря на то, что почти столько же времени существовал и другой, основанный на строгом научном принципе – система годзюон.

При том, что использование письма в Японии началось лишь с приходом китайской иероглифики во второй четверти первого тысячелетия [Сыромятников, 2002а], быстро началось применение ее в качестве фонетических знаков для записи японских слов (в первую очередь имён собственных). Так, отмечается [История древней Японии, 2010, с. 136-137; Ямагути, 2016, с. 75], что являющаяся одним из старейших примеров применения письма в Японии надпись на мече из кургана Сакитама-Инарияма (датируется 471 г.), содержит имена людей, записанные фонетическим способом: 乎獲居 вовакэ, 意富比埵 охохико, 多加利足尼 такари-но сукунэ [Ямагути, 2016, с. 75]. В данном случае просматривается связь с корейской традицией, а именно – с употреблением иероглифов в качестве фонетических знаков, причем используются знаки, характерные для текстов государства Пэкче [Там же]. Собственно, этим перенесением корейского опыта и можно объяснить быстрое приспособление китайского письма к местным нуждам – механизм уже существовал.

Можно утверждать, что применение фонетической записи ко времени создания старейшего памятника японской письменности «Кодзики» (яп. 古事記 кодзики «Записи о делах древности», 721 г.) уже стало систематическим. Иероглифы используются без учета их значения, передавая только звучание, «для ряда отдельных слов, для всех имен и во всех стихотворениях, встречающихся в тексте» [Кодзики, 1994, с. 37]. Более того, недавние находки отодвигают сроки формирования системы фонетических знаков на более ранний период. Так, в 2006 г. при раскопках была обнаружена деревянная табличка моккан (яп. 木簡 моккан, служили средством переписки в административных целях, в качестве расписок и т.п.), иероглифы которой также выступают как фонетические знаки [最古の万葉仮名文]: 波留久佐乃皮斯米之刀斯, что читается как харукуса-но хасимэ-но тоси. Табличка, датируемая серединой 7 в. (не позже 652 г. [Там же]), сохранилась лишь частично, надпись рассматривается как начало стихотворения [日本最古の万葉仮名文木簡].

Такая система использования иероглифов в качестве фонетических знаков вне зависимости от их значения называется манъёгана (яп. 万葉仮名 манъё:гана) по названию антологии японской поэзии «Манъёсю» (яп. 万葉集 манъё:сю: «Собрание мириад листьев», 783 г.), хотя сейчас японские исследователи [最古の万葉仮名文] считают, что система сформировалась как минимум в конце 7 в. А с учетом вышеупомянутой моккан следует признать, что манъёгана опередила «Манъёсю» приблизительно на столетие.

Знаки в манъёгане использовались относительно произвольно, очевидно, главным кри-

терием было отражение фонетического состава слога (до конца 8 в. для передачи гласных *i* и *ï*, *e* и *ë*, *o* и *ö* применялись разные иероглифы), также учитывалось значение иероглифа – предпочитались знаки с положительным или хотя бы неотрицательным значением.

Азбука хирагана является результатом упрощения скорописных форм иероглифов манъёганы. Поскольку каждый слог мог записываться разными иероглифами, хирагана также представляла собой большую группу знаков, выбор которых был за пишущим до 1900 г., когда приказом министерства образования официально утверждался набор, устанавливающий соотношение один слог – один знак. Старейшим документом, сделанным на хирагане, на данный момент являются надписи на осколках посуды, обнаруженные при раскопках усадьбы аристократа и чиновника Фудзиварано Ёсими (яп. 藤原良相 фудзивара-но ёсими 813 – 867 гг.), исходя из годов его жизни и возможных обстоятельств создания надписи, год последнего определяют как «несколько ранее 867 г.» [京都で最古級の平仮名発見]. Однако широкое распространение хирагана получила с расцветом японской, в первую очередь – так называемой женской, литературы, т.е. в первой половине 10 в. [Ямагути, 2015, с. 110].

Хирагана до 20 в. не упорядочивалась на основе каких-либо теоретических принципов, вместо этого подвергаясь инвентаризации в поэтической форме, в виде стихотворений-панграмм. Очевидно, это можно связать с тем, что хирагана с самого начала использовалась в сфере неофициальной, даже неформальной коммуникации.

Одной из первых известных панграмм является «Амэцуги-ута» (яп. あめつち歌 амэцуги ута «песня неба и земли»), которая включала 48 знаков в связи с тем, что знак え повторяется, передавая, однако, разные звуки [Штейнер, 2011, с. 11]. «Амэцуги-ута» появилась в конце 9 – начале 10 в. и служила образцом при обучении письму [Саката, 1991, с. 589], а также «программой-рамкой для составления серий акротелестихов» [Штейнер, 2011, с. 11]. Однако затем она уступает место «Ироха-ута» (яп. いろは歌 ироха ута «песня и-ро-ха»), получившей наибольшую известность и исполнявшей роль алфавита до 1946 г. (для обозначения порядков пунктов списка может использоваться и сейчас). «Ироха-ута» содержит уже 47 знаков, отражая тот факт, что разница в произношении え исчезла. Содержание этого стихотворения и его место в японской культуре раскрываются в уже упомянутой работе Е.С. Штейнера [2011, с. 10-11]

Появление «Ироха-ута», иными словами – упорядочение хираганы (и даже ее создание), традиционно связывалось с именем монаха Кукай (яп. 空海 ку:кай «море пустоты», 774 – 835 гг.). Прямых доказательств, как подтверждающих, так и опровергающих это представление, нет, однако в период Мэйдзи в японских научных кругах установилась точка зрения, что «Ироха» была создана во второй половине 10 в. [Ямагути, 2015, с. 102]. Однако М. Окада выдвинул гипотезу о появлении её до 927 г. на основании того, что в составленном принцем Токиё (яп. 齊世親王 токиё синно:) санскритско-китайском словаре 梵漢相對抄 бонкансо:тайсё: статьи располагались в порядке слогов «Ироха-ута» [Там же].

Кукай, очевидно, обладал незаурядными лингвистическими способностями, овладев в Японии китайским языком, а затем, во время обучения в Китае, – санскритом. Он стал первым священнослужителем-японцем, обратившимся к индийским оригиналам буддийских текстов, до него изучение и проповедование буддизма происходило на основе китайских переводов. Достижения в различных областях сделали его настоящим культуртрегером своего времени, однако его заслуги [Сыромятников, 2002б, с. 36; Штейнер, 2011, с. 13] в области упорядочения азбук все же преувеличены.

Упорядочение азбуки на основе теоретических (лингвистических) принципов произошло на материале катаканы, что обусловлено целями ее применения и тем, кто ей в основном пользовался. Катакана возникла в монашеской среде как способ записи чтений иероглифов, которыми были написаны сутры, или пояснений смысла [Ямагути, 2015, с. 112], хотя, очевидно, способ этот был также принесен из Кореи. Как было сказано выше, корейцы пользовались иероглифами и их частями как фонетическим письмом, кроме того, до недавнего времени считавшийся японским изобретением способ нанесения знаков какухицу (яп. 角筆 какухицу букв. «угловатая кисть»), когда знак выдавливался рядом со строкой и был виден лишь под определенным углом, тоже начал применяться корейцами [Тоно, 2010]. Тем не менее сами знаки катаканы, представляющие собой части знаков манъёганы, были отобраны уже в Японии.

Судя по имеющимся данным, катакана несколько старше хираганы, хотя и не намного. Самым старым текстом с использованием катаканы

считается так называемый «черновик проповеди из Тодайдзи» (яп. 東大寺諷誦文稿 то:дайdzi фудзю монко:), время написания которого приходится на 824-834 гг. [Ямагути, 2016, с. 48].

И появление катаканы, и ее упорядочение стали следствиями необходимости японских буддистов работать с текстами, записанными иероглифами. Однако если использование фонетических знаков было решением технических задач, то создание алфавита представляет собой результат взаимодействия различных факторов, а также деятельности монахов, которых можно назвать санскритологами.

Изучением санскрита с целью получения возможности работать с индийскими первоисточниками, а не с их переводами на китайский первыми занялись Кукай и посетивший Китай одновременно с ним Сайтё (яп. 最澄 сайтё: букв. «высшая ясность», 767 – 822 гг.). Кукай, после поездки в Китай 804 – 806 гг. основавший секту Сингон (яп. 真言 сингон «истинное слово»), в 814 г. завершил санскритско-японский словарь 梵字悉曇字母并积義 бондзи ситтан дзимо нараби-ни сякуги «Таблица санскритских знаков сидхам и толкование смыслов» [Ямагути, 2015, с. 120]. Однако научные изыскания в сфере санскритологии с большим успехом продолжались по линии секты тэндай (яп. 天台 тэндай от названия горы Тяньтай в Китае), основанной Сайтё.

Изучение санскрита было необходимо в первую очередь для решения теологических задач: чтения и понимания сутр. Однако знакомство с ним, а также с достижениями индийской лингвистики дало также представление о существовании отдельных звуков. Как писал еще основатель грамматики Гельб [1963],

осознание того, что речь можно делить на отдельные звуки, и переход к отражению их на письме представляет собой большое открытие, и не все народы его совершали. С учетом того, что для японского языка характерны открытые слоги, число которых не так уж велико и которые достаточно удобно записывать знаками слоговой азбуки, японцы, скорее всего, сами этого открытия не совершили бы.

В то же время монахи изучали китайские иероглифы, как с формальной стороны, так и проблему чтений. К середине эпохи Хэйан японцы импортировали по несколько вариантов чтений иероглифов в связи с изменениями в политической жизни Китая, а именно – сменой династий и столиц, и соответственно диалектов, игравших роль официального языка и, таким образом, источника нормативных чтений.

Таким образом, японские монахи, с одной стороны, накапливали знания как непосредственно о санскрите и китайском языке, так и лингвистических теориях и методах анализа, с другой – наблюдали за собственным языком. Так, в 880 г. Аннэн (яп. 安然 аннэн «спокойствие») завершает труд 悉曇藏 ситтандзо: «Кладовая санскрита», который представляет собой хрестоматию по санскритологии с комментариями и замечаниями самого Аннэна, а также включает сведения по китайской фонологии. Кроме того, Аннэн отмечает, что для записи японской речи можно использовать деванагари [Ямагути, 2015, с. 120].

Из китайской фонологии японские монахи-ученые заимствовали и активно применяли методику фаньце (кит. 反切 фаньце), которая была разработана для объяснения чтения иероглифов с опорой на более употребимые и потому

известные. Ее суть состоит в том, что слог делится на инициаль (начальный согласный), медиаль, т.е. полугласный перед слогаобразующим гласным, и финаль (остальную часть слога со слогаобразующим гласным). Методика такого анализа станет одной из основ появления таблицы годзюон.

Первая известная на сегодняшний день попытка организации азбуки была сделана в труде «Чтение и значение сутры бодхисатвы Махамаюри» (яп. 孔雀經音義 кудзяку-кё: онги), написанном в начале 11 в. В состав алфавита включены всего 40 знаков, представленных в виде текста: 口四 ки КИ ки コ ко Ка ка ケ кэ ку 四 си シ си ソ со Са са Се сэ Сс су 知 ти ЧИ ти ト то Та та テ тэ Тц цу 己 и И и ヨ ё Я я Э э (е) Ю ю 味 ми ミ ми Мо мо マ ма Мэ м му 比 фи ヒ фи 弁 ви Хо хо ヲ во Ха ха Ва вэ へ фэ Э вэ フ фу У у (ву) 利 ри リ ри ロ ро ㇿ ра ㇻ рэ ㇼ ру. В этом варианте отсутствуют знаки для отдельных гласных, зато наличествуют все пять слогов, начинающихся звуком «й». Ряды, начинающиеся знаками ㇻ фи и ㇼ ви в оригинале даны параллельными строками после иероглифа 比 фи [Ямагути, 2015, с. 117].

Следующий по времени вариант появился в аналогичном комментарии к сутре – «Чтение и значение сутры золотого блеска» (яп. 金光明最勝王經音義 конко:мё: сайсё:о:кё: онги), датированном 1079 г. В этом алфавите, называемом «Пять звуков» (яп. 五音 гоин) приводится 47 знаков, которыми записываются 50 слогов: есть знаки для отдельных гласных, знак ㇻ используется как для обозначения слога фу, так

и ву, слоги е и йи передаются знаками ㇼ и ㇽ, соответственно. Ряды даны в следующем порядке начальных согласных: р, н, м, затем ряд букв для гласных, в, й, ф, т, к, с. Гласные внутри ряда идут в порядке: а, э, о, у, и [Ямагути, 2015, с. 116].

Наконец, в 1093 г. появляется труд монаха секты тэндай Мёгаку (яп. 明覚 мё:гаку/ мё:каку, иногда мэйкаку букв. «светлое восприятие», 1056 – ?) «Способ разделения звуков» (яп. 反音作法 ханъон (тж. ханнон) сахо:). В этой работе Мёгаку впервые представляет алфавит в виде таблицы, имеющей строгую организацию. Порядок гласных, определяющий расположение знаков в рядах, соответствует порядку гласных в деванагари за исключением долгих звуков и звуков, отсутствующих в японском языке: а, и, у, э, о. Тот же принцип применяется и для согласных. Автор обосновывает причину следования рядов местом производства звука: сначала идут гласные, поскольку при их произнесении не создается никакой преграды, звуки к и й порождаются гортанью, с – зубами, т, н и р – языком, ф, м и в – губами [Ямагути, 2015, с. 125-127].

Необходимость создания такой таблицы была вызвана, во-первых, общей для санскритологических работ целью – потребностью научить желающих читать сутры, написанных санскритом или на китайском, во-вторых, увеличением вариантов прочтений иероглифов и невозможностью применить методику фаньце.

Однако здесь обнаруживается еще один интересный момент: в отличие от многих ученых монахов, проживавших поблизости от столицы и практически не сталкивавшихся с иными диалектами, Мёгаку был настоятелем храма

Якуоин-онсэндзи (яп. 薬王院温泉寺) в области Кага (яп. 加賀, ныне город Кага префектуры Исикава). Благодаря близости к Корейскому полуострову, в то время это был один из районов, через которые шла торговля с Китаем и Кореей, и одновременно – где базировались японские морские торговцы, чьи суда служили средством сообщения между разными областями Японии. Как следствие Мёгаку наблюдал разницу в произношении между жителями разных районов страны и отмечал различные фонетические явления, например, назализацию гласных после н (переход к каннон от канъон в имени богини 観音), выпадение к в интервокальной позиции (кикитэ → кийтэ), смешение носовых согласных (мино → нино) и др. [Ямагути, 2015, с. 127-128].

Для того чтобы обеспечить правильное прочтение священных текстов в такой языковой ситуации Мёгаку предлагал опираться не на иероглифы (которые не несут указания на чтение), а на знаки азбуки. Более того, чтобы не возникло ошибок или разных толкований самих знаков азбуки, он дал описание каждого слога, используя методику фаньце, но уже на японском материале. Все знаки, обозначающие слоги, которые начинаются с согласных, описаны следующим образом: カ ка (ク ку ア а) キ ки (ク ку イ и) ク ку (ク ку ウ у) ケ кэ (ク ку エ э) コ ко (ク ку オ о) и т.д. Слоги в скобках показывают, что от первого из них берется согласный звук (инициаль), второй обозначает гласный (финаль).

Таким образом японский язык получил алфавит, основанный на строго научных принципах, более того, он оказался в одном шаге от

изобретения фонографического письма, но шаг этот так и не был сделан в связи с особенностями японской фонетики, которая не требовала фонографии. Современный порядок расположения знаков был предложен в 1682 г. санскритологами-последователями Мёгаку, которые внесли изменения, более точно определив характер соответствующих звуков [Ямагути, 2015, с. 154].

Особенности лингвокультуры в целом (предпочтение образного, чувственного мышления логическому) и графической культуры в частности (использование преимущественно иероглифики в сфере официальной коммуникации и хираганы – в литературе) отодвинули начало широкого применения алфавита годзюон до середины 20 в., к которой в Японии под влиянием Запада уже укрепился рационализм.

ВЫВОДЫ

Таким образом, результаты качественного анализа проведенного анкетирования, наблюдений за ходом занятий, дают основание утверждать, что преподаватели вузов в рамках дисциплины «Основной восточный язык» (Китайский язык) применяют различные методы и приемы в процессе совершенствования иноязычной лексической компетенции студентов-китаистов. Однако, на наш взгляд, целесообразно использование преподавателями китайского языка на занятиях технологии развития критического мышления через чтение и письмо. Выполнение таких лексических заданий, связанных с технологией РКМЧП, будет способствовать активной работе мысли, формирующей навыки осознанного применения иноязычных слов, совершенствующей умения применять приобретенные лексические знания и анализировать факты и события.

Преподаватели китайского языка высших учебных заведений Республики Узбекистан не в полной мере уделяют внимание следующим вопросам:

- инновационной образовательной технологии критического мышления через чтение и письмо при работе с лексикой китайского языка;
- практически отсутствуют дидактические материалы по новейшим технологиям, в частности, в плане планирования и применения инновационных образовательных технологий при обучении лексике китайского языка;
- не разработаны учебно-методические комплексы по преодолению возникающих трудностей при изучении лексики китайского языка студентов-филологов;
- на кафедрах высших учебных заведений Республики Узбекистан не в полной мере ведется систематическая работа по планированию и применению инновационной образовательной технологии развития критического мышления через чтение и письмо, предусматривающая обогащение словарного запаса с учетом когнитивных процессов студентов-филологов на каждой фазе технологического этапа ТРКМЧП;
- в учебных планах вузов не предусмотрено применение технологии РКМЧП при изучении лексики китайского языка, в основном, используются такие традиционные методы, как объяснительно-иллюстративный, репродуктивный, метод чтения, реже – интерактивный, игровые методы и т.д.

С учетом выявленных недостатков по применению инновационной образовательной технологии РКМЧП на базе изученного передового опыта преподавателей китайского языка Республики Узбекистан и полученных результатов проведенного научно-педагогического эксперимента, нами разработаны следующие методические рекомендации по планированию и совершенствованию иноязычной лексической компетенции с применением технологии развития критического мышления через чтение и письмо у студентов 3-4-х курсов высших учебных заведений Республики Узбекистан:

- для целенаправленного совершенствования общеупотребительной лексики китайского языка студентов-филологов по специальности «Филология» необходимо ориентировать их на объект деятельности с учетом ее особенностей. Один из эффективных способов осуществления ориентации студентов – использование графических органайзеров как дидактической опоры при обучении;
- гармоничная ориентация на каждого студента в процессе усвоения лексики китайского языка, в случае возникновения трудностей или допущения лексических ошибок, необходима поддержка преподавателя с учетом его интеллектуальных способностей, знаний и эмоций;
- следует учитывать психологический компонент содержания обучения китайской лексике, т.к. слова в нашей памяти существуют не изолировано, а включены в сложную систему лексико-семантических отношений, и интегрируются в два типа структурных отношений – парадигматические и синтагматические связи слов;

- следует называть предметы и явления на изучаемом иностранном языке, а также употреблять слова иностранного языка в прямом и переносном значениях;
 - для овладения лексикой китайского языка необходимо давать этимологию и возможные лексические значения иероглифических знаков, доводить до сведения обучаемых основные модели словообразования в китайском языке;
 - в процессе усвоения лексических единиц китайского языка студентами-китаистами необходимо применять осмысленное запоминание в противовес механическому. На наш взгляд при оперировании своего внимания семантикой слова происходит осмысленное запоминание нового слова;
 - следует вырабатывать новые представления о структуре лексической единицы китайского языка у студентов, формировать совершенно новые динамические стереотипы коммуникативной деятельности на этом языке;
 - необходимо учитывать тенденции развития китайского языка, доводить до обучающихся модели сокращения лексических единиц;
 - в процессе совершенствования акустико-графических навыков следует учитывать сложную тоновую систему китайского языка, доводить до обучающихся соответствующие правила модуляции;
 - учитывать специфическую китайскую иероглифическую письменность в процессе совершенствования лексической компетенции, доводить до обучающихся правила каллиграфии, а также типы образования китайских иероглифов;
 - в процессе совершенствования лексических навыков и умений необходимо учитывать не только сведения формально-структурного характера, но и знание ситуативных, социальных и контекстуальных правил, которых придерживаются носители китайского языка;
 - совершенствование иноязычной лексической компетенции должно происходить с учетом природы возникновения лексических трудностей у студентов-филологов, посредством сопоставления в учебных и методических целях лексики китайского и узбекского языка;
 - обучение лексическому аспекту речевой деятельности должно происходить в тесной связи с культурой и жизненным укладом китайской нации, примеры должны отражать жизненный быт и национальные традиции народа изучаемого языка;
 - целесообразно совершенствовать иноязычную лексическую компетенцию на основе дифференцированного подхода, предполагающего использование различных видов упражнений, комплекса методов и приемов, соответствующая каждой фазе технологии РКМЧП (в виде таблиц, опорных схем, графических органайзеров, кластеров, карт ассоциаций), а также комментариев с учетом степени трудностей и других признаков.
- В целях преодоления трудностей, возникающих на фоне внутриязыковой и межъязыковой интерференции у студентов, предлагаем использовать разработанную нами методику

по совершенствованию обучения иноязычной лексике китайского языка с применением технологии РКМЧП на занятиях в вузе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 1. М.: Наталис, 2008. 560 с.
2. Головнин И.В. Грамматика современного японского языка. М.: МГУ, 1986. 316 с.
3. Лаврентьев Б.П. Практическая грамматика японского языка. М.: Живой язык, 2009. 348 с.
4. 日本語記述文法研究会. 現代日本語文法3. くろしお出版, 321 p.
5. 庵功雄, 清水佳子. 日本語文法演習, 時間を表す表現. 3A Corporation, 2016. 85 p.
6. 市川保子. 日本語類義表現と使い方のポイント. 3A Corporation, 2018. 645 p.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Alpatov V. M., Arkadyev P. M., Podlesskaya V. I. Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka [A theoretical grammar of the Japanese language]. Kni-ga 1. M.: Natalis, 2008. 560 s.
2. Golovnin I.V. Grammatika sovremennogo yaponskogo yazyka [A grammar of modern Japanese]. M.: MGU, 1986. 316 s.
3. Lavrent'ev B.P. Prakticheskaya grammatika yaponskogo yazyka [Practical Japanese grammar]. M.: Zhivoy yazyk, 2009. 348 s.
4. Nihongo Kijyutsu Bunpou Kenkyu:kai.

Gendai nihongo bunpou 3 [Modern Japanese language grammar]. Kuroshio shyuppan, 321 p.

5. Iori Isao, Shimizu Yoshiko. Nihongo bunpou enshyu:, jikan o arawasu hyougen [Time expressions of the Japanese]. 3A Corporation, 2018. 645 p.
6. Ichikawa Yasuko. Nihongo ruigi hyougen to tsukaikata no pointo [Similar expressions: peculiarities of usage]. 3A Corporation, 2018. 645 p.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Senior Lecturer, MA **Vladimir Anan'ev**

Department of Oriental and Asia-Pacific Regional Studies

Irkutsk State University

664025, Irkutsk, Lenin St., 8

Russia

v_ananiev@hotmail.com

Senior Lecturer, MA **Lucillyne C. Tabada**

Department of Oriental and Asia-Pacific Regional Studies

Irkutsk State University

664025, Irkutsk, Lenin St., 8

Russia

lucillyne@gmail.com

Принята к публикации: 01.08.2020

Submission Date: 05.08.2020

КУТАДГУ БИЛИГ И ЕГО ДУХОВНО-КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ

KUTADGU BİLİG VE ONUN MANEVÎ-KÜLTÜREL DEĞERİ

Сайфулла Абдуллаев

Иссык-Кульский государственный университет

Каракол, Кыргызстан

abdullaev.sayfullah@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Дастан "Кутадгу Билиг" – памятник мирового духовного наследия, тюркской литературы, культуры и науки. Многие тюркские народы считают произведение "Кутадгу Билиг" первым тюрко-мусульманским шедевром своей письменной литературы. Необходимо учитывать политические, социально-исторические особенности периода написания Дастана. Государство Караханидов включало Маверауннехир и Восточный Туркестан и состояло из нескольких групп племен, в частности уйгуров, карлуков, аргунов, ягмов и других. Все эти племена, называемые тюрками, жили здесь. Имена персонажей Дастана имеют аллегорическое и символическое значение. Они являются образным символом этического и философского искусства, духовных ценностей. Мыслитель оценивает обучение и воспитание как наиболее важный способ познания мира. Сюжет Дастана основан на следующих четырех символических образах. Кунтогду Шах, символ справедливости и истины. Айтольди – символ мира, счастья, богатства. Огдулмуш – сын Вазира, символ мудрости. Одгурмуш – родственник Вазира, символ милосердия, чистоты, терпения. Третий иероглиф, который переводится как "өг", на древнетюркском языке означает "разум, проповедь, наставление".

Дастан Юсуфа Хас Гаджипа Баласагуни – это в основном философское произведение. В стихотворении анализируются смысл и цель человеческой жизни, устанавливаются цели и нормы поведения в обществе. Автор Дастана

ÖZET

Kutadgu Bilig Destanı, dünya kültürel mirasının, Türk edebiyatının, kültürünün ve ilminin eşsiz eserlerinden biridir. Türk halklarının çoğu, Kutadgu Bilig'i, kendilerine ait yazılı edebiyatın ilk Türk-Müslüman eseri olarak kabul eder. Bu konuda, destanın yazıldığı dönemin siyasî, sosyal-tarihî özelliğini dikkate almak gerek. Karahanlılar Devleti, Maveraunnehir ve Doğu Türkistan topraklarında hüküm sürmekte olup, içinde birçok halk; mesela Uygurlar, Karluklar, Argu ile Türgeşler, Yagma vb. İşte bu halkların hepsini bir araya getirip, Türk diyerek adlandırmışlardı. Destandaki kahramanların isimleri alegorik-sembolik ehemmiyete sahiptir. Onlar insan hayatındaki en özel ve en verimli manevî değerlerinin etik-felsefik sanatsal görünüşteki sembolleridir. Eserin müellifi okumayı, ilim-bilim sahibi olmayı, dünyayı tanıyıp bilmenin en önemli yolu olarak değerlendirmektedir. Destanın konusu aşağıdaki dört sembolik durum vasıtasıyla verilmektedir. Gündoğdu; şah adâlet ve gerçeğin sembolü. Dolunay; vezir, dünya, mutluluk ve zenginliğin sembolü. Ögdülmüş; vezirin oğlu, akıl, ilim ve irfan sahibi olmanın sembolü. Odgurmuş; vezirin kardeşi, mütevazılığın, saflığın, sabır ve tevekkül etmenin sembolü. Üçüncü kahramanın adı Ögdülmüş adının kökü "өг" olup, eski Türk dilinde "akıl, öğüt, nasihat" anlarınına gelir.

Yusuf Has Hacib'in bu eseri, esas olarak felsefi eser olarak kabul edilmektedir. Eserde insanoğlunun hayatının anlam ve taşıdığı ehemmiyetin üzerinde durulup, toplumdaki vazifeler ve günlük hayatın normları ortaya konmuştur. Destanın yazarı, sadece

показывает, каким должен быть каждый человек в обществе. В этом отношении эпос считается источником исторического значения для тех, кто хочет изучать национальную культуру тюркских народов. Кроме того, эта работа считается важной в истории литературного языка тюркских народов того времени.

Ключевые слова и фразы: Юсуф Хас Хаджиб Баласугуни, Кутадгу Билиг, дидактика, духовный, мораль, ценность.

Для цитирования: Абдуллаев Сайфулла. Кутадгу Билиг и его духовно-культурная ценность. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(4): 20-25

GİRİŞ

Kutadgu Bilig Destanı Orta Çağdaki Türk halklarının edebiyatının klasik yazarı Yusuf Has Hacib Balasagunî'nin en ünlü ve bize ulaşan eseri olarak kabul edilir. Kutadgu Bilig, şiir temeline dayanan bir eser olup, 13binden fazla dizelerden oluşmaktadır.

Kutadgu Bilig Destanında 85 bölümden oluşan 6520 beyit vardır. Ayrıca, destan kendi içinde üç bölüme bölünmüş olup, 124 beyitten oluşan üç tane de eki bulunmaktadır. Destan aruz vezniyle, ikili (mesnevî) tarzında yazılmış olup, dört kahramanın hikâyesinden oluşmaktadır.

Ana Bölüm

Yusuf Has Hacib'in bu eseri, esas olarak felsefi eser olarak kabul edilmektedir. Eserde insanoğlunun hayatının anlam ve taşıdığı ehemmiyetin üzerinde durulup, toplumdaki vazifeler ve günlük hayatın normları ortaya konmuştur. Destanın yazarı, sadece idaredeki büyükler değil, sıradan insanların da nasıl olması gerektiğini göstermektedir. Bu yönüyle bakıldığında, destan Türk halklarının millî kültürü üzerine inceleme yapmak isteyenler için tarihî öneme sahip kaynak olarak sayılmaktadır. Bunun yanı sıra, bu eser o dönemdeki Türk

idaredeki büyükler değil, sıradan insanların da nasıl olması gerektiğini göstermektedir. Bu yönüyle bakıldığında, destan Türk halklarının millî kültürü üzerine inceleme yapmak isteyenler için tarihî öneme sahip kaynak olarak sayılmaktadır. Bunun yanı sıra, bu eser o dönemdeki Türk halklarının edebî dilinin tarihiyle ilgili de öneme haiz eser olarak kabul edilmektedir.

Anahtar kelimeler: Yusu Has Hacib Balasagunî, Kutadgu Bilig, didaktikalık, manevî, edepahlâk, değer

For citation: Abdullayev Sayfullah. Kutadgu Bilik and its Spiritual-Cultural Value. Modern oriental studies. 2020; 2(4): 20-25

halklarının edebî dilinin tarihiyle ilgili de öneme haiz eser olarak kabul edilmektedir [1].

Yusuf Has Hacib'in hayatıyla ilgili şu an için kesin bilgilere yok denecek kadar azdır. Ancak, müellifin kendi hakkında yazdığı bazı bilgileri, adı geçen eserinde bulmak mümkündür. İlim adamı R. Arat'ın hesabına göre, manzum eseri bitirdiği dönemde Yusuf, 54 yaşındaydı. O manzumesine Balasagun şehrine başlamış, 1067-1070 yıllarında Kaşkar'da bitirmiş olup, toplam 18 ayda tamamlamıştır. Hanlar hanı diye bilinen Kaşkar şehrinin idarecisi Tavgaç Buura Karahan Ebu Ali Hasan'a takdim etmiştir. Han, manzumenin mazmun ve muhtevasını fark edince, ona övgü anlamında şaire "Ulug Has-Hacib" unvanını vermiştir. Burdaki "has" Arapça'da saraydaki saygın insanların biri, "Ulug Has-Hacib" ise, sarayda hizmet etmekte olan ileri gelen saygın insan anlamına gelmektedir.

1069-1070 yıllarında Yusuf Balasagun'un yazdığı Türkçe Kutadgu Bilig isimli bu eser, dünyanın çok sayıda diline tercüme edilmiştir. Günümüzde Kutadgu Bilig manzumesinin üç nüshası(kopyası) muhafaza edilmektedir. Bir tanesi Viyana şehrinde, ikincisi Kahire şehrinde olup 1986 yılında keşfedilmiştir. Üçüncüsü ise Özbekistan'ın Namangan şehrinde bulunmuş olup,

günümüzde Özbekistan İlimler Akademisi Doğu Tanıma Enstitüsünün El Yazması Eserler fonunda muhafaza edilmektedir. Namangan ve Kahire'de bulunan nüshalar Arap alfabesiyle yazılmıştır. Diğer nüsha ise eski Uygur yazısıyla kaleme alınmıştır.

Eser, doğu kültüründe yaygın olarak kullanılmakta olan, nasihat vermeye yönelik olarak yazılan etik-didaktik özellikli bir çalışmadır. Destan, Karahanlılar Devletini idare eden hanlara, beylere, komutanlara ithafen yazıldığı için, eserde onların halka yorulmak bilmeksizin hizmet etmesini, bunun yanında idarenin sağlamlştırılmasını ve onun her yönüyle sağlam ayaklara oturmasını amaçlayan hümanist düşünce ve idealle kaleme alınmıştır. Bu eser, dünyanın kültürel mirasının, Türk edebiyatının, kültürünün ve ilminin eşi bulunmaz eseridir. Çok sayıda Türk halkı, Kutadgu Bilig isimli bu eseri, kendilerine ait yazılı edebiyatın ilk Türk-Müslüman şaheseri olarak görmektedir [2].

Kutadgu Bilig, Karahanlılar Devletindeki insanların günlük hayatı ve sosyal durumu hakkında zengin bilgileri ihtiva ettiğinden, idareciliği Türk halklarının ve İslâm kültürünün yüce manevî ve edep-ahlâk prensipleriyle uyumlu hale getirmeye çalışan, devleti idare etmenin teorisi ve pratiği hakkında ansiklopedik eser olarak özel değer taşımaktadır.

Yusuf Balasagun, bundan bin yıl kadar önce, herbir insanı sadece kendine has dinî inançlarının gereği olarak değil, toplumun birlik-beraberliği ve devletin bütünlüğü için olması gereken sorumluluğa da davet etmektedir. Onun düşünceleri Kırgız Devletinin büyük sınavları atlatarak, yeniden kurulma etabını başından geçirmekte olduğu günümüzde de aktüelliğini korumaktadır.

Kutadgu Bilig eseri, şiir türünde yazılmış olan güçlü bir eser olarak kabul edilir. Giriş sözünde, Eski Doğu edebiyatı şairlerinin eserlerinde sık rastlanan gök ile yeri, dağ ile ovayı, nehir ile denizi, yıldızlar ile güneşi ve benzeri şeyleri bir fasıl öven

geleneksel motifler bulunmaktadır. Bu konuda, destanın yazıldığı dönemin siyasî, sosyal-tarihî özelliğini dikkate almak gerek. Karahanlılar Devleti, Maveraunnehir ve Doğu Türkistan topraklarında hüküm sürmekte olup, içinde birçok halk; mesela Uygurlar, Karluklar, Argu ile Türgeşler, Yagma vb. İşte bu halkların hepsini bir araya getirip, Türk diyerek adlandırmışlardı.

Bunlardan başka, Oğuzlarla Kıpçaklar batıya doğru ilerleyip, Sır Derya nehrinin etrafındaki bölgeye kadar genişleyerek, geniş bir alana sahip olmuşlar ve tarihte "Deşt-i Kıpçak" adıyla bilinen bölge ortaya çıkmıştır. Karahanlılar Devletine baş eğen halklar, kendi içlerinde hakimliklere (valiliklere) bölünerek yaşamışlardır. Oraları ele geçirmek suretiyle, Karahanlılar Devleti, Batı ve Doğu hanlıklarına bölünür ve ortaya iki hanlık çıkar. Ceti Suu vadisi ile Doğu Türkistan, Doğu hanlığını oluşturup, onun başkenti Kırgızistan'da bulunan Balasagun şehri olmuştur. Başkent daha sonra Kaşkar'a taşınmıştır. Diğer yandan Maveraünnehr ise Batı hanlığını oluşturmuş ve kendi halinde yaşamaya başlamıştır. Bu durum, devletin dağılmasına yol açabilecek karışıklığa, idaredeki sıkıntıya sebep olmuştur. Sülale ve boy başında olanlar, beyler taht için birbiriyle mücadeleye girişmişlerdir. Yukarıdaki tarihî durum, Balasagun'lu Yusuf'un Kutadgu Bilig manzumesinin yazılmasına sebep olmuştur.

Büyük düşünce adamı, eserinden de görüldüğü üzere, Orta Çağın bilim seviyesi en yüksek, ansiklopedik seviyede düşünebilen insanlardan biriydi. O, ilmin her türlüşünü öğrenmişti. Mesela, astronomi, matematik, tıp, edebiyat, tarih, felsefe, estetik gibi. Etik meseleleri, Arap ve İran-Tacik şiirini, Türk ve Fars folklorünü iyi bilmekteydi.

Destan türünün tarihi, eski Mısır, Hint ve İran edebiyatlarında başlamakta, akabinde Doğu halklarının yazılı ve sözlü edebiyatının geleneksel

türüne dönmüştür. Kutadgu Bilig araştırmacılarının biri olan Prof. A. N. Kononov, manzumeyi, destan seviyesindeki bir eser olarak değerlendirmiş, onun muhtevasında insan hayatının ehemmiyeti ve amacı, insanın toplum içindeki günlük davranışı, birbiriyle muameleri ve ilim sahibi müellifin yaşadığı topluma karşı felsefi bakış açısını ortaya koymuştur. Ona göre epik eserin muhtevasını dört anlayış oluşturmaktadır:

Adalet, akıl, mutluluk, tok gözlülük. Bu anlayışlar, kahramanlar vasıtasıyla verilmiştir. Hükümdar Gündoğdu; adâlet. Vezir Aydoğdu; mutluluk. Vezirin oğlu Akdilmiş; akıl. Vezirin kardeşi Oğurmuş; tevekkülün sembolüdür. Görüldüğü üzere, manzumenin kahramanlarının isimleri alegorik-sembolik anlama sahiptir. Onlar insan hayatındaki en özel ve en verimli manevî değerlerinin etik-felsefik sanatsal görünüşteki sembolleridir. Eserin müellifi okumayı, ilim-bilim sahibi olmayı, dünyayı tanıyıp bilmenin en önemli yolu olarak değerlendirmektedir. İnsanın ancak okumak ve bilim almak sayesinde aklını seviyesini yükseltebilir demektedir. Yani, Yusuf Balasagun insana doğuştan verilen bu hususiyeti, insanın okuyarak, öğrenerek, örnek alarak şeklindeki yollarla zenginleştirebileceğini, geliştirebileceğini dile getirmiştir. Elbette, müellif, aklı âdap yoluna düşmenin en önemli şartı olarak görmüştür. Bilim sahibi olmak, akla uygun hareket etmek, ona göre saygınlığın işareti olarak görülmektedir. Bilim sahibi biri bu yolda sebat etse, o yüksek saygıyı hak etmiş demektir. Bilimin deniz misali dibi de yoktur, sınırı da. Onu girip ne kadar yüzersen yüz, eksilmez, tersine artar.

"Bilimsiz gönlün, dilin faydası yok,
Bilim, sanat hayata su gibi gerektir.
Bilimli dert çekerek, hep düşünür,
Bilimsiz düşünmeden, güler oynar."

Yukarıdaki dizeler, müellifin derin bir ilme sahip olduğuna, ilim-irfan ehli olduğuna şüphe duymaz. Manzumede müellifin felsefi anlamda kafa yorduğu meselelerin biri, insanoğlunun mutluluğu hakkında olmuştur. Manzumede, insanların mutluluğunun temel ahlâki hedef olarak durduğu konusunun üzerinde geniş olarak durmuş, herbir insanın kendi çapında âdâp-erkana uygun hususiyetlere sahip olduğunda baştaki ahlâki hedefe varacağı sonucuna ulaşır. Bundan başka, adı geçen eserde, tüm insanoğlunu ilgilendiren düşünceyi kapsayan ve dünyadaki her türlü devletin ve halkın hedef olarak belirlediği, şahsî hayatını güzelleştirmeye yönelik düşünceler ağırlıklı olarak verilmiştir. Hertürlü meslekteki insanları, ilim-bilimi, inançlılığı, edepliliği, ar sahibi olmayı, doğruluğu, vicdan sahibi olmayı, çalışkanlığı övmekte ve bunlar vasıtasıyla insanların güzel özelliklere sahip olmaya davet etmektedir.

Mesela:

"Kim kitabı okumaya devam ederse,
İki dünyada ışık saçar işine.

İlim ile belâ ve eksiklik giderilir,

Bilim ile halkın hududu sağlamlaşır.

Bilim olursa, can verecek dost sana,

İlim olursa, meslektaşın, ve komşun.

Kaderin zorlu olmasın diyorsan kendine,

Dilini ısır, dikkat eyle kendine.

İnsanı yoldan çıkaracak çoktur düşmanı,

Onlara yaklaşırsa, bozarlar onu.

Bir düşman, dili olur çekiştirir,

Başkası, boş söz vermek, bir tuzaktır.

Üçüncüsü kendini içkiye vermektir,

Bellidir onun ardı hayattır..?????

Başka bir kötü özellik, kabalığın,

Her nerde yürüyorsa, kötü bu halin.

Başka biri kaba öfkeli söz gönül kırar,
Yanımdan insanları toptan kovar.
Var ise bir kulunda bunun hepsi,
O halde ömür boyu beladadır.
Gençlik geçer, ömür geçer taşıp-coşan,
Bu dünya, düştür, sen de gidersin ömürden.
Ömrünü sen ata yurduna harcarsan,
Rahat edersin, hor görülmezsün hiçbir zaman.
Talihli dostum, mala-mülke güvenme,
Belâdan uzak olarak yaşasam de.
Akan su, esen yel gibi talih durmaz,
Hiçbir zaman onun etrafı durmak bilmez.
Talih değişen bir şeydir, vefası yoktur,
Yorulup yere düşse, uçsa konmaz.
Bir gelir talih başa, bakmazsan gider,
Talih bir konar, üflersen sönuverir.
Talihe elin ulaşırsa, sağlamca tut,
Bırakırsan sana tekrar gelmez inan.
Ecel ki, canlılara açık kapı,
Canlılar kurtulamaz, kaçsalar bile.
Aklındaki işi saklama, halka söyle,
Her işi gönlün ile seç her zaman.
İnan sen, sadece kendi kendine,
Çıkmasın başkalarına açık sözün
(dedikodun)."

Buna benzer, insanların her kademesinin
hoşuna giden ilim-irfan yumaklarına Ku-
tadgu Bilig'de oldukça çok rastlanmaktadır.
Aynı zamanda, o bu eserinde, sadece siyaset,
ilim-irfan ve bilim benzeri şeylerle sınır-
lanmak yerine, gençlere, bekârlara da birçok
öğüt vermektedir:

"Evlenmeyi düşünüyorsan şayet kendin,

Güzel seç, çıra gibi olsun gözün.
Nesebi pak, iman sahibi olsun ak kız,
Terbiyeli, pâk, akıllı ve günahsız.
Ailesi seninkinden aşağı olsun!
Nam sahibine layık damat olursun sen!
Yüzü değil, gönlü güzel olsun,
Seni bile düzeltir niyeti pâk
Evlenecek misin, o halde iyi bilesin,
Dört türlüünü aklında tut, sonrasında tut.
Biri yaşar zengin kıza evlensem der,
Başka birinin güzellerde gözü kalır!
Üçüncüsü soyu güzel olanı hayal eder,
Kibirli bir tanıdık sebep olup!
Dördüncüsü akıllını arayabilir,
Buldu mu, ebediyyen diler durur.
Bunların hangisi evlâ, söyleyeyim,
Evlenmek istiyorsan, kulak ver sen.
Kulak ver, zengin kadın isteyenim,
Kul olup mala-mülke kalmayasın!
Öyleleri açgözlü olurlar, doymak bilmez,
Doyurmak zor olur, mal-mülk taşıyıp!
Ya sizler, aldananlar güzellere,
Halkın güleceği birisine dönüşmeyin!
Güzellere düşer de çoğunun gözü,
Allah vere, nefislerini gemleseler!
Soy-soplu kıızı arzulayan kin güdenim,
Soyunun önünde ezilip kalma ha sen!
İleri gelen ailenin kızının dili uzun,
Kadınına kul olup kalma kendin.
Akıllı kız bulursan baka kalma,
Dört özelliğin hepsi de olur onda!
Buldun mu akıllıyı, acele eyle,

Yuva kur, bulunmayan talihri o.
 Dileğin zenginlikse eşin biriktirir,
 Mal-mülk artar, mutlulukla dolar evin.
 Namuslu mu kadının, güzel odur,
 Kadın sulu, gönlü de geniş olursa.
 Akıllı ve saf mıdır, demek ki, asil,
 Üç özelliği biriktirip bakan budur.
 Kadının akıllısını bulursan sayet,
 Dört bir yanı özelliğin denk demektir!
 Ve şayet akıllının bulursan birini,
 Hiç bekleme, kutlu dostum, hemen evlen!"

Yusuf Balasagun, söylediğiyle, yaptığıyla, diğer bir ifadeyle insanın dışıyla içinin birbirine uyumlu olması konusuna da vurgu yapmıştır. Onun düşüncesine göre, insanın yüce vasıflı biri olduğunun göstergelerinden biri de onun sözüyle hareketinin birbirine uyumlu olmasıdır. Öylesi insana başkaları iki dünyada da razı olurlar, demektedir. Ama sözleri hiçbir işe yaramayanı, saygıyı hak etmeyen yalancıyı, ahlâksız, edepsiz olarak değerlendirir. İnsanların edep-ahlâğa uygun düşen davranışlarına örnek olarak sadeliği ve mütevazılığı özellikle beğenmektedir.

SONUÇ

Kutadgu Bilig'in başından sonuna kadar müellifin sadelik ve mütevazılık, şefkatli olma gibi değerli düşünceleri birkaç defa tekrarlanmaktadır. Aynı zamanda, insanın insanî vasıflarına has gönlü genişliği, sabrı vb çok sayıda güzel davranışların üstünlüğünü dile getirerek, övünmeyi, aceleciliği, cimriliği vb özellikleri ise aksi huylu insanların huyu olarak vurgular. Fikir adamı, büyüklere saygı duyma gibi güzel hasletlerin evvela ailede, ana-babanın talim-terbiyesiyle şekilleneceğine özellikle vurgu yapmaktadır. Aile kurma, çocuk sahibi olma insan hayatında büyük mutluluk demektir. Çocuk

sahibi olduktan sonra, anne-babanın örnek davranış sergilemeleri gerekli. Bu geleneksel edep-erkan yolunu öne çıkaran müellif, düşünceye önem veren ana-babadan talim-terbiye alan çocukların mutlu olacağını, çocuklarının akıllı-uslu olmasını isteyen anne-baba onlara küçüklükten itibaren talim-terbiye vermesinin zaruri olduğuna özellikle vurgulamıştır.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М. Л. 1951.
2. Orkun N. M. Eski Türk Yazıtları. Ankara, 1987.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Malov S. E. Pamyatniki drevnetyurksoy pismennosti [Monuments of ancient Turkic writing]. M. L. 1951.
2. Orkun N. M. Eski Türk Yazıtları [Ancient Turkish Inscriptions]. Ankara, 1987.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Seifullah Abdullaev

Professor, Doctor of sciences

Issyk-Kul State University

Karakol, Kirgizstan

abdullaev.sayfullah@gmail.com

Принята к публикации: 01.08.2020

Submission Date: 05.08.2020

АНАЛИЗ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ С КОМПОНЕНТОМ «НЕНАВИСТЬ» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

汉语中包含“恨”的成语研究

Хо Ольга Александровна

Школа иностранных языков г. Санья

при Шанхайском университете иностранных языков

e-mail: khoolga@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются китайские идиоматические единицы (чэнъюй), содержащие компонент «ненависть». Исследуются языковые средства выражения эмоций в китайском языке, проводится лингвокультурологический анализ эмоционального концепта «ненависть» в конкретном контексте, тем самым предпринимается попытка раскрыть национально-культурную специфику китайского этноса

Ключевые слова: лингвокультурология, исследование, китайский язык, идиома, эмотивная лексика, «ненависть».

Для цитирования: Хо Ольга. Анализ идиоматических выражений с компонентом «ненависть» в китайском языке. *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(4): 26-33

ABSTRACT

This article studies Chinese idiomatic units (chengyu) containing the "hate" component. The author analyzes linguistic means of expressing emotions in Chinese language, using linguistic and cultural analysis of the emotional concept of "hate" in a specific context, tries to reveal the national-cultural specificity of the Chinese ethos.

Keywords and phrases: linguistic and cultural, analysis, Chinese language, idioms, psychological words, "hate".

For citation: Ho O. Analysis of Chinese idioms with the "hate" component. *Modern oriental studies.* 2020; 2(4): 26-33

摘要

本章对包含“恨”的汉语成语进行研究，即分析“恨”在具体语境里包含的意义。因此展示汉语在各自的语境画面中，如何以表示心理活动的词汇语句为表达载体，在语言语境中反映其民族价值观念和传统文化内涵。

关键词: 语言与文化、研究、汉语、成语、心理词汇、“恨”

绪论

我国语言学家对俄语熟语单位看法不一致，所以他们对俄语熟语分类也不同。俄语熟语基本上分为成语、谚语与俗语、典故。《Под фразеологической единицей понимается относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением》(俄语成语是相对稳定的, 可复现的, 表达的词法组合具有整体意义的词组) [Мокиенко, 1980, С. 204]。《Фразеологическая единица – это семантически несвободное сочетание слов, которое воспроизводится в речи как нечто единое с точки зрения смыслового содержания и лексико-грамматического состава》(俄语成语是语义上不自由的单词组合, 从语义内容和词汇语法的角度来看是在语言使用中的一个整体的单位) [Касаткина, 2001, С. 768]。比如: нести чушь (胡说八道, заячья душа (直接翻译: 兔子的灵魂, 意思是胆小)。

Башиева С.К.指出 при «узком» подходе к объему фразеологии, единицами фразеологической системы языка следует считать лишь «фразеологические единства» и «фразеологические сращения», а «фразеологические сочетания» и «фразеологические выражения» вместе с пословицами, поговорками и крылатыми словами находятся на периферии фразеологии и являются потенциальным источником ее пополнения [Башиева, 1996, С. 316]。在俄语语言学中, 出现几个流派, 但无论如何, 各家对熟语中诸范畴的划分, 总体来说, 无非是“广义之分”与“狭义之分”。“狭义”者认为,

在俄语中成语只分为两种, 即“接合性”与“融合性”, 而“组合性的成语”、“联合性的成语”、谚语、俗语与典故在熟语学的外围, 这些成分被认为是“接合性的成语”与“融合性的成语”的来源。

“广义之分”, 则把成语、谚语、俗语、典故归属于同一个层次, 其共同性在于1) 作为整体的语言单位; 2) 有肢解的形式; 3) 是间接提名的迹象, 其中意义的逻辑组成部分与言语的语用方面有关。当然, 这些单位之间也存在一些差异: 1) 谚语、俗语、典故包含某种具体语境、事件或故事; 2) 其形式也不同, 有短语或句子的形式, 因此作用也不同。这些差异并非决定性的, 因为其范畴语法意义会有变化, 而其语义, 稳定性与可复现性不变。

汉语熟语与俄语不同。汉语熟语是指常用的固定短语。熟语用词固定、结构紧密、语音和谐, 是语言中独立运用的词汇单位。它包括成语、谚语、歇后语和惯用语。熟语一般具有三个特点: 结构固定; 意义明确完整, 表达充分。熟语常常描述广大人民生活传统习俗、生活特点、历史事件等, 充分反映民族文化, 蕴含丰富的哲理智慧。其完整而固定的语言语句, 从古代延续到现在, 保留着它们的独特形式。正如俄罗斯汉学家 А.С. Семенов指出, 汉语熟语语义完整、结构稳定、词汇不可分割、形式多样、其构成形态各有不同的特点[Семенов, 2005, С. 113]。

在俄语中没有与汉语的成语相对应的单位。成语是指一般有四个字的稳定性的富于表情根据中国古代语言组成的词组。其语义整体, 包含

中国传统文化的特色。多来源于古典文学：经典、哲学论文、历史的编年史、小说、传说、神话、诗词、俗语、谚语等。

惯用语是按照现代口语规范建立起来的一种重要的中文词组单位。这种短语是具有稳定性与转义性的，通常是三音节，富含表情的简洁的语言单位。

谚语和俗语以句子形式为主，可以有直义或转义。谚语具有判断性与启发性，是富有表情的语言表达手段。谚语代表生命中多样化的现象，是具有生动性的一句话（简单的或复杂的），其特点是特定的节奏与语音设计。俗语被认为比较准确地确定任何生命现象的喻言。其形式简洁，跟谚语相反没有直接的启发意义，并不一定具有完整句子的形式。

歇后语由两部分组成：第一部分是寓言，第二部分是意义的揭示。歇后语第二部分通常是独立使用的。歇后语是一种具有民族性的话语，是在各个历史时期中国各地由不同行业的民族创造的很有特色的语言结构，其第一部分一般使用神话图像创造寓意的背景[Семенов, 2005, С.115]。本章以“恨”为主，对汉语成语进行研究。笔者认为，这样能够更有效分析研究人们的心理情感怎样在传统熟语语言里得以充分表达。

汉语中包含“恨”的成语分析

人们的情绪与感情十分复杂，表示心理活动的成语也有各种各样，笔者在收集包含“恨”的成语时发现，在成语里“恨”可以作为名词，也可以作为动词。这是因为在汉语中存在一词多类的现象（在汉语词典里“恨”是动词也是名词，只能根据单词在句子里占有什么位置、有什么作用来判断与确定词性）。“恨”作为名词表示一种感情，“恨”作

为动词表示感觉到一种感情，名词与动词的意义很接近。在这种研究笔者不光看词性，而将“恨”看作概念，从整体成语的意思揭示“恨”的含义。跟人的情感与情绪有关的研究不仅要依靠语义、语法、词性问题，也要比较广泛地研究心理活动的表现，研究整体的概念，因为语言是一种系统，要研究词与其他词的关系和它们的共同意义（语境），这样才能全面地显示这种语言的特点。

本文收集34个包含“恨”的成语，翻译成俄语与作出详细的解释，其中有：

- 恨相知晚

恨：懊悔；相知：互相了解，感情很深。后悔彼此建立友谊太迟了。形容新结交但感情深厚。

翻译与解释：Ненавидеть то, что поздно познакомились.

Значение фразеологизма – сожалеть, что дружба между людьми установилась слишком поздно.

- 旧愁新恨

愁：愁苦；恨：遗憾。指久未排解的苦闷和新起的愁怨。

翻译与解释：Старые заботы – новая ненависть.

Значение фразеологизма – если копить старые обиды и не избавляться от них, эти обиды становятся поводом для нового горя и возмущения.

- 恨入骨髓

形容痛恨到极点。

翻译与解释：Ненависть, проникшая в костный мозг.

Значение фразеологизма – ненависть, дошедшая до крайней точки.

- 恨海难填

恨海：怨恨如海；难填：难于填塞。比喻怨气难平。

翻译与解释：Море ненависти трудно заполнить.

Метафора со значением «обида, которую трудно усмирить».

- 切齿痛恨

形容愤恨到极点。

翻译与解释：Скрежетать зубами от ненависти.

Значение фразеологизма – крайняя точка негодования, злобы.

- 相见恨晚

只恨相见得太晚。形容一见如故，意气极其相投。

翻译与解释：Сожалеть, что не встретились раньше.

Значение фразеологизма – быстро сойтись с человеком, подружиться с первой встречи.

- 国仇家恨

国家被侵略之仇，家园被破坏之恨。

翻译与解释：Ненависть к врагу народа.

Значение фразеологизма – ненависть к врагам, вторгшимся в государство и разрушающим Родину.

- 恨如头醋

比喻非常可恶，令人痛恨。

翻译与解释：Ненависть подобная горькому уксусу.

Метафора со значением «действительно отвратительный, заставляющий людей ненавидеть».

- 悔恨交加

交加：一起袭来，两种事物同时出现或同时加在一个人身上。既后悔又怨恨。形容非常懊悔痛心。

翻译与解释：Попеременно чувствовать стыд и сожаление.

Значение фразеологизма – скорбеть до такой степени, что драть на своей голове волосы.

- 恨相见晚

见“恨相知晚”。

翻译与解释：Досадовать на то, что встретились поздно.

Значение фразеологизма – сожалеть, что дружба между людьми установилась слишком поздно.

- 雨恨云愁

感觉上以为可以惹人愁怨的云和雨。2) 喻男女间离别之情。

翻译与解释：Дождливая ненависть, облачная печаль / дожди ненависти, облака печали.

Значение фразеологизма – 1. Чувство, что облака и дождь могут побуждать людей горевать и роптать. 2. Сравнение, обозначающее чувство между мужчиной и женщиной, когда они расстаются.

- 恨海难填

恨海：怨恨如海；难填：难于填塞。比喻怨气难平。

翻译与解释：Разбушевавшееся море трудно заткнуть.

Значение фразеологизма – не на шутку разозлиться, трудно усмирить [王勤, 2006, 页48] 等.

下面笔者根据成语表达的意思，揭示“恨”的含义，并进行划分。

表1 成语里的“恨”含义分类

序号	“恨”的含义	包含“恨”的汉语成语
1	“恨”包含报复的意义	<p>比如：报仇雪恨 – мстить и брать реванш. Значение фразеологизма – возмездием избавиться от ненависти.</p> <p>怀恨在心 – затаить ненависть в сердце. Значение фразеологизма – спрятать обиду в сердце и искать путь к отмщению.</p> <p>报讎雪恨 – мстить, брать реванш. Значение фразеологизма – нанесенная врагом обида в сердце.</p>
2	恨与自然现象有关系	<p>比如：雨愁烟恨 – дождливые печали, туманная ненависть. Значение фразеологизма – дождь и туман вызывают грусть и печаль людей.</p> <p>雨恨云愁 – дождливая ненависть, облачная печаль; дождь ненависти, облако печали. Значение фразеологизма – 1. Чувство, что облака и дождь могут побуждать людей горевать и роптать.</p> <p>2. Сравнение, обозначающее чувство между мужчиной и женщиной, когда они расстаются.</p>
3	恨包含后悔，悔过的意义	<p>比如：抱恨终天 – затаить обиду до конца дней. Значение фразеологизма – раскаиваться до конца своих дней. Ранее означало «скорбеть всю жизнь по кончине отца и матери», нынешнее значение «всю жизнь раскаиваться из-за ошибок».</p> <p>相知恨晚 – сожалеть, что познакомились слишком поздно. Значение фразеологизма – быть в полном согласии с новым другом.</p> <p>遗恨终天 – неостывшая вражда до конца дней; сожаление о напрасно прожитой жизни до конца дней. Значение фразеологизма – всю жизнь мучиться угрызениями совести/сожалеть.</p> <p>遗恨千古 – сожалеть тысячи лет; вечно сожалеть. Значение фразеологизма – оставлять после себя вечную ненависть.</p>
4	恨包含绝望的意义	<p>比如：悔恨交加 – попеременно чувствовать стыд и сожаление. Значение фразеологизма – скорбеть до такой степени, что драть на своей голове волосы.</p> <p>抱恨黄泉 – затаить обиду до могилы.</p> <p>Значение фразеологизма – умереть, затаив в душе досаду, сожалеть на смертном одре.</p> <p>饮恨而终 – затаить ненависть до конца.</p> <p>Значение фразеологизма – таить в душе ненависть до самой смерти.</p>

序号	“恨” 的含义	包含“恨” 的汉语成语
5	表示深刻的恨	<p>比如：恨海难填 – море ненависти трудно заполнить. Значение фразеологизма – не на шутку разозлиться, трудно усмирить.</p> <p>Метафора со значением «обида, которую трудно усмирить».</p> <p>千愁万恨 – тысяча печалей, десять тысяч ненависти. Значение фразеологизма – множество горя и страданий.</p> <p>Значение фразеологизма – ненависть, дошедшая до крайней точки.</p> <p>恨入骨髓 – ненависть, проникшая в костный мозг. Значение фразеологизма – ненависть, дошедшая до крайней точки.</p>
6	恨包含隐藏情感的意义	<p>饮恨而终 – затаить ненависть до конца.</p> <p>Значение фразеологизма – таить в душе ненависть до самой смерти.</p> <p>衔悲茹恨 – затаив ненависть, быть полным печали. Значение фразеологизма – страдание и ненависть, хранящиеся в душе.</p> <p>Значение фразеологизма – молча затаить обиду.</p> <p>怀恨在心 – затаить ненависть в сердце.</p> <p>Значение фразеологизма – спрятать обиду в сердце и искать путь к отмщению.</p>
7	恨跟时间有关系 (现在, 以前)	<p>新愁旧恨 – новые печали – старая вражда.</p> <p>Значение фразеологизма – быть огорченным прошлой и нынешней обстановкой и ненавидеть их.</p> <p>新仇旧恨 – новые враги – старая вражда.</p> <p>Значение фразеологизма – новые враги присоединяются к старой вражде. Глубокая ненависть, вражда.</p>
8	恨包含难忘与无限感觉的意义	<p>刻骨仇恨 – незабываемая, смертельная вражда.</p> <p>Значение фразеологизма – непримиримая вражда, вечно хранящаяся в сердце.</p> <p>此恨绵绵 – эта ненависть тянется непрерывно.</p> <p>Значение фразеологизма – сожаление подобного рода охватывает душу, никогда не заканчиваясь.</p> <p>终天之恨 – вражда до конца дней.</p> <p>Значение фразеологизма – раскаиваться до самой смерти или быть недовольным каким-либо событием.</p>

序号	“恨”的含义	包含“恨”的汉语成语
9	恨包含深刻强烈的感觉的意义	深仇大恨 – глубокая вражда, сильная ненависть. Значение фразеологизма – глубокая и сильная вражда.
10	恨跟味道与物质质量比喻	恨如头醋 – ненависть подобная горькому уксусу. Метафора со значением «действительно отвратительный, заставляющий людей ненавидеть» [李华, 1992].

结果

本文首先将包含“恨”34个汉语成语根据其色彩做出分类，笔者估计由于“恨”本来有消极的意义，所以大多数包含“恨”的成语也会属于表示负面的。在进行色彩分类时获得如下结果，属于积极类包含“恨”汉语成语一共有5个（占所分析的成语15%，比如：相见恨晚 – сожалеть, что не встретились раньше），属于中性类的熟语只有1个（占所分析的成语3%，比如：雨愁烟恨 – дождливые печали, туманная ненависть），结果最多的成语都属于消极类，共有34个（占所分析的成语82%，比如：千愁万恨 – большое количество ненависти и печали.）。可见，虽然“恨”单独被认为有消极的意义，但还是可以找出一些包含“恨”的成语表示积极的意义。在分析包含“恨”的汉语成语时，根据“恨”的含义笔者划分为10个种类：1）恨包含报复的意义，2）恨与自然现象有关系，3）恨包含后悔，悔过的意义，4）恨包含绝望的意义，5）表示深刻的恨，6）恨跟时间有关系（现在，以前），7）恨包含隐藏情感的意

义，8）恨包含难忘与无限感觉的意义，9）恨包含深刻的强烈的感觉的意义，10）味道与质量比喻恨。从上面的表格可见，包含“恨”的成语基本上都表示“恨”的原因，程度或状态。

笔者发现汉语有特有的包含“恨”的成语，比如汉语的“恨”用醋比喻：恨如头醋（比喻仇恨有醋的味道）。还有跟自然现象有关的像：雨愁烟恨（这个成语的意思是烟雨引起人的惆怅哀愁）。汉语里边的“恨”除了上面说的之外还有怨恨、懊悔、悔恨、遗恨的意义，而在雨愁烟恨这个成语显示其惆怅与哀愁的意义。汉语里边的“恨”具有如下主要特性：1）难忘与无尽，2）深藏与隐匿。比如，刻骨仇恨，表示难忘与无尽的仇恨情感的意思，而饮恨而终、深仇大恨等表示隐藏在内心感情的意思。

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов А.Л. Лексика китайского языка. М: Восток-Запад, 2005.
2. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: Уч. пособие для филол. специальностей университетов. М.: Высшая школа, 1980.
3. Касаткина Л.Л. Русский язык: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр Академия, 2001.
4. Башиева С.К. Стилистический компонент фразеологического значения. Нальчик, 1996.
5. 王勤. 汉语熟语论(精). 山东教育出版社, 2006.
6. 汉语成语词典. 李华等. 成都: 四川辞书出版社, 1992.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Semenas, A.L. (2005). Leksika kitajskogo yazyka [Chinese vocabulary]. Moskow: Vostok-Zapad.
2. Mokienko, V.M. (1980). Slavyanskaya frazeologiya: Uch. posobie dlya filol. special'nostej un-tov [Slavic phraseology: Textbook for philological specialties of universities]. Moskow: Vysshaya shkola
3. Kasatkina, L.L. (2001). Russkij yazyk: Ucheb. dlya stud. vyssh. ped. ucheb. 90 zavedenij [Russian language: Textbook for students of 90 higher pedagogical educational institutions]. Moskow: Izdatel'skij centr Akademiya.
4. Bashieva, S.K. (1996). Stilisticheskij komponent frazeologicheskogo znacheniya

[Stylistic component of phraseological meaning]. Nal'chik.

5. Wang, Qin. (2006) Hanyushuyu lun(jing) [Chinese Idioms]. Shandong Education Press.
6. Li, Hua et all. (1992) Hanyuchengyu cidian [Chinese Idioms Dictionary]. Chengdu: Sichuan Dictionary Press.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Senior teacher, PhD **Kho Olga**

Sanya Foreign Language School Affiliated to Shanghai International Studies University khoolga@gmail.com

At the junction Fengxiang road and West Haiyu road, Tianya district, Sanya, Hainan Province, China

Принята к публикации: 01.08.2020

Submission Date: 05.08.2020

**ЯДЖНАВАЛКЬЯ И МАЙТРЕЙИ: НОВАЯ ЖИЗНЬ
ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО СЮЖЕТА БРИХАДАРАНЬЯКА-УПАНИШАДЫ
В БЕНГАЛЬСКОЙ МЫСЛИ XIX-XX ВВ.**

**YAJNAVALKYA AND MATREYI: THE NEW LIFE OF THE BRIHADARANYAKA-
UPANISHADA'S ESCHATOLOGICAL STORY IN BENGALI THOUGHT
OF THE XIX-XX CENTURIES.**

Скороходова Татьяна Григорьевна

*Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация
skorokhod71@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В статье изучается вопрос об особой привлекательности сюжета Брихадараньяка-упанишады о Яджнавалкье и Майтрейи для бенгальских мыслителей Нового времени. На основе герменевтического исследования текстов мыслителей от Раммохана Рая до Амартьи Сена автор описывает множество смыслов, открытых в истории, рассказанной в ранних Упанишадах. В источниках обозначено два общих направления интерпретации сюжета – религиозно-философский и социокультурный. Наряду с традиционными онтологическим и эсхатологическим смыслами в мысли Нового времени раскрыты социальный, этический, аксиологический, экзистенциально-гуманистический и даже экономический смыслы. Главная причина востребованности и привлекательности сюжета о Яджнавалкье и Майтрейи, по мысли автора, заключена в «осевом» характере мысли ранних Упанишад, которая стала серьезной духовной опорой для мыслителей Бенгалии. Другая причина скрыта в трансформации интеллектуального контекста, в котором существовал

ABSTRACT

A question on special attractiveness of Brihadaranyaka-upanishada's plot on Yajnavalkya and Maitreyi for the Modern Bengal thinkers is analyzed in the article. Based on hermeneutical research of texts by the thinkers from Rammohun Roy to Amartya Sen, the author describes a number of meanings discovered in the early Upanishadic story. There are two general trends of the plot interpretation in the sources: religious-philosophical and social-cultural. Along with traditional ontological and eschatological meanings, the social, ethical, axiological, existential-humanistic and even economical ones were highlighted in Modern thought. The main cause of demand and attractiveness of the Yajnavalkya and Maitreyi plot the author sees in 'Axial Age' character of the early Upanishadic thought, which had become a solid spiritual foundation for Bengal thinkers. The second cause is in the Modern transformation of intellectual context where traditional text and plot existed. The ancient sacred text had found a new life as existentially and socially significant both for being of human and a life of society. The plot had been filled by universal

традиционный текст и сюжет, в Новое время. Древний сюжет обрёл новую жизнь как экзистенциально и социально значимый как для бытия человека, так и для жизни общества. Сюжет был наполнен универсальным гуманистическим содержанием, а также стал рациональным основанием для решения проблем развития традиционного общества в новых условиях.

Ключевые слова и фразы: Индийская мысль Нового времени, Бенгальское Возрождение, Осевое время, эсхатология, смыслы, религиозная философия, социальная философия.

Для цитирования: Скороходова Т.Г. Яджнавалкья и Майтрейи: новая жизнь эсхатологического сюжета Брихадараньяка-упанишад в бенгальской мысли XIX–XX вв. *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(4): 34-51

СЮЖЕТ

Осмысление конечной судьбы человека в её соотнесённости с Абсолютом – индивидуальной эсхатологии – со времён древних Упанишад (VIII–II вв. до н. э.) было значимой темой индийской религиозной мысли. Нетрудно заметить, что эта тема и связанные с нею сюжеты появляются и развиваются в период, описанный Карлом Ясперсом как «Осевое время» (Axenzeit), – духовный процесс, который шёл между 800 и 200 гг. до н. э. в большинстве цивилизаций и означал «самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился по сей день» [Ясперс, 1994, С. 32]. Именно «осевые» ранние Упанишад в силу своей древности и авторитетности как «завершения Вед» (веданты) служили источником вдохновения для религиозных философов и, по словам С. Радхакришнана, «каждое возрождение идеализма в Индии находит в учении

humanistic content and also became a rational ground for solving the problems of the development of traditional society in the new conditions.

Keywords and phrases: Modern Indian thought, the Bengal Renaissance, Axenzeit, eschatology, meanings, religious philosophy, social philosophy.

For citation: Skorokhodova T.G. Yajnavalkya and Maitreyi: New Life of the Brihadaranyaka-upanishada's Eschatological Story in Bengali Thought of XIX–XX centuries. *Modern oriental studies.* 2020; 2(4): 34-51

Упанишад источник своего происхождения» [Радхакришнан, 1993, Т. 1, С. 113]. Именно в них воплотилось рождённое Осевым временем новое качество культуры: «Человек осознаёт бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познаёт абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентального мира» [Ясперс, 1994, С. 33].

Неудивительно, что тексты, идеи и сюжеты ранних тринадцати Упанишад оказались востребованы в новый период развития индийской мысли XIX–XX вв., когда вопрос о месте человека в мире и смысле его бытия, о ценности его земной жизни и её духовном содержании был поставлен в связи с размышлениями об упадке, в котором оказалась Индия в колониальный

период на фоне динамично развивающегося Запада. При этом в религиозном содержании текстов мыслители Нового времени находили прежде неведомые смыслы, выходящие на различные сферы и измерения человеческого бытия в мире и служившие не только обновлению философской мысли, но и обоснованию социальных изменений в традиционном обществе, вошедшем в стадию модернизационных трансформаций.

Особенно преуспели в деле толкования ранних Упанишад мыслители Бенгальского Возрождения XIX – 1 трети XX вв. – национально-культурного ренессанса, связанного с поиском путей в современность и созданием интеллектуальных и социальных основ для развития Индии [См., напр.: Dasgupta, 2010; Dasgupta, 2012; Скороходова 2008]]. Начиная с Раммохана Рая (1772–1833), который перевёл ряд упанишад на английский и дал им новую адогматическую интерпретацию и завершая философией Рабиндраната Тагора (см., напр.: [Singh, 1974, С. 17–65]), в идеях и сюжетах упанишад бенгальские интеллектуалы снова и снова обнаруживают актуальные для современности смыслы.

Среди сюжетов, востребованных интеллектуалами, с редкостным постоянством в их текстах присутствует сюжет Брихадараньякаупанишад (II.4 и IV.5) о беседе легендарного мудреца Яджнавалкья с его супругой Майтрейи. Собираясь вступить в жизненную стадию отшельничества – ванапрастха (*vānaprastha*), домохозяин (*gr̥ihāstha*) Яджнавалкья собирается разделить имущество между двумя своими жёнами – Майтрейи, «которая была способна беседовать о Брахмане», и Катьяяни, наделённой

«лишь знанием, свойственным женщинам» [Упанишад, 1992, С. 129]. И Майтрейи задаёт ему вопрос: «Если бы вся эта земля, полная богатств, сделалась моей, стала бы я от этого бессмертной?» [Упанишад, 1992, С. 88]. Яджнавалкья отвечает отрицательно, супруга просит его поведать ей о бессмертии, и он излагает учение об Атмане.

Суть индивидуальной эсхатологии по учению Яджнавалкья – посмертное слияние сознания с Абсолютом (Атманом), единение, достижение тождества индивидуального с бесконечной сущностью. В сюжете эсхатологическом – о конечной судьбе человека, и мистическом – о единении с Богом, на первый взгляд, обозначены исключительно духовные и религиозно-философские смыслы. Однако бенгальские мыслители – философы, социальные реформаторы, учёные, деятели культуры объясняют этот сюжет настолько разнообразно, словно соревнуются в открытии разных, и совсем не обязательно религиозных смыслов, в представлении его как неисчерпаемого по содержанию.

Почему именно эсхатологический сюжет оказался столь востребованным и привлекательным по возможностям интерпретации для ведущих умов Нового времени? Ответить на поставленный вопрос предполагается в приведённом ниже исследовании, через рассмотрение всего спектра открытых в сюжете смыслов.

...О ДОСТОИНСТВЕ И ПРАВАХ ЖЕНЩИН

Впервые фигуры Яджнавалкья и Майтрейи появились в работах реформатора и философа Раммохана Рая. С одной стороны, он ссылался на законы Яджнавалкья (Яджнавалкья-смити) как

бесспорно авторитетный текст, в котором есть подтверждение тем правам женщин, которые попораны в индуистской общине – право на имущество семьи после смерти мужа и/или отца [Roy, 1982, Т. II, С. 376, 381], и право вдовы на жизнь [Roy, 1982, Т. II, С. 345]. С другой стороны, сам сюжет появляется в 9 разделе «Второй беседы Защитника и Противника сожжения вдов заживо» (1819), где Раммохан опровергает традиционные патриархальные представления о женщинах, приводимые в поддержку обычая сати и лежащие в основе несправедливого положения женщины в общине. И первое представление – приписывание им мужчинами более низкого качества разума (*understanding*) [Roy, 1982, Т. II, С. 360]. Раммохан спрашивает: «...Предоставляли ли вы им надлежащие возможности для проявления их способностей? Как тогда вы можете обвинять их в недостатке разума? ...Поскольку вы держите женщин вообще вне образования и знаний, то, следовательно, вы не можете по справедливости судить об их «более низких качествах» [Roy, 1982, Т. II, С. 360–361]. И затем реформатор приводит в пример выдающихся и учёных женщин, упомянутых в древних текстах. Из них Майтрейи оказывается самой яркой фигурой: «...В Брихадараньяка-упанишаде Яджурведы ясно указано, что Яджнавалкья сообщил божественное знание самой сложной природы своей жене Майтрейи, которая была способна воспринять и полностью постичь его! (курсив мой. – Т.С.)» [Roy, 1982, Т. II, С. 361].

Сюжет дан здесь для обоснования современной идеи гендерного равенства со ссылкой на традиционный авторитетный текст, то есть инструментально, практически иллюстративно,

но, а само содержание беседы Раммохан не рассматривает, преследуя трактате социально-реформаторские цели. Однако сам контекст – гендерные проблемы – актуализирует прежде не востребуемые смыслы: женщина способна воспринимать сложнейшее знание наравне со всеми другими собеседниками Яджнавалкьи в Брихадараньяке, в основном мужчинами (исключение – Гарги Вачакнави), и мужчина с готовностью обучил Майтрейи высшим истинам. На фоне этого примера состояние женщин в общине смотрелось как глубокий упадок и забвение древнего – и более совершенного – отношения к женщине.

После Раммохана Рая социальное, а точнее гендерное измерение сюжета оказалось весьма востребовано в социально-реформаторской мысли Бенгалии наряду с другими подобными примерами из священных текстов и классической литературы. Пример способной к постижению сложнейших теологических вопросов Майтрейи едва ли не чаще всех других выдвигается как контраргумент против традиционных предписаний и утверждений о женщинах.

В эссе «Природа женского образования» (1842) учёный, общественный деятель и христианский теолог Кришномохан Банерджи (1813–1885) говорит о женщине-математике Лилавати – дочери астронома Удаянчарьи, и о Майтрейи – примерах, доказывающих отсутствие запрета на женское образование, включающее и тайны эзотерической философии, хотя и понимает, что эти женщины могли быть и счастливыми исключениями среди большинства неграмотных женщин своего времени [Banerjea, 1848, С. 17–18].

«Перенеситесь в своём воображении на сотни лет тому назад, и вы найдёте в ранних текстах и практике нашей великой нации настойчивые протесты против этих вредных обычаев, которые мы пытаемся искоренить, и принципы в поддержку реформ, которые необходимы», – призывает лидер Брахмо Самаджа Кешобчондро Сен (1838–1884) и приводит в пример «священный и впечатляющий диалог» о бессмертии из Брихадараньяки [Sen, 1904, С. 89]. Майтрейи, Гарги и другие знаменитые женщины Упанишад играли выдающуюся роль в религиозных и философских исканиях и дискуссиях и углублённо изучали теологию [Sen, 1904, С. 90].

Реформаторское отношение к «женскому вопросу» разделял и философ-неоведантист, общественный деятель Свами Вивекананда (1863–1902). В одном из диалогов на замечание ученика о женщинах как инструменте майи, созданном для сокрытия знания и отвлечения мужчин от истинных целей философ решительно возражает: «В каких священных текстах вы нашли заявление, что женщины неспособны к познанию и преданности? В период упадка, когда жрецы сделали для других каст невозможным изучение Вед, они и лишили прав и женщин. Тогда как в эпохе Ведийской, или эпохе Упанишад вы найдёте Майтрейи, Гарги и других почтенных женщин, сохраняемых в памяти наравне с риши – благодаря их способности обсуждать природу Брахмана» [Vivekananda, 1998–2002, Т. VII, С. 214–215].

Диалог Майтрейи и Яджнавалкьи приводится как выдающийся факт социальной жизни и в «Истории цивилизации в Древней Индии,

основанной на санскритских источниках», созданной историком и экономистом Ромешчондро Дотто (1848–1909), который отсылает к брахманистской литературе, свидетельствующей о высоком уважении к женщине в древности. «Майтрейи – мудрая, достигшая совершенства учёная госпожа, – получила и постигла эту великую истину и ценила её больше, чем все богатства мира» [Dutt, 1893, С. 169]. Ниже, в главе «Религиозные доктрины Упанишад» Р. Дотто поясняет, что «урок, данный Яджнавалкьей Майтрейи – это основополагающая идея философии Упанишад: идея универсальности души, не совпадающая с монотеизмом, который признаёт отличие Бога-творца от сотворённых им существ». Монотеизм индусской религии, восходящий к этим решениям, «признаёт Бога как Универсальное Существо, и все вещи, произошедшие из него – все есть часть его, снова сольются с ним и не имеют отдельного существования» [Dutt. 1893, С. 191]. Здесь в контексте истории и культуры подчёркивается специфика религиозности и философии Индии – монотеизм как почитание Единого Сущего – истока мира, но не Творца его.

Гендерно-социальные смыслы открыты в сюжете не целенаправленно, а в размышлениях о проблемах общественного порядка, в котором достоинство и права женщин попораны, что свидетельствует об общем упадке морали и социальности. Иллюстративный характер обращения к сюжету вывел личность Майтрейи на первый план, сделав её символом высокого статуса женщин и – укором современным индуистам-ортодоксам, держащимся за «священные» нормы.

...О КОНЕЧНОЙ СУДЬБЕ ЧЕЛОВЕКА

Однако после Раммохана Рая сюжет о Яджнавалкье и Майтрейи интерпретируется и как эсхатологический, в религиозно-философском ключе. В этой ситуации основная интенция мыслителей – актуализация духовного содержания поучения Яджнавалкьи.

Упанишады были источником вдохновения для Дебендронатха Тагора (1817–1905) – религиозного реформатора, главы основанного Раммоханом Раем в 1828 г. «Брахмо Самаджа» («Общество [поклонения] Брахмо», т. е. единому Богу). Свои проповеди на богослужениях в Самадже он часто строил на изречениях ранних Упанишад, часто обращаясь к Брихадараньяке (II.14.1; III.8.10; IV.3.1–7) (См. напр.: [Tagore, 1909, С. 159–162, 162–164, 165–168, 170–171]). В проповеди «Наша надежда на бессмертие» Д. Тагор взял за основу вопрос Майтрейи: «Как могу я удовлетвориться тем, что не может сделать меня бессмертным?» [Tagore, 1909, С. 172]. Сюжет здесь рассматривается как эсхатологический – о конечной судьбе человека и цели его жизни.

Собственно координаты эсхатологической мысли в XIX в. были заданы в религиозно-философских трудах Раммохана Рая, который говорил о стремлении всех людей к вечному блаженству (eternal bliss) и доступности его всем независимо от социального статуса. Обретение спасения Раммохан, исходя из Упанишад и Веданты, связал с познанием и почитанием единого Бога [Упанишады, 1992, С. 61] через следование Его моральным заповедям, добродетельную жизнь, веру и знание о Нём. Вертикаль «Бог – человек» в трудах Раммохана опре-

деляет направление мышления о смерти, смертной судьбе и бессмертии человека, однако эсхатологические смыслы не открываются без размышлений о жизни, в которой человек связан с миром многообразными узами, т. е. о «горизонтальном» измерении его жизни.

Толкование сюжета о Яджнавалкье и Майтрейи у Дебендронатха Тагора вписано в контекст его эсхатологических представлений. Жизнь человека в мире он трактовал как воплощение замысла Бога – раскрыться в человеческой душе через любовь, знание, красоту, благочестие и добро [Tagore, 1909, С. 172]. Однако если в земной жизни Бог являет себя человеку в кратковременном созерцании, то в посмертии его ждёт перспектива «бесконечного наслаждения Богом» созерцания его лицом к лицу, единения [Tagore, 1909, С. 172–173]. В этом смысле жизнь земная и бессмертие соотносятся как путь и цель пути, а смерть – решающий шаг к спасению. Проблема заключается в том, что человек наделён свободой, и от него самого зависит, выберет ли он путь Бога и добродетели, или путь своеволия и мирских удовольствий. По мысли Д. Тагора, только выбор пути Бога – «прибежища во Всемогущем» – «ведёт к россыпям несчетных сокровищ – самоуважению, святости и свободе» [Tagore, 1909, С. 176]. Это не только путь в вечность, к бессмертию, но и свобода для земной жизни.

Вопрос, мучивший Майтрейи, для Дебендронатха вопрос универсальный – во все времена его задаёт себе каждый человек. «Когда высокая цель жизни озаряет ум, и нам открывается, насколько мы далеки от её осуществления, мы чувствуем в себе пустоту, которую не в состоянии

заполнить мир со всеми его радостями, и как глубоко внутреннее чувство беспокойства, которое не избудут все богатства мира» [Tagore, 1909, С. 175]. В этом вопросе коренятся поиски Бога, желание хранить чистоту и целомудрие и принести в жертву грешные помыслы и склонности. Ответом на него Дебендронатх считает полагание высокой цели верности Богу и соответствующую, неуклонную направленность жизни к Нему – и это единственная цель жизни и спасения. Об этом и говорит Яджнавалкья; «Вечность и истину невозможно обрести с помощью вещей преходящих и нереальных», – поясняет его слова мыслитель [Tagore, 1909, С. 174].

Смысл сюжета и ответа мудреца Дебендронатх выводит от противного. Материальное богатство, всё мирское и преходящее указывает на свою противоположность – духовное богатство и вечность, должную цель жизни и спасения. «Бог – ваша единственная цель, – Он, который есть Экамевадвитиям – Один без другого. Служите миру так, как вы можете (курсив мой. – Т.С.), но пусть Бог будет для вас превыше всего; без Него все богатства мира не могут нас удовлетворить» [Tagore, 1909, С. 175], – здесь актуализируются эсхатологические измерения индивидуальной жизни: традиционная непривязанность к богатству и преодоление стремления к мирским удовольствиям в отношениях с миром дополняется у Дебендронатха мыслью о счастье и радости, которыми Бог наделяет человека на земле и которые ждут его в небесном мире. Подлинное богатство и счастье мыслитель видит в наслаждении «святой радостью его присутствия», в движении по пути спасения [Tagore, 1909, С. 175], т. к. на земле человеку доступна лишь кратковременная радость созерцания Бога.

Показательно, что изложенное Яджнавалкьей учение об исчезновении индивидуального сознания в Атмане Дебендронатх обходит вниманием, т. к. сам отверг тождество атмана и Брахмана, растворение души в Брахмане и утрату личного сознания (см.: [Tagore, 1909, С. 78, 85, 99–100]. Душа для него заведомо бессмертна и в ином мире не утрачивает сознания, но тем более высокие обязанности налагаются на человека в земной жизни, если он устремлён к бессмертию. Интерпретация Дебендронатха Тагора даёт ответ о высоком смысле человеческой жизни, о счастье, которое приносит сосредоточенность на Боге и добродетель.

СВАМИ ВИВЕКАНАНДА:

РАЗВЁРНУТАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЮЖЕТА

В конце XIX в. к сюжету обратился Свами Вивекананда в выступлении «Яджнавалкья и Майтрейи». Особенность его толкования в том, что он объясняет аудитории смысл всей брахманы (II.4). каждого из её содержательных разделов. Для него это прежде всего онтологический сюжет, указывающий на единственное подлинное бытие – Единого бесконечного Сущего (Атман), и отношение к нему вселенной и человека. При этом философ интерпретирует сюжет в этическом ключе, превращая его в основание понимания добра и зла, а также любви.

«Мы говорим: “В самом деле плох тот день, когда мы не слышим имени Господа, а пасмурный день вообще не плох”» [Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 416], – с этой фразы, на первый взгляд не связанной с темой, Вивекананда начинает выступление, но она задаёт общий тон интерпретации: во всём, что есть в мире, он призывает видеть Атман, т. е. Бога, единого Сущего.

В оригинале Майтрейи говорит Яджнавалкье фразу: «Что я буду делать с тем, от чего [всё равно] не стану бессмертной?» [Упанишады, 1992, С. 88]. Вивекананда передаёт её реплику несколько иначе: «Что мне делать, чтобы обрести то, что сделает меня бессмертной?» [Vivekananda, 1998–2002, т. II. с. 416]. Просьбу поведать знание о бессмертии он обращает в просьбу о пути к обретению бессмертия, т. е. о самом пути постижения истинного знания. Поэтому поучение Яджнавалкьи становится у Вивекананды изложением «любопытной философии». Рассуждение о том, что все блага мира, люди, существа и состояния (брахманство, кшатра) и др. дороги не ради них самих, но только ради Атмана (II.4.5) – единственного предмета размышления – философ считает последовательным объяснением сути любви в мире. Термин «Атман» он почти сразу заменяет английским Self (Я, самости), и отвергает современную трактовку «Я» философами как единственной мотивирующей силы в мире, а любви – как эгоизма в самом низком смысле слова любви к другому из любви к себе. Индивидуальное Я человека для Вивекананды – «не что иное, как тень того настоящего (the real), Я, которое скрыто» [Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 417], – т. е. вселенная, то, что можно назвать Самостью (Self-ness). И эгоизм, и любовь к другому человеку, которые могут внешне представляться неправильными и даже дурными (evil), есть лишь малые проявления большой любви к Я – Самости, т. е. высшего Сущего. По мнению Вивекананды, любя другого, человек любит Атман/ Self, даже не зная об этом; а сознательная любовь к высшему Я во всём – это любовь свободная, делающая человека святым;

то есть Яджнавалкья в первую очередь объясняет, «что он подразумевает под любовью» [Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 417]. Истинная (совершенная) любовь, по мысли философа, отличается тем, что приносит блаженство: это идеал и избавление от печали и страдания, которые человеку доставляет любовь без осознания тождества мира и всех его объектов с Я/Сущим. А несовершенная любовь коренится в склонности людей отличать вещи, отделять их от той целостности, которую представляет собой мир и скрытая за ним сущность (Атман). «Я пытаюсь любить жену, но как только эта женщина воспринята как обособленная, она отделяется от Атмана, и моя любовь оказывается не вечной и завершается печально. Но стóит мне увидеть эту женщину как Атман, то любовь становится совершенной, и никогда не будет страданием» [Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 418].

Путь достижения этой любви-идеала лежит через знание об Атмане – Вивекананда пересказывает учение Яджнавалкьи о тождестве всех объектов Атману, благодаря познанию которого познаётся всё ((II.4.6–12). «Как кусочек соли, брошенный в морскую воду, исчезает, и мы не можем вернуть его, так же, Майтрейи, есть этот Универсальный Сущий (Universal Being), вечно бесконечный; всё знание пребывает в Нём. Вся вселенная возникает из Него и снова в Него возвращается. Нет более ни знания, ни умирания, ни смерти», – так вполне вольно¹ передаёт Вивекананда 12 стих раздела

¹ Ср. в переводе А. Я. Сыркина с санскрита: «Подобно тому как брошенный в воду комок соли растворяется в воде и нельзя вытащить его [снова]..., так же, о [Майтрейи], эта великая, бесконечная, безграничная, состоящая из одного лишь познания сущность, возникнув из этих элементов, исчезает в них. Нет после смерти сознания» [Упанишады, 1992, С. 89–90].

[Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 418–419]. Итог познания Атмана – это обретение идеи происхождения всего из Него и возвращение к Нему, единение с Ним. «Мы есть Универсальность (the Universal)» [Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 419], – заключает Вивекананда. Интерпретация обосновывает адвайтистское тождество индивидуальной души (атмана) и Абсолюта (Брахмана), которое он представляет в своей философии как высшую стадию развития даршаны веданты (две первые – двайта и вишишта-адвайта веданта) и одновременно высшей точкой развития религиозного сознания Индии (и не только её – всего человечества). Между тем в поучении Яджнавалкьи на первом плане не столько тождество атмана и души, сколько исчезновение индивидуального сознания человека после смерти, и искомое бессмертие обретается ценой утраты субъектности при растворении в Атмане.

Героиню сюжета смутило утверждение об исчезновении сознания в посмертной судьбе человека (II.4.13); Вивекананда трактует её смущение и даже испуг (fright) как следствие присущего всем людям страха перед утратой индивидуальности. Он даже добавляет фразы Майтрейи как цитату прямой речи; она у него говорит, что не может понять, как это «не будет больше никаких богов» и «некого узнавать, некого любить некого ненавидеть» [Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 419]. Но причин для страха нет, поскольку для Вивекананды утрата индивидуальности отдельным человеком есть обретение «подлинной индивидуальности», т. е. Единого Бесконечного Сущего. Отсюда оригинальное в классическом сюжете исчезновение двойственности (субъекта – объекта) перетол-

ковывается философом как тождество цели познания и средств познания (Атмана) и шире – бытия и познания (классическое сат и чит): «Какими средствами можем мы познать Его? Никакими. Поскольку он и есть эти средства» [Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 419]. В этом тождестве нет более разделения разнообразных частей, разнообразие воспринимается только на низшем уровне – в начале пути познания, пока не исчезла иллюзорность восприятия. Стоит узнать об Атмане, как всё, что есть проявленного в мире, становится его манифестациями.

Следующая за сюжетом пятая брахмана во 2 главе Брихадараньяки (т. наз. «учение мёда» о взаимосвязи микрокосма и макрокосма в Атмане, см. [Упанишады, 1992, С. 90–93, 56, 183–184]) в интерпретации Вивекананды содержательно привязана к учению Яджнавалкьи – об этом разделе он говорит как об аргументации, демонстрирующей, «как познать То, через которое всё знание становится возможным» [Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 420]. Здесь философ обосновывает этический характер Брахмана/Атмана, принципиально благоу его природу, которая познаётся через многообразие и связь всего сущего в мире.

Героиню сюжета смутило утверждение об исчезновении сознания в посмертной судьбе человека (II.4.13); Вивекананда трактует её смущение и даже испуг (fright) как следствие присущего всем людям страха перед утратой индивидуальности. Он даже добавляет фразы Майтрейи как цитату прямой речи; она у него говорит, что не может понять, как это «не будет больше никаких богов» и «некого узнавать,

некого любить некого ненави- деть» [Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 419]. Но причин для страха нет, поскольку для Вивекананды утрата индивидуальности отдельным человеком есть обретение «подлинной индивидуальности», т. е. Единого Бесконечного Сущего. Отсюда оригинальное в классическом сюжете исчезновение двойственности (субъекта – объекта) перетолковывается философom как тождество цели познания и средств познания (Атмана) и шире – бытия и познания (классическое сат и чит): «Какими средствами можем мы познать Его? Никакими. Поскольку он и есть эти средства» [Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 419]. В этом тождестве нет более разделения разнообразных частей, разнообразие воспринимается только на низшем уровне – в начале пути познания, пока не исчезла иллюзорность восприятия. Стоит узнать об Атмане, как всё, что есть проявленного в мире, становится его манифестациями.

Следующая за сюжетом пятая брахмана во 2 главе Брихадараньяки (т. наз. «учение мёда» о взаимосвязи микрокосма и макрокосма в Атмане, см. [Упанишады, 1992, С. 90–93, 56, 183–184]) в интерпретации Вивекананды со- держательно привязана к учению Яджнавалкьи – об этом разделе он говорит как об аргументации, демонстрирующей, «как познать То, через которое всё знание становится возможным» [Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 420]. Здесь философ обосновывает этический характер Брахмана/Атмана, принципиально благую его природу, которая познаётся через многообразие и связь всего сущего в мире.

«Эта земля – сладость (sweet) для всех существ и все существа – сладость для этой земли, они все помогают друг другу (курсив мой. – Т. С.). И вся эта сладость есть Атман, тот лучезарный бессмертный Единый, пребывающий внутри этой земли»², – так с добавлением фразы о взаимной помощи Вивекананда передаёт 1 шлоку 5 брахманы [Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 421, 422]. «Сладость» Атмана он понимает как любовь и счастье в каждом существе человеческом и каждом ином проявлении – телесном и духовном. Стоит только постичь эту истину, меняется вся жизнь человека – уходят предрас- судки и суеверия, вера во множество богов, и «тщетные разделения» мира на множество противостоящих и враждующих субъектов.

При этом Вивекананда разграничивает благо, которое пронизывает мир как сущность, и добро и зло, существующие в мире людей, не знающих о его истинной сущности. Этическая теория философа строится на идее стадильности проявления благой сущности в мире от самого низшего отражения Его до высшего состояния, где исчезают все различия. «Нет никаких двоих богов. Когда Он менее проявлен, это называется тьмой, злом, а когда Он более проявлен, то названо светом. Это – всё. Добро и зло – только вопрос степени: более или менее проявленной» [Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 420]. Адвайтистское предпочтение единения

²Ср. в переводе А. Я. Сыркина с санскрита: «Эта земля – мёд для всех существ, все существа – мёд для этой земли. И этот блистающий, бессмертный пуруша, который в этой земле, и этот относящийся к телу блистающий, бессмертный пуруша, который [существует как] тело, – он и есть этот Атман. Это – бессмертный, это – Брахман, это – всё.» [Упанишады, 1992, С. 90]. Далее аналогичным образом описана взаимосвязь иных компонентов макрокосма и атмана.

всего и вся в Атмане, который один есть Реальность, «вершина», «центр», «Наилучший» (the Best), – доминирует в решении этической темы Вивеканандой; о Нём можно сказать лишь апофатически – «он ни зол, ни добр», т. к. эти характеристики существуют в мире множественности, иллюзий, где возможны все виды противопоставлений, тогда как Наилучшее может быть только единым. Дихотомия добра и зла имеет, по сути, гносеологическое и социальное происхождение: незнание благой природы Реальности, скрытой за всеми явлениями мира, – первая причина её существования, вторая – усвоение с детства предрассудка о различении добра и зла, которые просто «не существуют». «Добро и зло – это разнообразные формы суеверий, – говорит Вивекананда. – Они пропитали все виды дуалистических заблуждений и все виды идей, и эти слова проникли в сердца людей, наполняя ужасом мужчин и женщин и пребывая здесь словно ужасные тираны. Они заставляют нас делаться тиграми. Вся ненависть, с которой мы ненавидим других, вызвана этими глупейшими идеями, которые мы усвоили с детства – добром и злом. Наше суждение о человечестве становится всецело ложным; мы превращаем эту прекрасную землю в ад. Но как только мы можем отбросить [понятия] добра и зла, она становится небесами» [Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 421]. И потому через открытие единого, наилучшего во всём, во всех явлениях, действиях и событиях – от самых низменных до самых высоких – человек уже в этом мире обретает блаженство, которое тождественно бессмертному, а вместе с ним – любовь и счастье. Схватывание этого всеобщего единства, его осознание во всех проявленных формах вселенной,

по Вивекананде, есть суть того, «что Яджнавалкья пытался объяснить Майтрейи» [Vivekananda, 1998–2002, Т. II. С. 422].

Находясь в пространстве религиозно-философской мысли, Вивекананда в истолковании этики ограничивается констатацией иллюзорности и, соответственно, относительности добра и зла в мире. И решение связанных с ними проблем человеческого бытия он, опираясь на авторитет Яджнавалкьи, видит в индивидуальном познавательном усилии – размышлении, духовном прозрении и трансформации жизни благодаря обретению любви, счастья и блага в Едином. Здесь он вполне традиционен, и в отличие от других своих многочисленных выступлений, не касается социального зла, которое никоим образом и никогда не оправдывает. Напротив, его социальные тексты полны призывов бороться с социальными пороками, а отнюдь не видеть в них явление Единого и его благой природы. Однако самое «вчитывание» представлений о любви в её универсальном (к миру и всему, что есть в нём) и индивидуальном измерениях, и о счастье серьёзно трансформирует этическое измерение сюжета: в оригинале самое упоминание этих терминов отсутствует, в т. ч. и в «учении мёда» (II.5), где описана «взаимосвязь космических и индивидуальных феноменов, осуществляемая в высшем начале – Атмане» [Сыркин, 1992, С. 56]. Появление таких терминов в интерпретации сюжета описывает, по сути, содержание этих связей – универсальную любовь Единого и всех сущих человеческих индивидов, а также счастье как духовное состояние, достигаемое в познании истины и единении с Богом. И действительно, эта мысль подтверждена

у Вивекананды во «Вдохновенных беседах» с учениками (26 июля 1895): «Любите всё сущее только через Я (Self) и ради него», – говорит он и ссылается на объяснение Яджнавалкьи, данное Майтрейи, о том, что всё познаётся через Атмана, и знающий его, знает его и как закон для себя [Vivekananda, 1998–2002, Т. VII. С. 69].

СЮЖЕТ ОБ ИСТИНЕ И ЦЕННОСТЯХ

Религиозно-философское содержание сюжета о беседе мудреца с женой значимо и для другого неоведантиста Бенгалии – Ауробиндо Гхоша (1872–1850), который обращается к нему инструментально, для подкрепления своего знания. Разъясняя содержание категории чит (сознание) с опорой на собственный йогический опыт, он определяет его как «внутреннюю силу, присущую самому существу» (Атману, Пуруше), как «реальность, внутренне присущую бытию» [Письма, 2005, С. 223] и говорит о разных планах сознания. Здесь ему помогает речение Яджнавалкьи «Нет после смерти сознания», смутившее Майтрейи. По мысли Ауробиндо, мудрец говорит «лишь о том сознании, которое известно человеку. Состояние Брахмана – это состояние в высшей степени сознательное, самосознающее, высшее бытие (svayamprakāśa), Сат–Чит–Ананда, Бытие–Сознание–Блаженство [Письма, 2005, С. 224]. И это состояние никоим образом не означает отсутствия бытия или сознания. «Это значит, что оно пребывает за пределами наивысшего духовного субстрата космического бытия и сознания («основание наверху» как гласит блестящий парадокс «Ригведы»)» [Письма, 2005, С. 224]. Более того, это состояние сознания видят не только индийские мудрецы – это то же са-

мое Ничто, в котором есть всё, постигнутое, как китайское Дао и буддийская Шунья.

Другой контекст, в котором Ауробиндо обращается к этому сюжету, – постижение подлинного смысла любви и толкование этических вопросов, в частности, альтруизма. Философ разделяет представление Вивекананды о том, что этика веданты учит различению очевидного/кажущегося (apparent) и подлинного (real) человека; в первом сосуществует множество компонентов, в т. ч. противоположных, и описываемых категориями добра и зла; во втором всё это оказывается иллюзорным и исчезает. «Отсюда следует, что даже высшая любовь и альтруизм ограничены Я (the Self, т. е. Атман. – Т.С.). Альтруизм – это не принесение себя в жертву другим, но принесение в жертву нашего ложного (false) я – нашему истинному Я, которое, если мы не йогины, мы лучше всего можем узреть в других» [Aurobindo, 2003, С. 150–151]. Однако взаимодействие с другими, отличными от нашей самости, представляется Ауробиндо временным, преходящим и по природе, и по результатам, и не вызывает такого постоянного чувства, которым является любовь («возможно, мы не можем любить то, что не есть наше Я (ourselves)» [Aurobindo, 2003, С. 150–151]). В другом месте он говорит об эгоистической любви, исходящей из страстей индивидуального я [Aurobindo, 2003, С. 107]. Здесь именно Яджнавалкья раскрывает, по мнению Ауробиндо, смысл любви – «Не ради жены, но ради я (Self) жена дорога нам» [Aurobindo, 2003, С. 151; Aurobindo, 1999, С. 107], и поясняет, что в высоком смысле внутреннее значение индивидуальной любви – в том, что она не эгоистична, но божественна, и необходимо понять, что

эмоциональные, эстетические, интеллектуальные, духовные и любые другие состояния, принимаемые за любовь – это всего лишь внешние формы/оболочки, за которыми скрыта подлинная любовь к истинному Я (Атману), блаженство чувства Союза с ним, слияние с Единым [Aurobindo, 2003, С. 151]. «Всё единство между живыми созданиями в сущности своей есть самообретение (self-finding), слияние с тем, от кого мы были отделены, открытие одного я в других», – заключает философ [Aurobindo, 1999, С. 107].

Итак, самое тождество с Божественным Я оказывается целью и сутью этического учения – Ауробиндо считает, что возвышенная концепция Добра требуется до тех пор, пока подлинное Я смешивается с облакающими его формами; открытие первого делает излишней потребность в добре и искушения зла. Путь этики, по мысли философа, представляет собой восхождение к высшей цели слияния с Высшим сознанием, нахождение божественного в себе, его проявление. Не отрицая важности каждого переживания, он резюмирует: «эмоциональное удовольствие является более высоким, нежели материальное, интеллектуальное выше, чем эстетическое, этическое – выше интеллектуального, духовное – этического. Это – целостная истина и целостная философия этики, всё остальное есть практическое урегулирование и равновесие сил, экономящих энергию ради целей общественной стабильности или некоторых других важных, но непостоянных целей» [Aurobindo, 2003, С. 107]. Отсюда и путь духовного развития, эволюции человека становится у Ауробиндо тождествен этическому развитию, и религиозное безусловно имеет приоритет над мирским существованием.

Так усилиями философов-неоведантистов Бенгалии сюжет о Яджнавалкье и Майтрейи из онтологического и отчасти гносеологического превращён в этический, которым изначально он не был.

Рабиндранат Тагор (1861–1941) также неоднократно обращался к сюжету Брихадараньяки и в социокультурном, и в религиозном контекстах. В выступлении «В канун отъезда» (1912), собираясь в Европу, писатель критикует замкнутость индийцев на себе и добровольную изоляцию от внешнего мира – других стран и культур, и ссылается на разнообразные стереотипы, оправдывающие это положение – в том числе негативные клише о Европе и европейцах – об их материализме, бездуховности, бездушности, жажде богатства и наживы и т. п. На этом фоне индийцы любят рассуждать о том, что они «духовные и богобоязненные люди, очень мало думающие о земных делах», и находят в этом утешение, хотя это и препятствует их развитию [Tagore, 1961, С. 171]. «Испытание нашей преданности истине лежит в нашей способности распахивать двери неведомому, открыть – что там, за стенами, и воздать должное – почести, которые не продиктованы слепым обычаем, а даны свободным сознанием» [Tagore, 1961, С. 160], – говорит Тагор и подробно разъясняет, что за всеми достижениями и успехами Европы скрывается внутренняя сила, а именно дух, религия любви, развитая благодаря христианству и выраженная в служении и сочувствии ближним и в способности посвящать себя другим людям. «Из этой пылкой жертвенности рождена та сила бессмертия (курсив мой. – Т.С.), которая выражает себя в науке и искусствах, в литературе, поли-

тике и коммерции» [Tagore, 1961, С. 171], – смысл стремления к высшему, к бессмертию – смысл эсхатологический; и его Тагор видит за всеми проявлениями общественной жизни и культуры во всех цивилизациях. Поэт подводит аудиторию к своей главной мысли: «Люди, которые не знают истины, скрытой внутри них самих, склонны думать, что сила лежит во внешнем мире, и только те, кто приобрёл их, преуспеют. Но Европа спрашивает, эхом повторяя голос древней Индии: “Что мне делать с тем, что не сделает меня бессмертной?”» [Tagore, 1961, С. 172], – так появляется вопрос Майтрейи. Бессмертие, конечные высшие цели в трактовке Тагора предстают достойным обоснованием разнообразной человеческой деятельности, в том числе по обустройству земного мира, и в них заключено подлинное величие каждого народа. Эта истина известна европейцам – несмотря на все промахи, провалы и дурные последствия, они следуют ей, тогда как индийцы о ней забыли, причиняя себе вред. Интерпретация идеи бессмертия как общей религиозной силы, движущей человеком и народами, у Тагора охватывает оба направления толкования сюжета – и религиозно-гуманистическое, и социокультурное, и одновременно указывает на «вселенские» смыслы сюжета.

В цикле «Садхана» (1913) в завершающей лекции «Осуществление бесконечного» Р. Тагор размышляет о стремлении человека к Богу и возможности сочетания этой жажды бесконечного с приобретением земных ценностей, имущества и мирских благ и доказывает, опираясь на изречения Упанишад, что это несовместимые друг с другом желания. «Постоянное приобретение имущества для себя – это беско-

нечная и утомительная работа, – говорит мыслитель. – Фактически, если душа ищет Бога, она пытается окончательно убежать от этого бесконечного собирания и накопления, которому нет завершения» [Tagore, 1913, С. 147]. И здесь сюжет трактуется аксиологически; вопрос Майтрейи – о том, что более ценно – земное богатство, которое заведомо ниже человека, или же то, что выше и больше. Самое владение показывает человеку, что он выше того, чем владеет, и что «Совершенное несчастье – быть связанным с тем, что ничтожнее нас самих» [Tagore, 1913, С. 151]. Развивая эту мысль, Тагор приходит к важнейшей теме своей философии – теме свободы. Негативную свободу душа обретает, становясь выше поработивших её земных благ, а человек приближается к выражению подлинной сущности своей души и движется к вечной жизни. А после освобождения она испытывает блаженство от обладания высшим, превосходящим её: «...Наша душа должна парить в бесконечности, и каждое мгновение она должна чувствовать, что не может достичь пределов этой высшей радости, её совершенной свободы» [Tagore, 1913, С. 152]. Так ценность высшего порядка – богообщения, обретения себя в Боге – открывает ключевую тему индийской мысли – освобождение, и одновременно тему универсальную – свободу как ценность и реальность бытия человека.

У Тагора древний эсхатологический сюжет приобретает экзистенциальный смысл – тот самый, которого взыскует человек «осевой эпохи» у Ясперса: смысл обретения себя через освобождение от зависимости от благ «низшего» порядка и свободу в соотнесённости с высшим и абсолютным.

...И О БЛАГОСОСТОЯНИИ

Казалось бы, бенгальские мыслители охватили широкий спектр смыслов и значений древнего сюжета, но в 1999 г. всему миру была явлена ещё одна его нетривиальная трактовка. «Основной вопрос Майтрейи («сто мне делать с тем, что не сделает меня бессмертной»), был полезен для меня, чтобы обратиться пониманию развития, которое не связано с его оцениванием по росту ВВП или ВНП, и объяснить его» [Sen, 2005, С. 8], – пишет нобелевский лауреат, экономист и социальный мыслитель Амартья Сен (р. 1933), наследник гуманистической философии Бенгальского Возрождения.

С выяснения экономического и социально-экономического содержания начала диалога супругов А. Сен начинает первую главу своей книги «Развитие как свобода». Смысл вопроса он передаёт так: «Возможно ли с помощью богатства осуществить любое желание?» и заявляет, что эта проблема имеет прямое отношение к экономике и пониманию сущности развития, т. к. «касается взаимосвязи между доходами и личными достижениями, между экономическим благополучием и нашей способностью жить так, как мы хотим» [Sen, 2004, С. 30]. Сен совершенно не интересуется исходным эсхатологическим содержанием, ему важно общее стремление людей действительно жить долго (а не умирать в расцвете сил) и жить хорошо (а не в нищете и угнетении).

Диалог задаёт принципиально важный подход к развитию общества – широкий взгляд на человеческую жизнь в противовес сведению

его исключительно к богатству, – подход универсальный, обозначенный не только в Индии VIII в. до н.э., но также и у Аристотеля в «Никомаховой этике» – «Богатство... полезно, т. е. существует для чего-то другого» [Sen, 2004, С. 31]. Сен подтверждает полезность умножения доходов или материальных благ только как «чудесного и универсального» средства для одной цели – обретения свободы – свободы жить, с нашей точки зрения, «хорошо»: «Полезность богатства состоит в том, что оно позволяет нам обрести насущные права и свободы» [Sen, 2004, С. 31]. Отсюда Сен выходит на исследование роли материального благополучия в создании условий и качества жизни, в освобождении от социального и иного гнёта, на изучение роли «инструментальных свобод» (политические свободы, экономические и социальные возможности, гарантии прозрачности и социальная защита – Т.С.), позволяющих достигать свободы как цели, как развития и для человека, и для общества.

Так у Амартьи Сена эсхатологический сюжет обернулся вполне «мирской», антропологической и социальной стороной, – отсечением религиозных измерений экономист указал на скрытое за этим текстом содержание, доселе не выявленное, но «желавшее сказаться» (Х.-Г. Гадамер): на права и свободу людей в земной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные интерпретации сюжета о Яджнавалкье и Майтрейи позволяют дать ответ о причинах его востребованности и привлекательности для разных бенгальских мыслителей.

Прежде всего это его «осевое» происхождение и характер: наследие ранних Упанишад было для бенгальских интеллектуалов, принадлежавших к «осевой» цивилизации Индии, одним из источников вдохновения в их желании возрождения общества и культуры, и потому в поиске ответов на острые духовные и культурные вопросы они обращались к наследию своего – и общего – «Осевого времени» как прочной духовной опоры.

Общая смена интеллектуального контекста, в котором существовал текст и сюжет, с глубоко религиозного (бренный и преходящий характер мира) на социальный и культурный, связанный с решением проблем бытия человека и бытия общества в мире Modernity и взаимодействия народов Востока и Запада, а также развитие социальной мысли и реформаторства в Бенгалии позволили рассматривать древние тексты и классические сюжеты в связи с непривычными темами и в разнообразных нетрадиционных контекстах. В этих обстоятельствах беседа мудреца и законоучителя Яджнавалкьи с женой о бессмертии обрела новую жизнь как экзистенциально и социально значимый текст, богатый смыслами, которые только требовалось открыть и понять.

Стоящая за интерпретациями герменевтика свидетельствует, с одной стороны, о нахождении в сюжете универсального гуманистического содержания – духовного и культурного, а с другой – об обретении в нём рационального содержания, способного изменить умонастроение соотечественников в этических, культурных, ценностных и социальных вопро-

сах. И в этом плане сюжет о Яджнавалкье и Майтрейи был для интеллектуалов очень выигрышным: трактуя высшие духовные вопросы, он не позволяет забыть о насущных проблемах и даже способен указать на должное и идеал – если его поставить в нужный мыслителю герменевтический контекст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 527 с.
2. Радхакришнан С. Индийская философия. В 2-х тт. М.: Миф, 1993.
3. Dasgupta, Subrata. Awakening: the Story of the Bengal Renaissance. Noida: Random House Publishers; 2010.
4. Dasgupta, Subrata. The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore. Delhi: Permanent Black; 2012.
5. Скороходова Т. Г. Бенгальское Возрождение. Очерки истории социокультурного синтеза в индийской философской мысли Нового времени. СПб.: Петербургское востоковедение; 2008.
6. Singh S. P. Revival of Upanishadic Thought in Contemporary Indian Philosophy. Patna, Delhi: Pustak Sadan; 1974.
7. Упанишады. Пер. с санскрита и коммент. А. Я. Сыркина. В 3 тт. т. 1. Брихадараньяка-упанишада. М.: Ладомир; 1992.
8. Roy Raja Rammohun. The English Works. Ed. by

- J. C. Ghose. In 4 vols. New Delhi: Cosmo; 1982.
9. Banerjea Krishna Mohun. A Prize Essay on Native Female Education. 2nd ed. Calcutta, R. G. Lepage & Co British Library, 1848.
10. Sen Keshub Chandra. Discourses and Writings. Calcutta: Brahma Trust Society, 1904.
11. Vivekananda, Swami. Complete Works, Mayavati Memorial Edition, 12th ed., 9 vols, Mayavati, Almora, Advaita Ashrama, 1998–2002.
12. Dutt Romesh Chunder. A History of Civilization of Ancient India Based on Sanskrit Literature. In 2 Vols. Vol. I. L.: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co, 1893.
13. Tagore Devendranath. The Autobiography. Transl. from Original Bengali by Satyendranath Tagore and Indira Devi. Calcutta: S.C. Lahiri & Co.; 1909.
14. Сыркин А. Я. Ранние Упанишады и Брихадараньяка // Упанишады. Пер. с санскрита и коммент. А. Я. Сыркина. В 3 тт. т. 1. Брихадараньяка-упанишада. М.: Ладомир; 1992. С. 5–63.
15. Письма Шри Ауробиндо. Пер. с англ. А. Е. Величенко // Величенко А. Е. Тайна йоги Шри Ауробиндо: реконструкция безмолвного знания. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 117–279.
16. Aurobindo Sri. The Complete Works, Vol. 17, Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram Press, 2003.
17. Aurobindo Sri. The Complete Works, Vols. 23–24, Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram Press, 1999.
18. Tagore Rabindranath. Towards Universal Man. Bombay etc.: Asia, 1961.
19. Tagore Rabindranath. Sadhana. The Realisation of Life. L.: Macmillan; 1913.
20. Sen Amartya. Argumentative Indian. Writing on Culture, History and Identity. L.: Penguin Books; 2005.
21. Сен Амартья. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Jaspers Karl, The Origin and Goal of History. Translated by M. Bullock. 3rd ed. L.: New Haven, 1965.
2. Radhakrishnan Sarvepalli, Indian Philosophy, in 2 vols, London, Allen & Unwin, New York: Macmillan, 1922.
3. Dasgupta, Subrata. Awakening: the Story of the Bengal Renaissance. Noida: Random House Publishers; 2010
4. Dasgupta, Subrata. The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore. Delhi; Permanent Black; 2012.
5. Skorokhodova Tatiana G. The Bengal Renaissance. Essays on History of Socio-cultural Synthesis in Modern Indian Philosophical Thought. St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers; 2008. (In Russ.)
6. Singh S. P. Revival of Upanishadic Thought in Contemporary Indian Philosophy. Patna, Delhi: Pustak Sadan; 1974.
7. The Upanishads. Transl. by A. Ya. Syrkin. In 3

- vols. Vol. 1. Brihadaranyaka-upanishada. Moscow: Lodomir; 1992. (In Russ.)
8. Roy Raja Rammohun. The English Works. Ed. by J. C. Ghose. In 4 vols. New Delhi: Cosmo; 1982.
9. Banerjea Krishna Mohun. A Prize Essay on Native Female Education. 2nd ed. Calcutta, R. G. Lepage & Co British Library, 1848.
10. Sen Keshub Chandra. Discourses and Writings. Calcutta: Brahma Trust Society, 1904.
11. Vivekananda, Swami. Complete Works, Mayavati Memorial Edition, 12th ed., 9 vols, Mayavati, Almora, Advaita Ashrama, 1998–2002.
12. Dutt Romesh Chunder. A History of Civilization of Ancient India Based on Sanskrit Literature. In 2 Vols. Vol. I. L.: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co, 1893.
13. Tagore Devendranath. The Autobiography. Transl. from Original Bengali by Satyendranath Tagore and Indira Devi. Calcutta: S.C. Lahiri & Co.; 1909.
14. Syrkin A. Ya., Early Upanishads and Brihadaranyaka. In: The Upanishads. Transl. by A. Ya. Syrkin. In 3 vols. Vol. 1. Brihadaranyaka-upanishada. Moscow: Lodomir; 1992. Pp. 5–63. (In Russ.)
15. Letters of Sri Aurobindo. In: Velichenko A. Ye. The Mystery of Sri Aurobindo's Yoga: A Reconstruction of Silent Knowledge. St.Petersburg, St.Petersburg University Press; 2005. Pp. 117–279. (Russian transl.)
16. Aurobindo Sri. The Complete Works, Vol. 17, Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram Press, 2003.
17. Aurobindo Sri. The Complete Works, Vols. 23–24, Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram Press, 1999.
18. Tagore Rabindranath. Towards Universal Man. Bombay etc.: Asia, 1961.
19. Tagore Rabindranath. Sadhana. The Realisation of Life. L.: Macmillan; 1913.
20. Sen Amartya. Argumentative Indian. Writing on Culture, History and Identity. London: Penguin Books; 2005.
21. Sen Amartya. Development as Freedom. N.Y.: Alfred A. Knopf; 2000.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Professor, Doctor of philosophical sciences;

PhD in Historical sciences

Tatiana G. Skorokhodova

Department "Theory and Practice of Social Work"

Penza State University

440026, Penza, Krasnaya str, 40

Russia

skorokhod71@mail.ru

Принята к публикации: 01.08.2020

Submission Date: 05.08.2020

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ВИНА

COMPARATIVE ANALYSIS OF CHINESE AND RUSSIAN WINE CULTURE

中俄酒文化对比分析

Ли Сьюань

*Hunan International Business Vocational College
Confucius Institute in Kazan Federal University*

李思元

湖南外贸职业学院
喀山联邦大学孔子学院

120151687@qq.com

АННОТАЦИЯ

Культура вина – это материальные, духовные и культурные достижения, полученные в процессе производства и потребления вина. На протяжении долгой истории Китая и России, культура вина, как особая культурная форма, занимает особенное место и проникает во все сферы общественной жизни. Исходя из этого, данная статья сравнивает и анализирует китайско-русскую винную культуру и ищет соответствующее культурное значение.

Ключевые слова и фразы: культура вина, Китай, Россия, сравнение.

Для цитирования: Ли Сьюань. Сравнительный анализ китайской и русской культуры вина. *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(4): 52-55

摘要

酒文化是在酒的生产、消费环节产生的物质与精神文化成果，在中国和俄罗斯漫长的历史长河中，酒文化作为特殊的文化形式，都占据着独特地位，渗透至社会生活的多个领域中。本文基于此，针对中俄酒文化进行对比和分析，旨在探讨其相关文化意义。

关键词: 酒文化；中国；俄罗斯；对比。

For citation: Li Siyuan. *Comparative analysis of Chinese and Russian wine culture. Modern oriental studies.* 2020; 2(4): 52-55

酒是人类社会发展的重要标志之一，从表面来看，酒只是饮品，但从古到今，酒对人类社会发展促进作用不言而喻，酒除了具备其本身的自然属性外，也被人们赋予了特殊的社会属性。酒文化在中俄两国中，都扮演着重要角色，从某种程度上，酒文化印证着中俄两国的历史，不仅给人民带来了酒器、美酒等物质文化财富，对于两国的民俗礼仪、民族性格、语言文学等，也产生了深刻影响。

1 中俄酒文化起源

在中华民族源远流长的历史中，酒文化是一种特殊的文化形式，在中国传统文化中，占据重要地位，渗透至人们生活、生产的诸多领域，是沟通、交流的重要媒介。从古代开始，各类宴会上就离不开酒的身影，古人也提到：“无酒不成席”，其间还衍生出大量丰富的文娱节目，如说书、奏乐、作画、咏诗、行酒令等。

从酿造起源来看，最具可考性的便是“杜康酿酒”，在《说文解字》中记载到：“古者，少康初作箕帚、秫酒。少康者，杜康。”在中国历史上，酒文化也表现出阶段性的发展特征，在公元前4000~2000年，人们用发酵谷物酿制水酒，公元前2000~200年，出现了火、酒曲，酿酒业得到极大的发展，诞生了专门的酿酒机构。公元前200~公元1000年，中国的酿酒技术已经成熟，并出现李白、杜甫、苏东坡等酒文化名人，也拉动中国的酿酒业进入黄金时代。从汉唐盛世之后，中西在文化之间相互渗透，呈现出兼容并包的发展特点。

俄罗斯作为常年被冰雪覆盖的寒冷国度，人们对于饮酒也情有独钟，俄罗斯人钟爱伏特加酒。在俄罗斯人看来，不喝酒的男人，就不是真正男子汉。关于俄罗斯酒的起源，最早可追溯至公元5世纪。当时，人们用桦树汁酿酒，在10~11世纪，用蜂蜜替代了传统桦树汁，成为了主要的酿酒材料，并持续了3个多世纪。除了烈性伏特加酒外，俄罗斯人也非常青睐香槟和啤酒，在各种宴会、节日中，常可见香槟与啤酒的身影。

2 中国酒文化特点

2.1 讲究“酒礼”

中国有着“礼仪之邦”的称谓，从各类场合中，均可以看到“礼”的重要性。在饮酒上，中国人讲究饮酒方式和氛围，从家庭聚会，到官场应酬，无不渗透着“酒礼”。中国有句古语“无酒不成礼”，最具代表性的便是“敬酒”、“劝酒”、“罚酒”，从落座到结束，每一个环节，都有礼数需要遵循，“酒礼”也正是在这一特殊的文化背景下诞生。

关于中国的“酒礼”，在西周时期便已发展完备。首先，讲求“时”，即饮酒要把握时间，在婚丧、喜庆大典以及祭祀时，才可以饮酒；其次，讲究“序”，序就是等级；再次，讲究“数”，每次饮酒数量不能超过三爵；最后，强调“令”，就是服从酒官的命令。在宴席上，不同辈分的座次，使用什么酒杯，怎样敬酒等，都有约定俗成的规定，很多规定被延续至今。

另外，中国人饮酒讲求“节制”。孔子曾经提到：“唯酒无量，不及乱”，喝酒不节制，就会烂醉如

泥，令人生厌。因此，古人在推崇酒文化时，也制定了“酒德”，饮酒饮至微醉状态，是最微妙的境界。

2.2 助兴

中国人饮酒，有助兴的含义。饮酒时的酒器大多小巧玲珑，非常精美，而且讲究下酒菜，要冷热兼顾、荤素搭配。饮酒时，一般是小杯慢饮，亲朋好友坐下来边吃菜、边饮酒，再达到似醉非醉的状态时，就会迸发出连珠妙语。中国著名诗人李白很多流传千古的名句，就是在饮酒时写下，如“君不见黄河之水天上来，奔流到海不复回”，不善言辞的诗人、词人在饮酒后，往往会借此抒发情怀与心情。因此，中国也有“借酒消愁”一说。

2.3 交际性

在日常生活中，中国人也经常将酒作为交际的工具，也让酒文化具有了交际性的特征，能够让人与人的情感变得更加亲密。如，在送别时，古人常用饮酒表达希望与忧伤，“劝君更尽一杯酒，西出阳关无故人”。另一方面，酒还有政治性的特征，如，国家逢战时，君主往往会为军队赐酒，以激发他们奋勇杀敌；两国结盟，会以丰盛的酒食来款待对方，以促成友好的合作关系。

3 俄罗斯酒文化特点

3.1 尽兴、酗酒

如果说中国人饮酒是点到即止，那么俄罗斯的酒文化就是“嗜酒如命”。俄罗斯气候极为寒冷，冬季漫长，喝酒有御寒作用，因此，在俄罗斯，无论男女老少、经济地位与文化层次如何，均有豪饮的习惯。俄罗斯人在日常打招呼时，会用右

手食指、拇指合成一个圈，弹出食指，弹到下巴，代表：“你喝了吗？”俄罗斯人在喝酒时，很少劝酒，在他们看来，酒能够让他们忘却烦恼，幻想自由。因此，俄罗斯人有这样的说法：“不节制，不喝酒，就别活在世上”、“悲伤也喝，快乐也喝”、“伏特加毁掉的是整个民族，作为个人不必为此担忧”。在冬天俄罗斯的大街上，经常可见手拿酒瓶的醉汉，天生好酒的习惯也造就出俄罗斯民族勇猛、强悍的性格，这同时也说明俄罗斯人对自由的追求。

3.2 讲究文明礼仪

尽管俄罗斯人嗜酒如命，但是在饮酒时，却非常讲求文明，俄罗斯人饮酒，大多只是小声聊天，很少有大声喧哗、乱吐现象。即便醉酒，也严格遵循文明公德，不吵闹，醉酒乘坐公共交通时，也能做到按要求排队、不乱躺、不抢座。同时，俄罗斯有独特的敬酒辞，第一杯代表“相聚”，第二杯代表“爱”，接下来代表“和平”、“友谊”等。如果是在朋友家饮酒，那么最后一杯要感谢女主人的辛苦付出。

3.3 酒神精神

俄罗斯人的饮酒文化与“酒神精神”也息息相关，酒神偏向于放纵、解脱、狂喜、冲动，是一种回归原始、自然的感动。酒神精神也是俄罗斯民族的民族精神，是一种自发、原始的力量，俄罗斯人求“真”，不拘于繁文缛节，广阔的土地也让俄罗斯人有了“二律背反”的心态。一方面，他们渴求自由，另一方面，他们又具有恐惧、压抑的心

理。与欧洲“理性主义”相比，在俄罗斯民族中，有很多非理性的内容，俄罗斯人更加相信自己的愿望与情感，而不是理性，在酒精的催化下，他们能够得到尽情释放。

4 酒文化背后折射的民族差异

从中俄酒文化的差异来看，中华民族重视人与自然之间的和谐统一，在性格上，强调中庸之道、求同务实、以和为贵，具有内敛化的特征，因此，在酒桌上，主宾之间也处处充满谦逊的性格表现，中国人更具自制力，在饮酒时，很少酩酊大醉。而俄罗斯民族在酗酒背后，则潜藏着豪爽与脆弱并存的双重人格，同时，他们更加情绪化、向往自由，具有不屈不挠、忠诚文明的战斗精神。

5 比较中俄酒文化的意义

中国、俄罗斯的文化差异、民族性格，对于两国未来发展也产生了深刻影响。在多年前，中华民族曾经因为保守、中庸而备受欺凌，最终凭借自强、务实的精神走出了独特的发展道路。俄罗斯民族的矛盾、爱走极端性格，也曾经将俄罗斯送入超级强国的位置，但也让国家陷入过经济困顿的危机。进入新的历史时期后，国家之间的竞争变得日趋激烈，人类社会各个领域，都朝着新的方向发展。从人类发展进入到后疫情时代的当前来看，无论是中国，还是俄罗斯，都在主动变革，顺应时代发展潮流，中国的对外开放事业取得了瞩目成就，一带一路也得到了沿线国家的认可。而俄罗斯的社会状况显著好转，越来越多

的俄罗斯人民改变了酗酒的习惯。中国、俄罗斯两国都与酒文化有着深刻联系，在未来阶段，这两个睦邻友好的国家，都会继续发扬酒文化渗透的性格中最积极一面，相互学习，加强合作，共同缔造美好、光明的未来。

参考文献:

4. 夏朱颖. 浅析中俄酒文化差异[J]. 才智. 2015(24)
5. 李霁轩. 从酒文化看俄罗斯民族的性格[J]. 林区教学. 2011(10)
6. 李晓旭. 融在酒里的民族——对比中俄酒文化后的思考[J]. 科教文汇(下旬刊). 2009(12)
7. 蔡秋如. 伏特加与俄罗斯社会生活[J]. 俄罗斯中亚东欧市场. 2008(12)
8. 苏晓棠. 中俄酒文化比较谈[J]. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版). 2008(04)
9. 荣荣. 中俄酒文化对比研究[D]. 山东大学 2013
10. 关茹方. 从自然属性和社会属性看中俄酒文化特点[D]. 四川外语学院 2011

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Master of Arts, Associate Professor **Li Siyuan**
Hunan International Business Vocational College
Confucius Institute in Kazan Federal University
420008, Kazan, Pushkina str., 1/55, Russia
120151687@qq.com

Принята к публикации: 01.08.2020

Submission Date: 05.08.2020

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ЗЛА В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ НА ПРИМЕРЕ ДЕМОНОВ-ОНИ

SPECIFICITY PERCEPTION OF EVIL IN JAPANESE CULTURE ILLUSTRATED BY EXAMPLE OF ONI

Сорокина Екатерина Сергеевна

г. Иркутск

shataona@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется восприятие зла в японской культуре на примере демонов-они. Они во многих сказках играют роль антагонистов, однако их образ достаточно неоднозначен. В некоторых легендах и сказках они выступают положительными героями, помимо этого, в некоторых регионах их почитают как божеств. Кроме того, образ они как могущественного сверхъестественного существа в определенных аспектах схож с образом божества, из-за чего в японской фольклористике возникла проблема разграничения данных существ. Подобное отношение к демонам-они, сформировавшееся в силу мировоззрения японцев, большое влияние на которое оказали синтоизм и буддизм, по мнению автора, отражает специфику восприятия зла японцами. В статье рассматривается образ демонов-они в японских сказках и легендах. Значительное внимание уделяется паремическим сочетаниям, включающим лексему «они» - пословицам, поговоркам и ёдзидзюкуго (устойчивым сочетаниям из четырех иероглифов). Проводится анализ данных сочетаний, определяется их значение, что также способствует раскрытию образа они в японской культуре. Также в статье описываются

ABSTRACT

The article considers perception of evil in Japanese culture through example of oni. Oni play the role of antagonists in many tales but their image is rather ambivalent. They are good heroes in some legends and tales, also they are revered as deities in some regions. In addition, the image of oni as a powerful supernatural being is similar to the image of deity in certain aspects. That is why there is the problem of distinguishing between these creatures in Japanese folklore studies. According to the author this kind of attitude to oni emerged due to the Japanese worldview which was greatly influenced by Shinto and Buddhism reflects the specifics of Japanese perception of evil. The article considers the mental image of oni in Japanese folktales and legends. Great attention is paid to paroemias included lexeme "oni" - proverbs, sayings and yojijukugo (stable combinations of four characters). The analysis of these combinations is carried out and their meaning is determined which also helps to reveal the image of oni in Japanese culture. Cases of worship oni as deities in different regions of Japan are described. The article addresses the problem of distinction between oni and kami (deities) since this problem also points to special perception of the image of oni by Japanese.

случаи поклонения они как божествам в различных регионах Японии. Затрагивается проблема разграничения между демонами-они и kami (божествами), поскольку данная проблема также свидетельствует об особом восприятии образа демонов-они японцами.

Ключевые слова и фразы: демоны-они, японские сказки, паремии, синтоизм, буддизм, kami, Япония.

Для цитирования: Сорокина Е.С. Специфика восприятия зла в японской культуре на примере демонов-они. *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(4): 56-64

ВВЕДЕНИЕ

В японской культуре отношение к т.н. «злым силам» – опасным для человека сверхъестественным существам – достаточно необычно. Поскольку японская культура формировалась под сильнейшим влиянием синтоизма – изначальных верований древних японцев, а также буддизма, который пришел в Японию из Китая в VI в. н. э., она приняла в себя многие принципы данных религий. В частности, понятия добра и зла, которые в синтоизме и буддизме интерпретируются иначе, чем, например, в христианстве. В синтоизме, как общинной религии, отсутствует понятие абсолютного добра и зла. Вместо этого существует понятие «чистого» и «нечистого» [Накорчевский, 2003, С. 18]. В буддизме злом, по сути, является цепочка перерождений живых существ [Трубникова, 2019, С. 290]. Таким образом, в буддизме и синтоизме нет такого резкого противопоставления добра и зла, как в христианстве, где Бог представляет добро, а Дьявол – зло. Поэтому, хотя в японской мифологии до-

Keywords and phrases: oni, paroemias, Japanese folktales, Shinto religion, Buddhism, kami, Japan.

For citation: Sorokina E. Specificity perception of evil in Japanese culture illustrated by example of oni. *Modern oriental studies.* 2020; 2(4): 56-64

статочно много опасных существ, которые вредят людям, отношение к ним весьма специфично. Одним из самых «злых» существ в японской мифологии является они (яп. 鬼 они). На русский язык 鬼 они обычно переводится как «демон, черт». Однако восприятие образа они в Японии отличается от того, как воспринимают чертей в России. Для того чтобы лучше понять образ они, мы рассмотрим его через призму сказок, легенд, ёдзидзюкуго (устойчивых сочетаний из четырех иероглифов), пословиц и поговорок.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основными методами данного исследования являются анализ и синтез, в частности большое внимание уделяется анализу японских паремий и сказок. Также используется описательный метод и метод индукции, поскольку на примере они автор рассматривает специфику восприятия японцами злых персонажей в целом. В статье используются материалы из

электронного толкового онлайн-словаря Кото-банк (яп. コトバンク), словаря Ёдзидзюкуго дзитэн онлайн (яп. 四字熟語辞典オンライン) и словаря Котовадза дзитэн онлайн (яп. ことわざ辞典オンライン).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Слово «они» предположительно происходит от «ону» – одного из чтений иероглифа 隠 какусу, означающего «прятаться, скрываться». Иероглиф 鬼, которым сейчас записывается слово «они» в китайском языке читался «гуй» и означал «призрак». Таким образом, можно предположить, что слово «они» изначально обозначало нечто невидимое, наподобие привидения [URL: <https://kotobank.jp/word/鬼-40829>].

В некоторых японских выражениях, которые также пришли из китайского языка, слово «они» употребляется в своем первоначальном значении – «призрак, покойник». Например, в поговорке 異域の鬼となる иики но они то на-ру (также записывается в виде ёдзидзюкуго 異域之鬼 иикиноки), 鬼 они – душа покойника. Слово 異域 иики означает «чужбина». Таким образом, это выражение можно перевести как «умереть на чужбине». То же самое мы можем видеть в выражении 鬼籍に入る кисэки ни иру «отправиться к праотцам». Иероглиф 鬼 они в данном выражении также обозначает умерших.

Изначально считалось, что они не имеют видимого облика. В дальнейшем, под влиянием китайской иконографии, их стали изображать как человекоподобных существ с красной, чер-

ной или синей кожей, имеющих рога и клыки, и носящих повязку фундоси из тигриной шкуры. Они в японской мифологии считаются подчиненными бога Эммы (яп. 閻魔) – правителя ада. Кроме того, в Японии существует традиция – 3 февраля, в праздник весеннего равноденствия Сэцубун (яп. 節分) разбрасывать соевые бобы, чтобы изгнать демонов. При этом произносится фраза 鬼は外、福は内 они ва сото, фуку ва ути «Они – вон, счастье – в дом» [Накорчевский, 2003, С. 406].

В различных легендах и сказках они часто выступают в роли антагонистов. В сказке «Момотаро» (яп. 桃太郎 момотаро:) демоны-они живут на острове, где хранят награбленные сокровища. Момотаро отправляется на этот остров и вместе со своими спутниками – собакой, фазаном и обезьяной – побеждает демонов [URL: <http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/08/01.htm>]. В сказке «Иссумбоси» (яп. 一寸法師) главный герой – Иссумбоси (Мальчик-с-пальчик) сражается с они, чтобы защитить девушку, на которую они напали. Демоны пытаются его съесть, но герой побеждает, исколов их изнутри иголкой. Убегая, они роняют волшебный молоток, с помощью которого Иссумбоси вырастает [URL: <http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/12/01.htm>].

Во многих легендах упоминается, что они поедают людей. Например, в истории о демоне с горы Ивакияма (г. Цугару, префектура Аомори) рассказывается о красном они, который время от времени спускался с горы и похищал деревенских детей. Местные жители просят помощи у божества, которое затем заключает

с демоном пари: если он до восхода солнца создаст еще две вершины на горе, он останется жить там, а если не успеет, то уйдёт. Демон создал левую вершину, а правую он не успел закончить до восхода, поэтому ему пришлось покинуть Ивакияму. С тех самых пор у горы Ивакияма три пика, один из которых ниже двух других [入江英弥, 2016, С. 65].

Подобные легенды о демонах-людоедах существуют во многих районах Японии. Самая первая подобная история появилась в 735 г. в Идзумо-но-куни-фудоки (яп. 出雲国風土記), где упоминается, что одноглазый демон съел крестьянина [Накорчевский, 2003, С. 406].

В различных выражениях подчеркивается, что они обладают страшным и уродливым обликом. Например, в пословице 鬼も十八、番茶も出花 они мо дзю:хати, бантя мо дэбана («и демону бывает восемнадцать, и у низкосортного чая есть первая заварка»). Демоны уродливы, но в юности даже они могут быть красивыми, также как низкосортный чай ароматен при первой заварке. Имеется в виду, что даже уродливый человек в молодости выглядит красивее. Другое выражение – 鬼面、人を嚇す кимэн, хито о одосу (также существует в виде ёдзидзюкуго 鬼面嚇人 кимэнкаудзин), которое переводится как «пугать людей маской (лицом) демона», т.е. угрожать людям только силой внешнего вида. В ёдзидзюкуго 鬼面仏心 кимэмбуссин (букв. «лицо демона, сердце будды»), внешность демона противопоставляется доброте буддийских просветленных, т.е. человек страшен с виду, но характер у него добрый.

Они считаются достаточно жестокими. Ёдзидзюкуго 鬼手仏心 кисюбуссин (букв. «руки демона, сердце будды») означает, что человек действует безжалостно, но на самом деле желает добра. Сочетание 鬼の念仏 они но нэмбуцу (букв. «молитва демона») применимо к ситуации, когда человек с жестоким, как у демона сердцем, принимает вид любящего и сострадательного. Выражение 鬼の目にも涙 они но мэ ни мо намида «и у демона на глазах слезы» означает, что даже жестокие люди, временами могут заплакать, проявив свою добрую сторону. Поговорка 心を鬼にする кокуро о они ни суру (букв. «превратить сердце в демона») – ожесточить сердце. Поговорка 鬼にもなれば仏にもなる они ни мо нарэба хотокэ ни мо нару (букв. «становиться и демоном, и буддой») означает, что в зависимости от людей и обстоятельств человек может становиться жестоким, словно демон или добрым как будда.

Негативный окрас образа демонов-они подчеркивается в таких выражениях, как 牛鬼蛇神 гю:кидасин (букв. «бычий демон и змеиный дух»), что означает «отвратительный, омерзительный» (как в плане внешности, так и в плане характера); 疑心暗鬼 гисинъанки (также существует в виде поговорки 疑心、暗鬼を生ず гисин, онки о сё:дзу) – «подозрение порождает чёрных чертей», т.е. если человек что-то подозревает, любая мелочь покажется ему очень страшной.

Демоны-они также обладают большими возможностями, превосходящими человеческие. Например, они видят больше обычных людей, хотя и не абсолютно всевидящи, что

видно из пословицы 鬼の目にも見残し они но мэ ни мо минокоси «даже глаза демонов могут что-то упустить». Демоны достаточно крепки и обладают большой физической силой, так что люди, обладающие завидным здоровьем, могут сравниваться с ними, как в поговорке 鬼の霍乱 они но какурэн (дословно «солнечный удар у демона»), которая относится к ситуации, когда всегда здоровый, крепкий человек внезапно сильно заболевает.

Также существуют ёдзидзюкуго 鬼斧神工 кифусинко: (поразительное мастерство, искусная работа, выполненная, словно руками демонов или божеств); 神算鬼謀 синсанкибо: (непостижимая хитрость, гениальная схема, букв. «божественный план, демонический замысел»); 神出鬼没 синсюцукибоцу (неуловимость; внезапно появиться как божество и внезапно исчезнуть как черт) и так далее.

Если судить по вышеприведенным примерам поговорок, сказок и легенд, то ёни предстают как уродливые, жестокие и опасные создания, поедаящие людей, которые к тому же обладают большим могуществом. Можно сказать, что отношение к ним достаточно негативное, однако этот отрицательный образ ёни не является абсолютным. Например, в пословице 知らぬ神より馴染みの鬼 сирану ками ёри надзими но они «знакомый черт лучше незнакомого бога» подразумевается, что лучше полагаться на давно знакомого человека, каким бы он ни был, чем рассчитывать на кого-то незнакомого. В данном контексте сравнение знакомого, пусть и не самого лучшего, человека с демоном наводит на мысль, что ёни пусть и не является добром, также не является и злом.

В сказке «Как черти старика вылечили» (яп. こぶ取りじいさん кобуторидзиисан) старик видит в лесу пирующих ёни. Старик боится, что ёни увидят его и съедят, однако те так веселятся и пляшут, что старик не выдерживает и тоже кидается в пляс. Чертям так нравятся танцы старика, что они не съедают его, а приглашают прийти на следующий день. Для гарантии, что старик придет, демоны решают забрать у него что-то важное. В итоге они забирают у него шишку на щеке, которая всегда ему мешала. На следующий день исцеленный старик не приходит к чертям, однако он рассказывает о встрече с ними соседу, у которого тоже была шишка на лице. Тот тоже идет к чертям и пляшет, но они принимают его за предыдущего старика и вместо того, чтобы забрать шишку у него, «возвращают» ему еще вторую. Как мы видим, в данной сказке образ ёни уже не так однозначен. Они, несомненно, опасны, так как старик опасается быть съеденным ими. Однако они не съедают его и к тому же исцеляют от шишки на лице, хотя и делают это по ошибке. И даже второго старика они пусть и «награждают» второй шишкой, но тоже отпускают, хотя им не понравилось, как он танцевал. От этой сказки пошла поговорка 鬼に瘤を取られる они ни кобу о торарэру «черти забрали шишку», которая означает ситуацию, когда человеку кажется, что он понес убытки, но на самом деле он получил выгоду [URL: <http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/01/08.htm>].

Кроме того, считается, что ёни, которых изгоняют в праздник Сэцубун, уносят вместе с собой все прегрешения, накопившиеся в доме за год. То есть, изгоняя чертей, японцы также избавляются и от своих грехов [Накорчевский, 2003, С. 408].

Они могут исправиться в лучшую сторону, на что намекает пословица 鬼も角折る они мо цуноору «и демон ломает рога». Это выражение означает, что даже плохой человек может внезапно сделать что-то хорошее. Буквально, они ломают свои рога – символ зла. В некоторых историях у чертей, которые становятся добрее, рога укорачиваются. Примером такой истории может послужить легенда о демонах Найдзэси (яп. 撫牛子の鬼っ子 найдзэ:си но оникко). По этой легенде, одна женщина, возвращаясь домой на Сэцубун, встречает на мосту двух демонов – родителя и ребенка, которые плачут, потому что их изгнали праздничными ритуалами. Женщина жалеет демонов и приглашает к себе, однако те отказываются от предложения, потому что они должны идти в храм. Позже женщина, беспокоясь о демонах, посещает этот храм, чтобы узнать об их самочувствии. Она спрашивает у священника о них, на что тот отвечает, что они, по просьбе людей, стали защитниками деревни. Затем священник зовет чертей, и те приходят. Происходит радостная встреча и женщина замечает, что рога демонов укоротились. Это произошло потому, что, откликнувшись на просьбу людей о помощи, они превратились из плохих демонов в хороших [入江英弥, 2016, С. 60].

В сказке «Демоны Сэцубун» (яп. 節分の鬼 сэцубун но они) одинокий старик на Сэцубун вместо обычной фразы, 鬼は外、福は内 они ва сото, фуку ва ути, произносит наоборот, 鬼は内、福は外 они ва ути, фуку ва сото (они – в дом, удача – вон). В результате, они действительно приходят к нему в гости. Старик при-

мают чертей как гостей, за что те в благодарность за теплый прием оставляют ему дары и обещают прийти в следующем году [URL: <http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/02/03.htm>].

В некоторых районах Японии демонам поклоняются как защитникам деревни. Например, городе Хиросаки (яп. 弘前市 Хиросакиси) префектуры Аомори находится место под названием Онидзава (яп. 鬼沢 онидзава), где расположен 鬼神社 онидзиндзя – храм они. Местные жители поклоняются они как боже-ству-покровителю земледелия. Согласно легенде, давным-давно у местных жителей были проблемы с рисовыми полями, так как вода в них постоянно пересыхала. Демон-они, спустившийся с гор, создал плотину, благодаря которой вода перестала пересыхать, и жители смогли выращивать рис. Поэтому даже 3 февраля, на Сэцубун, местные жители говорят не 鬼は外、福は内 они ва сото, фуку ва ути «они – вон, счастье – в дом», а 鬼は内、福は内 они ва ути, фуку ва ути «они в дом, счастье в дом» [URL: <http://pro-afs.jp/onizawa/attraction.html>].

Храмов, подобных святилищу в Онидзаве, в Японии несколько. Магические фразы, которые произносят в этих святилищах на Сэцубун, также отличаются. Например, в буддийском храме Ганго-дзи (яп. 元興寺 ганго:дзи) в г. Нара префектуры Нара также говорят 福は内、鬼は内 фуку ва ути, они ва ути, «счастье в дом, они в дом». По легенде, в храме обитает они по имени Гангодзэ (яп. 元興神 ганго:дзэ), который изгоняет плохих людей. В святилище

Кидзин-дзиндзя (яп. 鬼鎮神社), которое находится в поселке Рандзан префектуры Сайтама, ёни почитаются как божество победы, символ мощи, придающий людям силу духа. Вместо ёни на Сэцубун изгоняется злой дух – акума (яп. 悪魔), образ которого близок к христианским демонам. Поэтому на Сэцубун в Кидзиндзя говорят 福は内、鬼は内、悪魔外 фуку ва ути, они ва ути, акума сото – «счастье в дом, ёни в дом, демоны-акума – вон» [URL: <https://allabout.co.jp/gm/gc/220642/>].

В храме Дзао-до (яп. 蔵王堂 дзао:до:) храмового комплекса Кинпусэн-дзи (яп. 金峯山寺 кинпусэндзи), расположенного в поселке Йосино префектуры Нара, магическая фраза на Сэцубун звучит как 福は内、鬼も内 фуку ва ути, они мо ути «счастье в дом и ёни тоже в дом». Считается, что в этот храм приходят демоны, которых изгоняют по всей стране, и «исправляются силой буддизма».

Мотив исправляющихся демонов встречается и в других, в основном, буддийских святилищах. Например, в храме Наритасан Синсёдзи (яп. 成田山新勝寺 наритасан синсё:дзи) в г. Нарита префектуры Тиба говорят только 福は内 фуку ва ути «счастье в дом», а демоны-ёни вообще не упоминаются, так как считается, что милость божества Фудо Мёо (яп. 不動明王 фудо:мё:о:), которому поклоняются в этом храме, настолько велика, что перед ним исправляются даже демоны. В храме Сэндзо-дзи (яп. 千蔵寺 сэндзо:дзи), в городе Кавасаки префектуры Канагава, считается, что местное божество

Якудзинкио (яп. 厄神鬼王 якудзинкио:) принимает демонов-ёни в храм и читает им проповеди, отчего они исправляются [URL: <https://allabout.co.jp/gm/gc/220642/>].

Как мы видим, образ японских чертей очень многогранен. С одной стороны, образ ёни достаточно зловещ, но в то же время они приносят и пользу. Ёни могут стать лучше, например, если кто-то окажется к ним добр, как женщина в легенде о демонах Найдзёси. Существуют также поверья об исправлении демонов буддийскими божествами. Некоторые ёни и вовсе почитаются как божества.

Стоит отметить, что демонов-ёни в принципе сложно отделить от божеств – ками (яп. 神). Исследователь А. А. Накорчевский в своей книге «Синто» упоминает, что согласно одному из древних словарей японского языка иероглиф 神 ками имел также чтение «они». Кроме того, ёни были включены в синтоистскую энциклопедию в разделе, посвященном ками [Накорчевский, 2003, С. 405].

На самом деле, разграничение ками с остальными сверхъестественными существами в японской мифологии, которые называются ёкай (яп. 妖怪 ё:кай) представляет из себя довольно трудную задачу. Ведь в синтоизме ками – это то, что обладает некой мистической силой. С этой точки зрения, любое сверхъестественное создание может называться ками. Ками в японской мифологии может стать любое существо, хоть человек, хоть зверь, и даже неодушевленные предметы, вроде камней и предметов быта. Так, например, все люди после смерти становятся ками, хотя происходит

это не сразу. Кроме того, сами ками также ведут себя достаточно человечно. Ками могут совершать как хорошие поступки, так и плохие, они переменчивы, как и люди. Таким образом, граница между ками, ёкай и людьми в японской мифологии довольно зыбкая. В отличие от христианских культур, где четко разделяются Бог, Дьявол и люди, в японской культуре сложно создать точную классификацию, которая бы могла разграничить божеств с демонами. Например, японский исследователь Абэ Кадзуэ предположил, что критерием разделения на ками и ёкай служит то, почитаются ли они людьми. Однако этот критерий не абсолютен, поскольку в таком случае, сверхъестественная сущность в своей благой ипостаси может считаться ками, а в случае нанесения вреда – ёкай, что мы и наблюдаем на примере тех же они, которым в некоторых районах Японии поклоняются как божествам [Накорчевский, 2003, С. 405].

ВЫВОДЫ

Как показывает данное исследование, образ демонов-они в японском фольклоре воспринимается двояко. С одной стороны, они являются ужасными существами, которые опасны для людей. С другой стороны, они могут измениться в лучшую сторону, а в некоторых случаях могут стать покровителями людей, божествами. При этом достаточно сложно отличить они от божеств-ками, поскольку и те, и те являются могущественными сверхъестественными созданиями, которые могут совершать как хорошие, так и плохие поступки. Таким образом, демоны и боги в японской культуре не противопоставляются друг другу. Хотя и тем, и дру-

гим приписываются определенные качества, японские демоны и боги не являются противоборствующими сторонами как христианские Бог и Дьявол. При таком подходе, мир видится единым, люди, боги, демоны и другие существа взаимосвязаны между собой. Добро и зло, которые не возводятся в абсолют, в японской культуре представлены не персонажами, а скорее, состояниями души. Поэтому даже такие опасные существа как они могут быть представлены в хорошем свете. Хотя они часто выступают в роли антагонистов, приносящих людям беды, даже в своей худшей ипостаси японские черти могут принести пользу. И точно также как великие боги могут совершить преступные деяния, злоеущие демоны-они могут подружиться с людьми и стать их защитниками. И такое нечеткое разграничение демонов и богов, добра и зла, отражает всю специфику восприятия злых сил в японской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Накорчевский, А. А. Синто. СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2003. – 448 с.
2. こぶ取りじいさん [電子リソース]. – URL: <http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/01/08.htm> (2020年4月1日).
3. 一寸法師 [電子リソース]. – URL: <http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/12/01.htm> (2020年4月1日).
4. 鬼 [電子リソース]. – URL: <https://kotobank.jp/word/鬼-40829> (2020年4月1日).
5. 鬼は内？鬼は外？豆まき珍風習や、恵方巻以外にもある各地の節分行事食 [電子リソー

- ス]. - URL: <https://allabout.co.jp/gm/gc/220642/> (2020年4月1日).
6. 節分の鬼 [電子リソース]. - URL: <http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/02/03.htm> (2020年4月1日).
7. 桃太郎 [電子リソース]. - URL: <http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/08/01.htm> (2020年4月1日).
8. 入江英弥 昔話からみた津軽の鬼 // 弘前学院大学紀要. 2016. №52. C. 13-25.
9. 歴史と伝説の里「鬼沢」 [電子リソース]. - URL: npo-afs.jp/onizawa/attraction.html (2020年4月1日).
7. 桃太郎 [電子リソース]. - URL: <http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/08/01.htm> (2020年4月1日).
8. 入江英弥 昔話からみた津軽の鬼 // 弘前学院大学紀要. 2016. №52. C. 13-25.
9. 歴史と伝説の里「鬼沢」 [電子リソース]. - URL: npo-afs.jp/onizawa/attraction.html (2020年4月1日).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Nakorchevskij, A. A. (2003) Sinto [Shinto] / A.A.Nakorchevskij. - Saint Petersburg: Azbuka-klassika. Peterburgskoe Vostokovedenie. 448 p.
2. こぶ取りじいさん [電子リソース]. - URL: <http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/01/08.htm> (2020年4月1日).
3. 一寸法師 [電子リソース]. - URL: <http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/12/01.htm> (2020年4月1日).
4. 鬼 [電子リソース]. - URL: <https://kotobank.jp/word/鬼-40829> (2020年4月1日).
5. 鬼は内？鬼は外？豆まき珍風習や、恵方巻以外もある各地の節分行事食 [電子リソース]. - URL: <https://allabout.co.jp/gm/gc/220642/> (2020年4月1日).
6. 節分の鬼 [電子リソース]. - URL:

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Mgr. Ekaterina Sorokina

664523, Irkutsk, Beresovy, 87, 13

Russia

shamaona@yandex.ru

Принята к публикации: 01.08.2020

Submission Date: 05.08.2020

О ПЕТРОГЛИФАХ ЦЗЯНЦЗЮНЬЯ В ПРОВИНЦИИ ЦЗЯНСУ¹

ABOUT JIANGJUNYA PETROGLYPHS IN JIANGSU PROVINCE

Шульга Даниил Петрович,

*Кафедра Международных отношений и гуманитарного сотрудничества
Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства
и госслужбы при Президенте РФ*

Шульга Анна Александровна,

*Отдел международного сотрудничества
Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства
и госслужбы при Президенте РФ*

alkaddafa@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Наскальные рисунки Цзянцзюнья расположены юго-западной части района Хайчжоу горнодобывающего округа Ляньюньган провинции Цзянсу. Памятник был включен в список охраняемых на национальном уровне объектов культурного наследия в 1988 году. Петроглифы выбиты на наклонной каменной поверхности (длиной 22 метра с севера на юг и шириной 15 метров с востока на запад). Основу изображений составляют антропоморфные и зооморфные личины, солярные символы. Предполагается, что это ритуальный центр местного неолитического населения, действовавший в V–IV тыс. до н.э. Судя по изображениям ростков и символам светил, обряды здесь были напрямую связаны с земледелием.

Ключевые слова и фразы: Цзянсу, петроглифы, земледельческий ритуал, наскальные рисунки, Цзянцзюнья.

Для цитирования: Шульга А.А., Шульга Д.П. О петроглифах Цзянцзюнья в провинции Цзянсу. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(4): 65-70

ABSTRACT

Jiangjunya rock paintings are located in the southwestern part of Haizhou District, Lianyungang City District, Jiangsu Province. The site was included in the nationally protected objects of cultural heritage list in 1988. The Jiangjunya petroglyphs are carved on an inclined stone surface (22 meters long from north to south and 15 meters wide from east to west). The images are based on anthropomorphic and zoomorphic masks and solar symbols. It is assumed that it is a local Neolithic population ritual center operated in the 5th – 4th millennium BC e. Judging by the sprouts and symbols images, rituals here were directly related to agriculture.

Key words and phrases: Jiangsu, agricultural ritual, petroglyphs, rock paintings, Jiangjunya.

For citation: Shulga A.A., Shulga D.P. About Jiangjunya petroglyphs in Jiangsu province. Modern oriental studies. 2020; 2(4): 65-70

¹ Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе мы коротко рассмотрим наскальные рисунки Цзянцзюнья (район Хайчжоу городского округа Ляньюньган провинции Цзянсу). Прежде всего, целью работы является ввод в оборот российской науки новых сведений о древнем искусстве Китая. Петроглифы Цзянцзюнья не очень известны в русскоязычной археологии и искусствоведении, потому мы дадим о них краткую информацию.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В отличие разбросанных по горам, например, хэланьшаньских рисунков (основные районы скопления – городские округа Шицзуйшань и Чжунвэй, Нинся-Хуэйский АР), Цзянцзюнья – памятник довольно компактный. Он расположен на южном склоне горы Маэрфэн. Петроглифы чётко разбиваются на две части [Гао Вэй, 2008, С. 64].

Одна из них расположена в нижней части горы, где имеется довольно крупная плоская скала. Рисунками покрыта площадка 22 м длиной и 15 м шириной. Среди изображаемого антропоморфные и зооморфные личины [Ли Фушунь, 1999, С. 232–235, 240], сельскохозяйственные культуры (всходы зерновых), соляные символы. Композиция довольно ясно делится на четыре группы.

Первая группа расположена в западной части, размеры её примерно 4,2 м на 2,8 м. Главным образом, мы видим здесь антропоморфные личины, соляные символы и всходы злаков. Все личины выполнены выбитыми на камне линиями (имеющими в разрезе U-образную форму) (рис. 1 – А, Б). Глубина выбивки в сред-

нем равна 1 см, колеблясь от 0,4 см до 2 см, ширина – 2 см или 3 см.

Вторая группа расположена южнее, размеры примерно 9 м на 9 м. Изображены в основном соляные символы и радиальные линии, а также зооморфные личины. Глубина линий здесь невелика, однако они довольно широкие – 3–4 см. Почти вся площадь второй группы покрыта небольшими выбитыми на камне лунками округлой формы. Иногда лунки складываются в линии, впрочем, весьма неясные [Гао Вэй, 2008, С. 65].

Третья группа расположена выше второй, в восточной части. Она сравнительно не велика по площади – всего 2,2 м на 2 м. Изображены в основном антропоморфные и зооморфные личины (всего их здесь 15, выполнены они довольно чётко, на некоторых есть орнамент, нос, глаза и рот показаны точками), а также соляные символы.

Между тремя вышеописанными группами расположена четвёртая. Изображение здесь весьма абстрактно и представляет из себя перекрещивающиеся линии. Тут же расположены три валуна, очевидно, принесённые извне. Все камни довольно крупные – около 2 м в длину и 1,5 в ширину. На их поверхности видны узоры из симметричных окружностей диаметром 3–7 см.

Вторая часть петроглифов располагается примерно в 100 м к юго-востоку, чуть выше по склону. Изображения находятся на плоской скале шириной 9,7 м и высотой от полуметра до 1,7 м. Особенно много наскальных рисунков на её западной части (антропоморфные личины, пламевидные и копытовидные знаки, соляные символы).

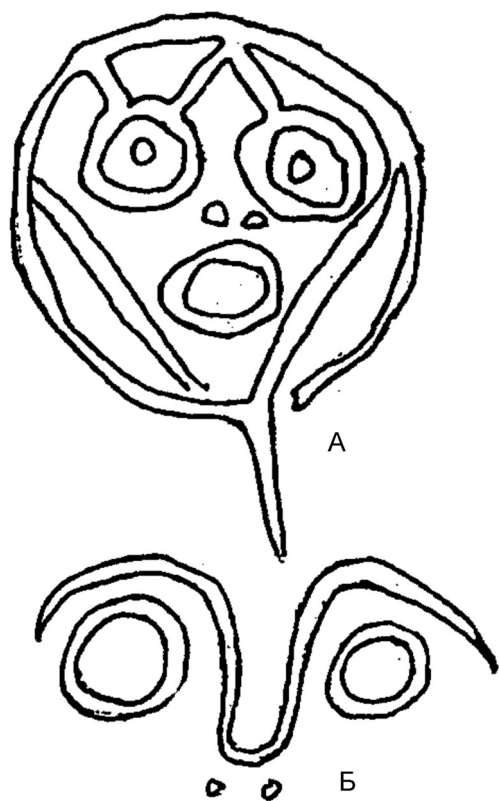


Рис. 1: А – реалистичная антропоморфная личина с неолитического памятника Цзянцзюнья, пров. Цзянсу; Б – абстрактная антропоморфная личина с неолитического памятника Цзянцзюнья, пров. Цзянсу (даётся по: Гао Вэньнин, 1999, с. 201).

Все личины выполнены выбитыми на камне линиями (имеющими в разрезе U-образную форму). Глубина линий обычно составляет 2–7 мм, а ширина – 2–3 см. По технике создания вторая группа петроглифов во многом близка первой.

Следует отметить, что антропоморфные фигуры с памятника Цзянцзюнья сильно различаются по размерам [Цзян Чжэньмин, 1999, с. 94]. Еще более примечательно, что под «людьми» мы зачастую видим изображения всходов растений. Возможна интерпретация, согласно которой фигуры выступают в каче-

стве своеобразного «плода». На личинах есть ромбовидный орнамент и диагональные линии, которые очень похожи на узоры местной расписной керамики [Гао Вэй, 2008, с. 65].

На наскальных рисунках Цзянцзюнья многие изображения с антропоморфными личинами весьма абстрактны. На них отсутствуют черты лица, форма далека от физиологически свойственной человеку. Вместо этого мы видим несколько отверстий (лунок), два из которых – символические глаза, а третье – рот. Очевидно, что перед нами не столько следствие неискусности, сколько особое мировосприятие древних художников, для которых реализм не был важен. Особые акценты и их семантика, напротив, играли существенную, возможно, религиозно-магическую, роль. «Глаза и рот» обычно округлые или овальные, но некоторые имеют наклонную каплевидную форму. Очевидно, это также имело какое-то смысловозначительное сакральное значение [Гао Вэньнин, 1999, с. 200–201].

ВЫВОД

Большое количество солярных символов, радиальные линии вокруг некоторых личин и, косвенно, изображения растений, дают нам основание полагать, что создатели петроглифов Цзянцзюнья принадлежали к земледельческому солнцепоклонническому культу. Это совершенно неудивительно, ведь, с одной стороны, климат на территории современной провинции Цзянсу располагает к земледельческим занятиям. Производящее хозяйство в юго-восточном Китае фиксируется уже в неолите [Хуан Шуминь, 2008; Юй Гуйжун, 2008]. Однако примитивное сельское хозяйство, естественно,

чрезвычайно сильно зависело от солнечной активности и дождей [Лу Илу, 2010; Лю Сюли, 2011]. Вера в сверхъестественное воздействие на земледельческий цикл до сих пор прослеживается у национальных меньшинств Китая [Се Чжэндао, 2018; Сюань Суннань, 2007].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гао Вэй. Хэланьшань юй цзянцзюнья яньхуа чжи бицзяо [高伟。贺兰山与将军崖岩画之比较//东南文化2008年第6期] Сравнение петроглифов Хэланьшань и Цзянцзюнья // Дуннань вэньхуа (Культура юго-востока), 2008, № 6. С. 64–67.
2. Гао Вэньнин. Шилунь хэланьшань шихуа няньдай шансянь. [高文宁。试论贺兰山岩画年代上限 // 91国际岩画委员会年会暨宁夏国际岩画研讨会文集/刘长宗主编。银川:宁夏人民出版社, 1999] О верхней хронологической границе петроглифов гор Хэланьшань // Материалы ежегодной конференции по петроглифам в 1991 г. и Международного симпозиума по петроглифам в Нинся. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ (Народное изд-во Нинся), 1999. С. 196–213. (на кит. яз.).
3. Лу Илу. Цун сяоми шэньхуа шуаньшотаньтао Тайвань юань чжуминь вэньхуа [鹿憶鹿。從小米神話傳說探討臺灣原住民文化 // 大同大學通識教育年報2010年第6期] Исследование связанных с просом мифов и легенд аборигенов Тайваня // Датун дасюэ тунши цзяоюй няньбао (Ежегодный образовательный журнал Датунского университета). 2010. №6. С. 7–26.
4. Лю Сюли. Пиндун людуй дицюй дэ даоми вэньхуа [劉秀俐。屏東六堆地區的稻米文化 (硕士学位论文)。内埔: 国立屏东科技大学。2011] Рисоводческая культура в районе Людуй уезда Пиндун (магистерская диссертация). Нэйпу: Пиндунский государственный университет науки и технологии. 2011. 105 с.
5. Се Чжэндао. Цзилу було фэннйань цзи чутань [谢政道。吉露部落丰年祭初探 // 2018鄂台兩岸非遺文化及文創產品研討展示會。武漢2018] Предварительное исследование праздника урожая у народности цзилоу // Материалы презентации культурного наследия по обе стороны Тайваньского пролива. Ухань, 2008. С. 1–6.
6. Сюань Суннань. Дайцзу чуаньтун вэньхуа чжун дэ шуйдао иньсу [玄松南。傣族传统文化中的水稻因素 // 中国稻米2007年第6期] Фактор риса в традиционной культуре народности дай // Чжунго даоми, 2007, № 6. С. 12–14.
7. Ли Фушунь. Чжунго яньхуа шэньмэй цянтьань. [李福顺。中国岩画审美浅谈 // 91国际岩画委员会年会暨宁夏国际岩画研讨会文集/刘长宗主编。银川:宁夏人民出版社, 1999] Об эстетике китайский наскальной живописи // Материалы ежегодной конференции по петроглифам в 1991 г. и Международного симпозиума по петроглифам в Нинся. Иньчуань: Нинся жэнь-

- минь чубаньшэ (Народное изд-во Нинся), 1999. С. 231–245. (на кит. яз.).
8. Хуан Шуминь. Дунъя сяоми вэньхуа юаньлю [黃樹民。東亞小米文化源流 // Feast on Knowledge 2008 №4] Происхождение и распространение проса в Восточной Азии // Feast on Knowledge. 2008. №4. С. 1–19.
 9. Цзян Чжэньмин. Хэланьшань шихуа чутань [蔣振明。贺兰山岩画初探 // 91国际岩画委员会年会暨宁夏国际岩画研讨会文集/刘长宗主编。银川:宁夏人民出版社, 1999] Предварительное исследование петроглифов гор Хэланьшань // Материалы ежегодной конференции по петроглифам в 1991 г. и Международного симпозиума по петроглифам в Нинся. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ (Народное изд-во Нинся), 1999. С. 84–102. (на кит. яз.).
 10. Юй Гуйжун. Сяоми вэньхуа юй юань сянь фунюй дэ шэнминли [余桂榕。小米文化與原鄉婦女的生命力 // 文化研究2008年第7期] Культура проса и женская сила у аборигенов Тайваня // Вэньхуа яньцзю (Журнал исследователей культуры). 2008. №7. С. 151–177.
 2. Gao Wenning. Shilun Helanshan shihua nian-dai shangxian [高文宁。试论贺兰山岩画年代上限 // 91国际岩画委员会年会暨宁夏国际岩画研讨会文集/刘长宗主编。银川:宁夏人民出版社, 1999] About the upper chronological limit of the Halanshan petroglyphs // Materials of the conference about petroglyphs in 1991 and the International Symposium about petroglyphs in Ningxia. Yinchuang: Ningxia Renmin Chubanshe (Ningxia People's Publishing House), 1999. P. 196–213. (Chinese).
 3. Lu Yilu. Cong xiaomi shenhua shuanshuo tantao Taiwan yuan zhumin wenhua [鹿憶鹿。從小米神話傳說探討臺灣原住民文化 // 大同大學通識教育年報2010年第6期] A study of millet-related myths and legends of Taiwan aborigines // Datong daxue tongshi jiaoyu nianbao. 2010. №6. Pp. 7–26.
 4. Liu Xiuli. Pingdong liudui diqu de daomi wenhua [劉秀俐。屏東六堆地區的稻米文化 (硕士学位论文)。內埔: 国立屏東科技大学。2011] Rice Culture in Ludui District, Pingdong County (Master's degree Thesis). Neipui: National Pingtung University of Science and Technology. 2011. 105 p.
 5. Xie Zhengdao. Jilu buluo fengnian ji chutan [谢政道。吉露部落丰年祭初探 // 2018鄂台兩岸非遺文化及文創產品研討展示會。武漢2018] Preliminary Jilou Harvest Festival Study // Presentation materials of cultural heritage on both sides of the Taiwan Strait. Wuhan, 2008. Pp. 1–6.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Gao Wei. Helanshan yu Jiangjunya yanhua zhi bijiao [高伟。贺兰山与将军崖岩画之比较 // 东南文化2008年第6期] Comparison of Helanshan and Jiangjunya petroglyphs // Dongnan wenhua, 2008, № 6. Pp. 64–67.

6. Сюань Суннань. Дайцзу чуаньтун вэньхуа чжун дэ шуйдао иньсу [玄松南. 傣族传统文化中的水稻因素 // 中国稻米2007年第6期] Фактор риса в традиционной культуре народности дай // Чжунго даоми, 2007, № 6. С. 12–14.
7. Li Fushun. Zhongguo yanhua shenmei qiantan. [李福顺. 中国岩画审美浅谈 // 91国际岩画委员会年会暨宁夏国际岩画研讨会文集/刘长宗主编. 银川:宁夏人民出版社, 1999] On the aesthetics of Chinese rock art // Materials of the conference about petroglyphs in 1991 and the International Symposium about petroglyphs in Ningxia. Yinchuang: Ningxia Renmin Chubanshe (Ningxia People's Publishing House), 1999. P. 231–245.
8. Huang Shumin. Dongya xiaomi wenhua yu-anliu [黄樹民. 東亞小米文化源流 // Feast on Knowledge 2008 №4] Origin and distribution of millet in East Asia // Feast on Knowledge. 2008. №4. Pp. 1–19.
9. Jiang Zhenming. Helanshan shihua chutan [蒋振明. 贺兰山岩画初探 // 91国际岩画委员会年会暨宁夏国际岩画研讨会文集/刘长宗主编. 银川:宁夏人民出版社, 1999] Preliminary study of Halanshan Mountains petroglyphs // Materials of the conference about petroglyphs in 1991 and the International Symposium about petroglyphs in Ningxia. Yinchuang: Ningxia Renmin Chubanshe (Ningxia People's Publishing House), 1999. P. 84–102. (на кит. яз.).

10. Yu Guirong. Xiaomi wenhua yu yuanxiang funü de sheng ming li [余桂榕. 小米文化與原鄉婦女的生命力 // 文化研究2008年第7期] Taiwanese aborigines millet culture and female strength // Wenhua yanjiu. 2008. №7. Pp. 151–177.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Shulga Daniil

Department of International Relations and Humanitarian Cooperation

Siberian Institute of Management — the branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration

630102, Novosibirsk, Nizhegorodskaya str., 6, Russia.

alkaddafa@gmail.com

Shulga Anna

Department of International Cooperation

Siberian Institute of Management — the branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration

630102, Novosibirsk, Nizhegorodskaya str., 6, Russia.

mifologia@gmail.com

Принята к публикации: 01.08.2020

Submission Date: 05.08.2020

КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОБЗОР

CHINESE-INDIAN RELATIONS AT THE CURRENT STAGE: OVERVIEW

Аликберов Эдуард Шабанович

Аликберова Альфия Рафисовна

Институт международных отношений

Казанский федеральный университет

alfiakasimova@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Представленная работа посвящена китайско-индийским отношениям на современном этапе. Актуальность данной темы обусловлена растущей политической и экономической ролью Китайской Народной Республики и Республики Индия не только в пределах Азиатско-Тихоокеанского региона, но и в мировом масштабе. Целью работы является изучение основных характеристик двусторонних отношений, точек роста и стабильности в регионе. Выявление и изучение ключевых факторов, влияющих на формирование современных китайско-индийских отношений позволит дать более надежную фактологическую и теоретическую основу для прогнозирования дальнейшего развития китайско-индийского территориального спора, конкуренции и сотрудничества двух стран не только в регионе, но и в мире. Также в представленной работе изучены основные внешнеполитические стратегии Китая и Индии, касательно взаимодействия в азиатском и тихоокеанском регионах. Методология исследования строится на общегуманитарных методах научного познания: сравнительно-исторического, сравнительно-сопоставительного и метода обобщения, которые позволили сделать достоверные выводы. Данный материал будет интересен для теоретиков и практиков международных отношений, экономистов и преподавателей-востоковедов.

Ключевые слова: *Китай, Индия, китайско-индийские отношения, международные отношения, Азиатско-тихоокеанский регион, внешняя политика.*

Для цитирования: *Аликберов Э.Ш., Аликберова А.Р. Китайско-индийские отношения на современном этапе: обзор. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(4): 71–79*

ABSTRACT

The presented work is devoted to the Sino-Indian relations at the present stage. The relevance of this topic is due to the growing political and economic role of the People's Republic of China and the Republic of India not only within the Asia-Pacific region, but also on a global scale. The aim of the work is to study the main characteristics of bilateral relations, points of growth and stability in the region. The identification and study of the key factors influencing the formation of modern Sino-Indian relations will provide a more reliable factual and theoretical basis for predicting the further development of the Sino-Indian territorial dispute, competition and cooperation between the two countries not only in the region, but also in the world. The presented work also explores the main foreign policy strategies of China and India regarding interaction in the Asian and Pacific regions. The research methodology is based on general humanitarian methods of scientific cognition: comparative-historical, comparative-comparative and generalization method, which allowed to draw reliable conclusions. This material will be interesting for theorists and practitioners of international relations, economists and teachers of oriental studies.

Keywords and phrases: *China, India, Sino-Indian relations, international relations, Asia-Pacific region, foreign policy.*

For citation: *Alikberov E. Sh., Alikberova A. R. Sino-Indian relations at the present stage: an overview. Modern oriental studies. 2020; 2(4): 71–79*

В последние десятилетия наблюдается трансформация системы международных отношений, меняется архитектура международных процессов. На международную арену все активнее восходят страны с быстроразвивающейся экономикой и начинают влиять на мировые процессы в сфере политики и экономики. Так, хорошим примером могут служить Китайская Народная Республика и Республика Индия, международный статус которых заметно возрос. Сейчас они готовы к активной серьезной борьбе за лидерство как в регионе, так и в мире, а их стратегический потенциал вынуждает остальные государства считаться с их собственными национальными интересами. В противовес западным ценностям, политическому и экономическому доминированию Запада, оба государства, не смотря на имеющиеся противоречия, сблизилась для поиска совместных инициатив к установлению многополярного мира и стабильности в регионе.

Изучение современных китайско-индийских отношений, точек соприкосновения их государственных интересов, а также разногласий: все это позволит выявить ключевые внешнеполитические стратегии Китая и Индии, поможет лучше понять и проанализировать международную обстановку в азиатско-тихоокеанском регионе, спрогнозировать дальнейшее развитие китайско-индийских отношений, конкуренции двух стран в регионе и в мире и т.д.

Таким образом, в данной научной работе дана общая характеристика всех сфер китайско-индийских отношений на современном этапе в контексте трансформирующейся архитектуры международных отношений.

В первую очередь, важно определить отправную точку китайско-индийских отношений на современном этапе. В 1987 г. произошел очередной китайско-индийский пограничный конфликт, который привел в 1988 г. к «историческому» визиту премьер-министра Индии Раджива Ганди в Китай. Именно тогда оба государства приняли решение найти способ разрешить территориальные споры, а также продолжить развивать двустороннее сотрудничество и в других сферах.

Кроме того, конец 1980-х гг. ознаменовался переходом ко второму этапу китайской политики реформ и открытости, росту экономики и уровня жизни населения Китая, а также активному налаживанию экономических и политических связей с другими государствами. Именно это дает основание считать конец 1980-х гг. датой начала современных китайско-индийских отношений.

При анализе научной базы данного исследования мы пришли к выводу, что историография вопроса в советской/российской науке изучена крайне мало. Китайско-индийские отношения изучаются лишь в двух направлениях: территориальные споры между государствами и их сотрудничество в рамках международных организаций (РИК, БРИК, БРИКС, ШОС и пр.). Основными теоретическими трудами могут служить работы А.В. Педина [1], Е.П. Бажанова [2], В.С. Кузнецова [3], а также С.В. Уянаева [4] и ряд научных статей С.И. Лунева [5].

Среди китайских авторов особого внимания заслуживают работы таких ученых как: Вэнь Фудэ [6], Ли Тао [7], Ян Хаюан [8], Сюэ Кецяо [9], Чжао Вэйвэнь [10], Чжан Миньцю

[11] и других. В Китае опубликованы монографии по данному вопросу, одна из них «Новые рассуждения о дипломатии Индии в XXI в.» У Юньняня, Чжао Ганьчэна и Ма Ина [12] освещает политику Индии в отношении Китая и стран Южной Азии. Также следует отметить труды китайских ученых Сунь Шихая «Развитие Индии и ее внешняя стратегия» [13] и монография Ма Цзяли «Внимание на Индию: становление державы» [14].

В последние годы, в связи с резко увеличивающейся ролью Индии на мировой арене, темпами ее экономики, в Китае резко возросло количество научных статей, аналитических справок и публикаций в СМИ по китайско-индийским отношениям и места Республики Индии в системе современных международных отношений. Данные материалы также могут стать источниками и фактологическим материалом для дальнейшего изучения китайско-индийских отношений и их дальнейших перспектив развития.

Индия также активно изучает внешнюю политику Китая и индийско-китайские отношения. Необходимо отметить важную особенность: большая часть работ была написана бывшими политическими деятелями или дипломатами, что придает особую значимость этим материалам. Заслуживает внимания коллективная работа «Павлин и Дракон: индийско-китайские отношения в XXI в.» [15], в которой предпринята попытка дать объективную оценку политики Индии в отношении Китая и общего состояния двусторонних отношений в различных сферах. На территории Республики Индия ключевым центром изучения внешней политики Китая в отношении Индии, а также дву-

сторонним отношениям в сфере экономики и военно-технического сотрудничества является Институт изучения Китая.

Сегодня происходит активизация китайско-индийских отношений по всем направлениям. Как никогда развивается политическое сотрудничество (преодоление международного финансового кризиса, возникновение климатических изменений, осуществление борьбы с терроризмом, обеспечение энергетической и продовольственной безопасности), оба государства, решая свои национальные задачи, также являются и гарантами безопасности в регионе. Необходимо отметить и эффективное сотрудничество в многостороннем формате, Индия и Китай являются активными участниками следующих организаций: ООН, БРИКС (РИК, БРИК), ШОС и Группа 20 [16].

Вторая крупная сфера сотрудничества КНР и РИ: торгово-экономическая. Китай и Индия являются государствами с крупнейшими быстроразвивающимися экономиками и крупнейшими формирующимися рынками, что открывает широкие перспективы торгово-экономического сотрудничества. Также важно отметить тот факт, что на территории этих двух государств проживает одна третья населения Земного шара, а это огромный потенциал для импорта. Сейчас основными сферами торгово-экономического сотрудничества являются традиционные: фармацевтика, телекоммуникации, электронные технологии, финансы и туризм. Согласно проведенному Индийской торгово-промышленной палатой исследованию, Китай уже стал крупнейшим торговым партнером Индии, вытеснив Соединенные Штаты и Саудовскую Аравию. В свою очередь, Республика

Индия - крупнейший торговый партнер КНР в Южной Азии. Важную роль в этом направлении играют и прямые иностранные инвестиции китайцев в индийскую экономику, индийцев в китайскую.

Благодаря укреплению и расширению нормативно-правовой базы двусторонних отношений, в том числе в сфере экономики, происходит стабильный рост экономических показателей обеих стран. Благоприятный политический климат положительно влияет на расширение и эффективность торгово-экономического сотрудничества.

Третья сфера активного взаимодействия – гуманитарная. Нормализация политических отношений, социально-экономический рост обеих стран – все это привело к активному сотрудничеству в гуманитарной сфере. История и культура Индии и Китая одинаково древние и самобытные, в эпоху глобализации вопросы национальной идентичности и культурной значимости становятся наиболее актуальными. Давнее соперничество буддийской и конфуцианской культур на современном этапе становится менее явным, выдвигая на первый план более масштабную парадигму «Восток-Запад». Усиливая совместную «азиатскую» мощь Китай и Индия наращивают сотрудничество в гуманитарной сфере. При поддержке правительств двух стран стремительно развиваются научно-образовательные отношения, проводятся совместные исследования, растет грантовая поддержка научных проектов, увеличивается количество индийских студентов обучающихся в Китае и китайских студентов в Индии. Сотрудничество активно развивается в туристической, медицинской, культурной сфере, особо

хочется отметить СМИ, кинематограф и перевод художественной литературы. В тоже время, Китай, разработав долгосрочную внешнеполитическую программу по осуществлению «китайской мечты» и хорошее финансирование проектов гуманитарной сферы, пока имеет большой перевес. Данная сфера взаимодействия является перспективной и имеющей колоссальный потенциал, в том числе для нормализации восприятия образа соседнего государства народами этих стран. Также следует отметить и ее мало изученность, гуманитарная составляющая китайско-индийских отношений требует более детального анализа и дальнейшего отдельного изучения.

Несмотря на достаточно позитивное сотрудничество КНР и РИ, имеются и противоречия, которые сказываются на общем климате взаимоотношений. У Индии и Китая до сих пор имеются погранично-территориальные притязания (см. Карта 1). Несмотря на то, что в 2003 г. была подписана «Декларация» [17] обстановка остается накаленной, так в мае 2020 г. на границе вновь вспыхнул конфликт, а вопросы территорий пришлось улаживать на двусторонних переговорах в июле 2020 г. До сих пор Индия не признаёт суверенитет Поднебесной над районом Аксайчин, а Пекин требует, чтобы Нью-Дели передал КНР штат Аруначал Прадеш. Также не решенным является вопрос по правовому статусу Тибета и проблема «тибетского правительства в изгнании».

Кроме двусторонних вопросов, в связи с растущей ролью и военной мощью двух азиатских государств усиливаются геополитические противоречия. Китай и Индия ведут активную внешнеполитическую деятельность, согласно



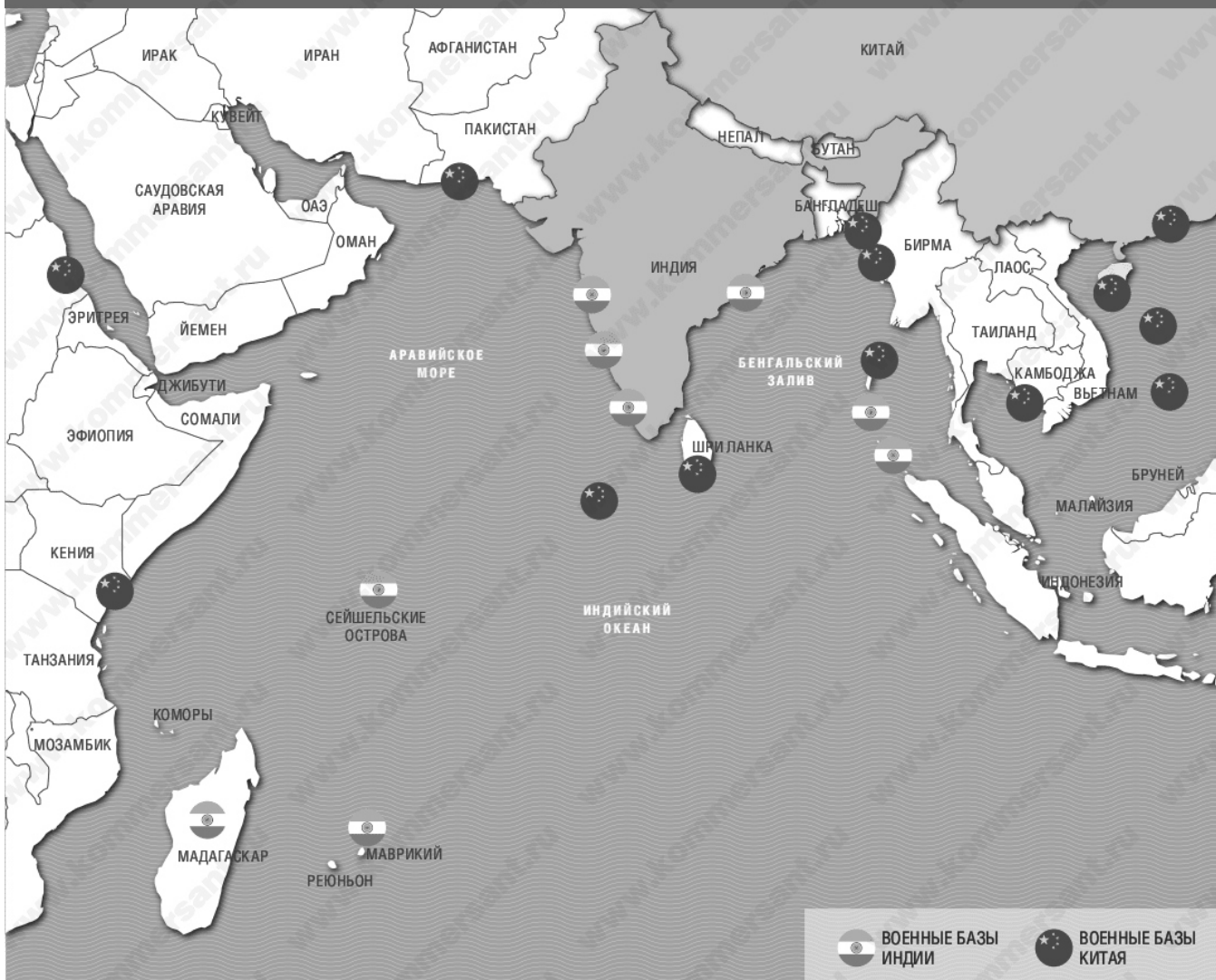
своим национальным интересам, что не всегда приходится по нраву другим странам. Так, например, Китай опасается того, что растущие вооруженные силы Индии и её отношения с Соединенными Штатами могут быть угрозой для китайских транспортировок через Индийский океан. Китай сильно зависит от импорта продовольствия и сырья, именно, поэтому в последние годы начал активно наращивать военно-морские силы, и создание опорных точек «Жемчужная нить» в Индийском океане держит в напряжении индийское правительство [18]. Мьянма, Бангладеш, Пакистан, Шри-Ланка, Мальдивские остров – вот основные морские опорные точки КНР (см. Карта 2).

Также необходимо обратить внимание на расширение влияние Китая в Непале. Пекин активно развивает отношения с Катманду, Непал стал явно поддерживать инициативы

КНР в южно-азиатском регионе. По мнению индийских аналитиков китайская «Нить жемчуга обвилась вокруг горла Индии». Союзники КНР располагаются по всему периметру индийских морских и сухопутных границ. Дели считает, что Южная Азия и Индийский океан – это традиционная сфера его влияния. Растущие силы Китая в этом регионе, естественно, вызвали серьезную озабоченность в Индии.

Индия в свою очередь также начала развивать военно-морскую мощь и начала занимать наступательные позиции в Южно-китайском море, которое китайская сторона исторически считает «своим». Также необходимо отметить стратегическое партнерство Индии с Филиппинами и Вьетнамом. В противовес Китаю, Индия пытается сбалансировать мощь Поднебесной в этом регионе. У двух государств есть собственные интересы на Африканском континенте,

ВОЕННЫЕ БАЗЫ ИНДИИ И КИТАЯ В БАСЕЙНЕ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА



в странах Средней Азии, где также происходит противостояние и внутренняя конкуренция.

По мнению ряда ученых китайско-индийские отношения выходят за рамки «двустороннего измерения», представляя собой часть «многомерной комбинации». «Остальными сторонами» здесь стабильно выступают Россия, США и Пакистан.

Формат сотрудничества Россия – Индия – Китай (РИК), уже к началу 2000-х гг. нашел свое очертание, а сейчас в этой конфигурации активно обсуждается проблематика формирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе новой

архитектуры безопасности и сотрудничества, а также взаимодействия трех стран в рамках различных многосторонних объединений, в том числе в форматах БРИКС, ШОС, механизме Восточноазиатских саммитов, Региональном форуме АСЕАН по безопасности. Для России Индия и Китай остаются важными стратегическими партнерами.

Кроме России, на китайско-индийские отношения также имеют большое влияние Соединенные Штаты Америки, которые активно сотрудничают с Республикой Индия в военной и ядерной сферах. В целом, данный формат

сотрудничества следует рассматривать некий геополитический союз для сдерживания стремительно усиливающейся военной и экономической мощи Китайской Народной Республики.

Китай имеет давние крепкие партнерские отношения с Пакистаном, и этот союз противостоит американо-индийскому влиянию в регионе. Так называемый «пакистанский фактор» негативно сказывается на китайско-индийских отношениях и влияет на положительную динамику взаимоотношений.

Китайско-индийские отношения давно вышли за рамки двусторонних отношений, их влияние на мировую политическую и экономическую ситуацию усиливается с каждым днем. Несмотря на то, что за последние 30 лет Китай и Индия достигли значительных результатов в решении пограничных вопросов, в 2013, 2014, 2020 гг. произошли три инцидента на западных границах. Это значит, что руководителей обоих государств ожидает трудная работа по окончательному разрешению территориальных споров, которые негативно влияют на атмосферу всеобъемлющего партнерства. Особенно это сказывается при формировании образа соседнего государства у населения, которое считает эти территории нелегитимно захваченными.

В торгово-экономической сфере, Китай и Индия, будучи странами с крупнейшими формирующимися рынками и с наибольшим количеством населения, имеют широкие перспективы в этой сфере. Правительство Н. Моди видит прямую связь между модернизацией индийской экономики и активностью индийской дипломатии в мировом пространстве [19]. Без сотрудничества с Китаем Индии будет достаточ-

но сложно поддерживать или даже наращивать темпы роста ВВП, которые имеются на данный момент. Экономики соседних стран дополняют и поддерживают друг друга. Но есть и ряд негативных факторов, на которые следует обратить внимание: в первую очередь, это дисбаланс торговли в пользу Китая (в 2014 г. дефицит составил 37.8 млрд. долларов [20]), который можно решить за счет увеличения китайских инвестиций в Индию.

Таким образом, не смотря на имеющиеся нерешенные пограничные вопросы, конкуренцию в регионе, Китая и Индии остаются партнерами, а главным фактором их крепкого сотрудничества является противостояние Западу и формирование многополярного мироустройства. Два азиатских гиганта имеют сходные геополитические и экономические интересы, заинтересованы в стабильности и безопасности в регионе, в то время, когда они находятся на ключевом этапе национального возрождения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Педин А.В. Китайско-индийские отношения: проблемы и перспективы. Восток - Россия - Запад: историко-культурологические исследования. К 70-летию С.В. Мясников. Москва. 2001
2. Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. Москва. 1990.
3. Кузнецов Б.С. Китай - Индия: трудный путь к взаимопониманию. Азия и Африка сегодня. 2004. №5.
4. Уянаев, С.В. Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI веке: проблемы, перспективы, направления. Москва: ИДВ РАН Пресс. 2004. С. 386.

5. Лунев С.И., Шахматов А.В. Индия: политическое развитие и внешняя политика. Информационные базы, экономика и финансы. Москва, МГИМО (У), 2006.
6. Wen Fude. Yindu jingji quanqiu hua yanjiu. Chengdu: Sichuan chubanshe, 2011. P.755.
7. Li Tao, Wang Xinyou. Zhongguo xizang yu linguo jian de bianmao yanjiu: xianzhuang, wenti yu qianjing. Chengdu: Sichuandaxue, nanya yanjiu jikan, № 2. 2011. P. 68-76.
8. Yang Haoyong. Yindu neng chaoyue zhongguo ma? Beijing: Zhongguo caizheng jingji chubanshe, 2009. P. 229.
9. Xue Keqiao. Zhongyin wenhua jiaoliu shihua. Beijing: Zhongguo guoji guangbo chubanshe, Beijing: 2010.
10. Zhao Weiwen. Yinzhong guanxi fengyun lu (1949-1999). Beijing: Shishi chubanshe, 2000. P. 407.
11. Zhang Minqiu. Zhongyin guanxi yanjiu. Beijing: Beijingdaxue chubanshe, 2004. P. 387.
12. Wu Yangnian, Zhao Gancheng, Ma Yi. New Theory on Indian Diplomacy in the 21st Century. Shanghai. 2004. P. 350.
13. Sun Shihai. India's development and its foreign strategy. Beijing. 2000. P. 290.
14. Ma Jiali. Follow India: a rising power. Tianjing. 2002. P. 235.
15. The Peacock and the Dragon: India-China Relations in the 21st Century. New Delhi: Har-Anand, 2000
16. Feixiang Y, Martynov D.E, Alikberova A.R., Introducing the concept of modernization in China in the 20th century//Journal of Social Sciences Research. - 2018. - Vol.2018, Is.Special Issue 5. - P.157-160
17. Declaration of the People's Republic of China and the Republic of India on the Principles of Relations and Comprehensive Cooperation (June 23, 2003). URL: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2003-06/24/content_935350.htm (date of access: 17.07.2020).
18. Аратюнян А.А. Стратегия «жемчужной нити» как мера для реализации инициативы китайского морского шелкового пути. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(2):100-120.
19. Dutta Sujit. Managing and Engaging Rising China: India's Evolving Posture// The Washington Quarterly. Spring, 2011. Vol. 34. № 2. P. 127-144.
20. Economic development on the backs of the people of Tibet. URL: <http://www.asianews.it/news-en/Economic-development-on-the-backs-of-the-people-of-Tibet-4023.html>

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Pedin A.V. Sino-Indian relations: problems and prospects. East - Russia - West: Historical and cultural studies. To the 70th anniversary of S.V. Myasnikov. Moscow. 2001
2. Bazhanov E.P. China and the outside world. Moscow. 1990.
3. Kuznetsov B.C. China - India: a difficult path to mutual understanding. Asia and Africa today. 2004. No.5.
4. Uyanaev, S.V. Interaction between Russia, India and China in the XXI century: problems,

- prospects, directions. Moscow: IFES RAN Press. 2004. P. 386.
5. Lunev S.I., Shakhmatov A.V. India: Political Development and Foreign Policy. Information bases, economics and finance. Moscow, MGIMO (U), 2006.
 6. Wen Fude. Yindu jingji quanqiu hua yanjiu. Chengdu: Sichuan chuban jituan bashu shushe, 2011. P.755.
 7. Li Tao, Wang Xinyou. Zhongguo xizang yu linguo jian de bianmao yanjiu: xianzhuang, wentiyu qianjing. Chengdu: Sichuandaxue, nanya yanjiu jikan, № 2. 2011. P. 68-76.
 8. Yang Haoyong. Yindu neng chaoyue zhongguo ma? Beijing: Zhongguo caizheng jingji chubanshe, 2009. P. 229.
 9. Xue Keqiao. Zhongyin wenhua jiaoliu shihua. Beijing: Zhongguo guoji guangbo chubanshe, Beijing: 2010.
 10. Zhao Weiwen. Yinzhong guanxi fengyun lu (1949-1999). Beijing: Shishi chubanshe, 2000. P. 407.
 11. Zhang Minqiu. Zhongyin guanxi yanjiu. Beijing: Beijingdaxue chubanshe, 2004. P. 387.
 12. Wu Yangnian, Zhao Gancheng, Ma Yi. New Theory on Indian Diplomacy in the 21st Century. Shanghai. 2004. P. 350.
 13. Sun Shihai. India's development and its foreign strategy. Beijing. 2000. P. 290.
 14. Ma Jiali. Follow India: a rising power. Tianjing. 2002. P. 235.
 15. The Peacock and the Dragon: India-China Relations in the 21st Century. New Delhi: Har-Anand, 2000
 16. Feixiang Y, Martynov D.E, Alikberova A.R., Introducing the concept of modernization in China in the 20th century//Journal of Social Sciences Research. - 2018. - Vol.2018, Is.Special Issue 5. - P.157-160
 17. Declaration of the People's Republic of China and the Republic of India on the Principles of Relations and Comprehensive Cooperation (June 23, 2003). URL: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2003-06/24/content_935350.htm (date of access: 17.07.2020).
 18. Harutyunyan A.A., "String of pearls" strategy as a measure for the implementation of the Chinese maritime silk road initiative. Modern Oriental Studies. 2020; 2(2): 100-120
 19. Dutta Sujit. Managing and Engaging Rising China: India's Evolving Posture// The Washington Quarterly. Spring, 2011. Vol. 34. № 2. P. 127-144.
 20. Economic development on the backs of the people of Tibet. URL: <http://www.asianews.it/news-en/Economic-development-on-the-backs-of-the-people-of-Tibet-4023.html>

INFORMATION ABOUT AUTHORS:

Alikberov Eduard Shabanovich

Kazan Federal University

eduard_alikberov@mail.ru

Alikberova Alfiya Rafisovna, Associate Professor

Candidate of Historical Studies, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia

alfiakasimova@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В АРКТИКЕ¹

THE PROSPECTS FOR RUSSIA-CHINA COLLABORATION IN THE ARCTIC

Фэй Цзюньхуэй

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли
69230854@qq.com

АННОТАЦИЯ

Северный полярный регион привлекает все большее внимание не только собственно арктических стран, но и ряда неарктических государств, в том числе Китая. Наличие общих интересов в рамках стратегического партнёрства создаёт основу для сотрудничества России и Китая в Арктике. Эффективное российско-китайское взаимодействие в Арктике будет способствовать не только дальнейшему углублению отношений стратегического партнёрства между двумя великими державами, но и долгосрочному устойчивому развитию арктического региона.

Ключевые слова и фразы: Арктика; российско-китайское стратегическое партнёрство; Северный морской путь (СМП); "Арктический пояс Шёлкового пути"; "Один пояс, один путь".

Для цитирования: Фэй Цзюньхуэй, Перспективы сотрудничества России и Китая в Арктике. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(4): 80-87

ABSTRACT

The Northern Polar region has been rising in importance not only for the traditional Arctic nations but also for a number of non-Arctic states, including China. The existence of shared interests under the Russia-China strategic partnership opens up opportunities for their cooperation in the Arctic. The effective Russian-Chinese cooperation in the Arctic, based on convergent interests, will not only contribute to further growth of the strategic partnership between the two great powers, but may also be beneficial to the long-term sustainable development of the Arctic.

Keywords and phrases: the Arctic; the Sino-Russian strategic partnership; Northern Sea Route; "The Arctic Belt of the Silk Road"; "One belt, one way".

For citation: Fei Junhui, The prospects for Russia-China collaboration in the Arctic. Modern oriental studies. 2020; 2(4): 80-87

¹ Работа выполнена при поддержке Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (Гуанчжоу, Китай).

本论文为2018年广东外语外贸大学特色创新项目—俄北极战略与中俄北极合作研究(18SS12)最终成果。

В июне 2019 года Россия и Китай подписали заявление о новом этапе в развитии всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства. Особое внимание при этом уделяется расширению сферы устойчивого развития Арктики. Речь идёт о совместных разработках и использовании арктических маршрутов, модернизации инфраструктуры арктического региона, освоении его ресурсов, стимулировании туризма, исследованиях в области полярной экологии, организации научных экспедиций.

Компании обеих стран живо откликнулись на данное совместное заявление, выразили заинтересованность в реализации стратегии развития арктических маршрутов. Китайская национальная нефтегазовая корпорация и ПАО «НОВАТЭК» подписали соглашение о покупке акций ООО «Арктик СПГ-2». Крупнейшая китайская судоходная компания China Shipping Group подписала с двумя российскими компаниями и «Фондом Шелкового пути» соглашение о создании предприятия «Морской арктический транспорт». Деятельность данной компании нацелена на установление новых долгосрочных партнёрских отношений в сфере международных грузоперевозок между Азией и Европой, оптимизацию процессов международной торговли и беспрепятственный доступ к ней; тем самым — на содействие формированию «сообщества единой судьбы человечества» в Арктике. Китайский эксперт Ван Цзюньтао подчёркивает, что у России и Китая есть все основания для интенсивного и эффективного развития двусторонних отношений в арктическом регионе [Ван,

2016, С. 94]. Очевидно, что российско-китайское сотрудничество в Арктике переходит к новому этапу, в данном направлении взаимодействия стран открываются новые горизонты. Особую значимость приобретают меры по реализации инициативы «Арктический пояс Шелкового пути», изучение перспективных направлений совместной работы России и Китая в Арктике, а также подготовка стратегического плана содействия устойчивому развитию региона.

Следующие направления развития российско-китайского сотрудничества в Арктике мы рассматриваем в качестве приоритетных.

Во-первых, это торгово-экономическое партнёрство. Основная цель российско-китайского взаимодействия в Арктике — «укрепление сотрудничества в освоении и использовании СМП, а также исследование арктического судоходства». Северо-восточный морской проход — новый евразийский международный торговый путь; в сравнении с привычными маршрутами он позволит сократить расстояние между странами Азии и Европы примерно на треть. Использование Северо-восточного прохода ощутимо снизит стоимость доставки грузов и риски, связанные с их перевозкой, что принесёт значительные экономические преимущества в судоходстве. В то же время реализация инициативы «Арктический пояс Шелкового пути» и развитие сотрудничества между Китаем и Россией (а также другими странами Арктики) радикально изменит сложившуюся схему международных морских перевозок и глобальную систему международной торговли;

будет способствовать смещению мирового торгово-экономического центра на север. В соответствии с этим среди ключевых направлений российско-китайского взаимодействия в Арктике — торгово-экономическое и морское сотрудничество. В настоящее время это подтверждается не только завершением проекта «Ямал СПГ», но и недавним созданием компании «Морской арктический транспорт» [Гао, 2018, С. 53]. В перспективе сотрудничество России и Китая также будет тесно связано с торгово-экономической деятельностью в арктическом регионе, что создаст условия для перехода к новому этапу российско-китайского торгового партнёрства, к новому уровню торговых отношений между Азией и Европой и тем самым обеспечит устойчивое развитие мировой торговли в целом.

Во-вторых, сотрудничество в развитии энергетики. Арктический регион обладает чрезвычайно богатыми и разнообразными природными ресурсами, в том числе морскими. Расширение и углубление партнёрства России и Китая в Арктике, безусловно, будет основываться на освоении этих ресурсов и производстве энергии, а также будет содействовать торгово-экономическому сотрудничеству, научному и академическому обмену между странами арктического региона. Стоит отметить, что еще в 2014 году Россия и Китай, стремясь к всеобъемлющему и устойчивому взаимодействию в энергетике, подписали совместную декларацию о новом этапе всестороннего стратегического сотрудничества и партнерства. На сегодняшний день Китай, ежегодно приобретаая

большие объёмы нефти и газа за рубежом, является крупнейшим в мире импортером топливно-энергетического сырья, что делает его зависимым от внешних поставщиков энергоресурсов. Российские арктические районы исключительно богаты запасами нефти и газа. У обеих сторон есть прямой интерес к сотрудничеству в энергетической сфере. Ожидается, что проект энергетического партнёрства станет одним из приоритетных в рамках практического сотрудничества между двумя странами в Арктике. К настоящему времени китайское участие в проекте «Ямал СПГ» уже достигло значительного объёма, совместная работа российских и китайских компаний в области разведки и добычи энергоносителей вышла на качественно новый уровень. Разработка энергоресурсов российской Арктики и транспортировка энергоносителей должны ещё больше укрепить деловые связи двух стран. В дальнейшем особые усилия следует направить на развитие судоходства на сжиженном природном газе — строительство танкеров, ледоколов и других полярных судов соответствующего типа; на создание трубопроводной системы, дальнейшее развитие арктической нефтегазовой базы, совершенствование российско-китайской системы поставок углеводородов, совместную борьбу с загрязнением окружающей среды. Успешная работа в данных направлениях позволит говорить о формировании нового — беспрецедентно высокого — качества российско-китайского энергетического партнёрства. Планируется, что сотрудничество Рос-

сии и Китая в Арктике будет и впредь включать в себя масштабные совместные проекты в сфере энергоресурсов, содействующие инновационному развитию мировой энергетики.

В-третьих, сотрудничество в сферах науки и технологий. Сегодня организация совместных полярных экспедиций, научно-техническое сотрудничество и обмен соответствующей информацией между Россией и Китаем все еще находятся на начальной стадии; существуют большие перспективы для совместной работы в этом плане. Впервые Китай организовал научную экспедицию в Северный Ледовитый океан в 2017 году. Однако в настоящее время лишь мониторинг акватории уже не может быть основной целью китайских полярных экспедиций. Кроме того, нельзя не отметить факт определённого отставания стран Арктики в развитии инфраструктуры, научных исследований и технологий. Сбор и представление данных о навигации в полярных и ледовых районах, а также о Северном Ледовитом океане в целом, осуществляются недостаточно эффективно. В 2016 году китайские учёные впервые провели комплексное исследование в принадлежащей Российской Федерации исключительной экономической зоне Северного Ледовитого океана. Главные направления научного поиска были связаны с морской геологией, геофизикой, химией океана и химией атмосферы. Данное исследование участка Северного Ледовитого океана стало историческим прорывом в российско-китайском научном сотрудничестве. В будущем совместные полярные экспедиции

станут важным направлением устойчивого развития Арктики. Совместные проекты и разработки в научно-технической сфере имеют особое значение: страны Арктики по-прежнему отстают в областях судостроения, производства морского оборудования, строительства портовой инфраструктуры Арктического бассейна; освоение региона требует использования современной высокоуровневой техники. В рамках международного научно-технического обмена с арктическими странами, и в частности, с Россией, Китаю необходимо опираться на свои научные и технические достижения, что непременно будет способствовать повышению уровня научных исследований и технологических разработок в Арктике. Таким образом, в перспективе активное российско-китайское взаимодействие в обсуждаемой сфере позволит принципиально расширить и углубить изучение Арктики, обеспечить научную основу для принятия решений по вопросам развития судоходства и судостроения, энергетики, портового хозяйства.

В-четвёртых, обмен информацией. Одним из основных направлений российско-китайского стратегического сотрудничества в Арктике станет совместный бизнес России и Китая, что предполагает создание больших информационных баз данных и обмен ими. Наибольшие объёмы данных будут формироваться в связи с передвижением торговых судов, проведением научных полярных экспедиций, гидрометеорологическим прогнозированием и результатам научных исследований. Обширные базы данных играют важнейшую роль как в уточнении

наших представлений об Арктике, так и в различных видах деятельности, направленной на развитие этого региона [Минина, 2018, С. 84]. В настоящее время человечество находится ещё на начальном этапе освоения Арктики, именно поэтому любые данные о регионе имеют неоспоримую ценность. Создание большой "арктической" базы данных как результата сбора, упорядочения, обработки и анализа соответствующей информации необходимо внести в повестку дня как можно раньше. Формирование и совершенствование большой базы данных по освоению и развитию Арктики будет способствовать системной и скоординированной работе в сфере организации арктических маршрутов, эффективному взаимодействию сторон в рамках российско-китайского проекта «Арктического пояса Шелкового пути» и инициативы "Один пояс, один путь", обеспечению обоснованного и своевременного принятия стратегических решений, связанных с сотрудничеством в развитии региона [Хмельнов, 2019, С. 149]. В частности, совершенствование систем мониторинга ледового покрова и цифровых систем движения судов может быть важным перспективным направлением сотрудничества.

Наконец, взаимодействие в вопросах реагирования на чрезвычайные ситуации на море. На фоне улучшения судоходной среды и других условий северо-восточного морского пути, а также увеличения объёмов перевозок по СМП, освоения природных ресурсов, расширения научно-экспедиционной, туристической и иных сфер деятельности, совместная работа по реше-

нию проблем, связанных с морскими чрезвычайными ситуациями в рассматриваемом регионе, станет важным элементом российско-китайского сотрудничества. Активизация различных видов деятельности в акватории морей СМП неизбежно создаст определенные угрозы для природной среды и экосистемы Арктики. Необходимо эффективно контролировать и предотвращать экологические риски, минимизировать опасность чрезвычайных ситуаций в данной акватории. Будучи главными партнёрами в рамках «Арктического пояса Шёлкового пути», Китай и Россия должны создать надёжные механизмы взаимодействия на море, разработать строгую правовую регламентацию исполнения обязательств в различных сферах этого взаимодействия от фундаментального мониторинга и управления рисками на СМП до комплексной совместной деятельности в целях развития арктического региона. Соответствующие ведомства двух стран должны начать полноценное сотрудничество в области предупреждения и ликвидации морских ЧС, создать специальную платформу для обработки данных об аварийных ситуациях, разработать программы реагирования на риски различной степени, повысить уровень осведомленности и граждан об экологической ответственности, минимизировать ущерб от аварий и усилить общую безопасность СМП.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВМЕСТНЫХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ПРОЕКТОВ

Россия и Китай, являясь главными участниками проекта «Арктический пояс Шёлкового

пути», должны подготовить стратегическую конвергенцию и технологическую модернизацию промышленности как основу нового этапа устойчивого развития взаимоотношений.

Во-первых, России и Китаю необходимо установить всесторонние, полномасштабные партнёрские отношения в рамках проекта «Арктический пояс Шёлкового пути», связанного с инициативой «Один пояс, один путь»; при этом способствовать участию в проекте всех заинтересованных стран арктического региона. Одним из важнейших условий дальнейшего полноценного сотрудничества в Арктике является устранение недоверия и разного рода опасений в отношениях между странами. Весьма важным представляется и активное привлечение государств арктического региона к участию в проекте, что обеспечит эффективность принимаемых решений, будет содействовать появлению многоплановых механизмов взаимного доверия и взаимовыгодных международных экономических отношений. Все это призвано обеспечить дальнейшее развитие Арктики; в частности, стимулировать постепенное формирование новой модели управления регионом, совершенствование многосторонних механизмов данной модели.

Во-вторых, укрепление торгово-экономического и энергетического партнёрства. Совместная работа России и Китая, связанная с торговлей, энергетикой, транспортом и другими сферами экономики, должна исходить из приоритетов государственной политики, поддерживать деловые контакты между россий-

скими и китайскими судоходными и энергетическими компаниями, продвигать проекты «Ямал СПГ» и «Морской арктический транспорт» в качестве образцов совместного бизнеса. Модель взаимодействия России и Китая в Арктике должна затрагивать как можно больше сфер: судоходство, энергетику, торговлю, строительство инфраструктуры и так далее. В то же время необходимо уделять особое внимание дальнейшему наращиванию инвестиций с целью повышения уровня научных исследований и технологий в арктическом регионе. Объединение потенциалов ресурсов и технологий двух стран, сотрудничество в создании полярных судов и морского оборудования, развитие инфраструктуры СМП помогут, с одной стороны, выдвинуть торгово-экономические связи России и Китая на новый уровень, а с другой стороны, освоить и защитить энергетические ресурсы.

В-третьих, модернизация инфраструктуры СМП и обмен данными, релевантными для решения этой задачи. Это ключевое направление дальнейшего сотрудничества. Порты в российской зоне арктического морского пути в основном были построены в советское время. Устаревание портовых сооружений и оборудования приводит к тому, что крупные суда не могут пришвартоваться. Более половины портов Северного морского пути не функционирует. Другим фактором, обуславливающим износ инфраструктуры и осложняющим развитие портов, является суровая природная среда Арктики [Зайков, 2016, С. 34]. Для успешного освоения арктического пространства России

и Китаю необходимо совместными усилиями всемерно развивать региональную инфраструктуру, обеспечив при этом надёжные гарантии сотрудничества. Важную роль в процессе строительства инфраструктуры арктических маршрутов будет играть обмен разнообразными данными. Китай и Россия должны активизировать научно-исследовательскую, в том числе экспедиционную, деятельность в Арктике и в связи с этим увеличить инвестиции в данную сферу. Сведения о полярных ледовых условиях, о специфике судоходства в арктических широтах должны послужить основой для разработки новых законов, касающихся Арктики. Следует активно вовлекать различные заинтересованные стороны, прежде всего российские и китайские компании, в строительство портовой и энергетической инфраструктур. Устойчивое развитие «Арктического пояса Шёлкового пути» принципиально возможно лишь на основе тесной взаимосвязанности стран арктического региона.

В-четвёртых, Китай делает все возможное для развития соответствующих технологических отраслей и в целом для формирования российско-китайского партнёрства в Арктике. Китай, как соучредитель «Арктического пояса Шёлкового пути», уделяет особое внимание углублению международного сотрудничества в обсуждаемом регионе. Провинциям и муниципалитетам КНР предстоит создать специальный Фонд развития морской промышленности, деятельность которого будет способствовать повышению уровня китайских арктических морских технологий и ускорению индустриального раз-

вития арктической зоны. В числе ключевых направлений сотрудничества — модернизация Северо-Восточного региона КНР, продвижение результатов китайских научных исследований и технологических разработок, строительство арктических судов, морской техники и судоходной инфраструктуры [Иволга, 2017, С. 322]. В качестве логистической основы «Арктического пояса Шёлкового пути» Китай рассматривает систему китайских и арктических морских портов, создание которой является весьма существенным вкладом в торгово-экономическое сотрудничество России и Китая, особенно в части транспортировки энергоресурсов.

Успешный опыт российско-китайского взаимодействия в рамках инициативы «Арктический пояс Шёлкового пути» позволяет утверждать, что она знаменует переход к новому этапу партнёрства России и Китая в Арктике, а также к новой эпохе в «единой судьбе» восьми арктических государств [Александров, 2015, С. 28]. На данном этапе основные направления сотрудничества России и Китая будут связаны с энергетикой, торговлей, транспортом и другими отраслями экономики, в также с обменом научно-технической и информацией. В перспективе разнообразный потенциал Арктики будет только нарастать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров О.Б. Перспективы стратегического альянса России и Китая в Арктике // Россия XXI. 2015. № 2. С. 24-35.
2. Ван Цзюньтао. Российско-китайские отношения в Арктике: проблемы и перспективы // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1(239). С. 92-96.
3. Гао Тяньмин. Российско-китайское сотрудничество по созданию Арктического синего экономического коридора: проблемы и перспективы // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 3. С. 51-55.
4. Зайков К.С., Калинина М.Р., Кондратов Н.А., Тамицкий А.М. Стратегические приоритеты научных исследований России и зарубежных государств в арктическом регионе // Арктика: экология и экономика. 2016. №3 (23). С. 29-37.
5. Иволга А.Г. Сотрудничество России и Китая в сфере развития арктического туризма: инновационный аспект // Сотрудничество Китая и России в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (г. Москва, 11 сентября 2017 г.). Харбин, КНР: Харбинский инженерный университет, 2017. С. 320-327.
6. Минина М.В., Щитинский В.А. Проблемы управления социально-экономическим развитием Арктической зоны Российской

Федерации. Управленческое консультирование. № 6 (114). 2018. С. 77-88.

7. Хмельнов И. Н. Безопасность транспортных коридоров в Арктике. СПб Арктические чтения // Материалы международной научной конференции. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019. С. 143-151.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Associate Professor, PhD **Fei Junhui**

European languages and cultures Institute, Faculty of Russian studies

Guangdong University of foreign languages and foreign trade

510420, China, Guandong, Guangzhou, пр-т Bayundadao

e-mail: 69230854@qq.com.

Принята к публикации: 01.08.2020

Submission Date: 05.08.2020

АРКТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: ВЗАИМНАЯ ВЫГОДА И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

ARCTIC INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: MUTUAL BENEFIT AND STRATEGIC CONTRADICTIONS

Эпштейн Виталий Анатольевич,

*Кафедра мировой экономики и международных отношений, Институт бизнеса и делового
администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)*

Дагаев Андрей Романович

*бакалавр, выпускник факультета международных отношений
Институт бизнеса и делового администрирования
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (РАНХиГС, Москва)
epshteinv@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка охарактеризовать основные принципы, цели и задачи политики России и Китая в отношении Арктики. Авторы рассматривают основные сферы взаимовыгодного сотрудничества и анализируют противоречия КНР и РФ по вопросам международно-правового регулирования арктического региона, принадлежности арктических морских маршрутов, а также дают прогноз относительно укрепления позиций двух стран в Арктике в ближайшие 10 лет.

Ключевые слова: *Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Северный морской путь, СМП, Ямал-СПГ, инфраструктура, международное право, Сообщество единой судьбы человечества, Ледовый шелковый путь.*

Для цитирования: *Эпштейн В.А., Дагаев А.Р. Арктические интересы Российской Федерации и Китайской Народной Республики: взаимная выгода и стратегические противоречия. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(4): 88-98*

ABSTRACT

The article provides the description of Russia's and China's Arctic Policy, its key objectives and goals, analyzes the contradictions between PRC and RF regarding international legal regulation of Arctic region, belonging of arctic sea routes, and provides a forecast of strengthening the positions of two countries in Arctic in the next 10 years.

Keywords and phrases: *Russian Federation, Peoples Republic of China, North Sea Route, NSR, Yamal-LNG, natural resource potential, infrastructure, international law, Community of shared future for mankind, Polar Silk Road.*

For citation: *Epshteyn V., Dagaev A. Arctic interests of the Russian Federation and the People's Republic of China: mutual benefit and strategic contradictions. Modern oriental studies. 2020; 2(4): 88-98*

В последние десятилетия роль Арктики в международных отношениях и мировой экономике неуклонно возрастает, что связано с совокупностью экономических и природных предпосылок. По оценкам ученых, большая часть Северного Ледовитого океана окажется свободной ото льда к 2030 г. вследствие продолжающегося глобального потепления. [3, С.53] Таяние льдов открывает перед человечеством возможности освоения арктических морских маршрутов и недр Арктики. К первому аспекту проявляют повышенный интерес как региональные, так и нерегиональные игроки, в том числе из Восточной Азии.

«Используя Южный путь от Даляня (Китай) до Роттердама (Нидерланды)» кораблю «необходимо пройти 12 000 морских миль, что составляет 48 суток пути.» При эксплуатации российского Северного морского пути, который проходит по морям Северного Ледовитого океана (Чукотскому, Восточно-Сибирскому, Лаптевых, Карскому, Баренцеву) и частично Тихого океана (Берингову), «маршрут от Даляня до Роттердама составляет около 8 000 морских миль, что составляет 35 суток пути.» [17, С.117]

В перспективе для арктических государств особый предметный интерес будет представлять второй аспект - ресурсный потенциал северного полярного региона, который содержит в себе до 13% неразведанных запасов нефти и до 30% природного газа мира. [10] Среди арктических акторов наиболее заметные усилия по продвижению арктической повестки прилагаются со стороны Российской Федерации и ее стратегического партнера, нерегионального игрока – Китайской Народной Республики.

Протяженность морской границы Российской Федерации по Северному Ледовитому океану составляет 19724,1 км., а площадь сухопутной части арктической зоны страны - 3,1 млн. кв. км., что составляет 18% территории России. Во исполнение Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу, утвержденных Президентом РФ 18 сентября 2008 г. № Пр-1969 Правительство РФ разработало «Стратегию развития арктической зоны и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года». В тексте стратегии говорится, что арктическая зона отличается экстремальными природно-климатическими условиями, очаговым характером хозяйственного освоения территорий, низкой плотностью населения (1-2 чел. на 10 кв. км) и удаленностью от основных промышленных центров, что приводит к высокой зависимости населения от поставок топлива, продовольствия и товаров первой необходимости из других регионов России, а также уязвимостью природы от техногенных чрезвычайных ситуаций. [16]

Приоритетом Российской Федерации в Арктике заявлено её комплексное социально-экономическое, технологическое развитие и обеспечение военной безопасности, вкупе с защитой и охраной государственной границы. Политика в Арктике проводится в первую очередь для реализации национальных интересов страны. Государство приоритетно стимулирует хозяйственные субъекты на разработку сырьевого потенциала, сооружение инфраструктуры, использование Северного морского пути в качестве национальной единой транспортной коммуникации Российской Федерации вместе

с сохранением экологического равновесия в арктической зоне. [16]

Предполагается, что в своей совокупности данные меры гарантируют стабильность внутреннего развития страны, внешней торговли и укрепят позиции России как на региональном, так и на международном уровне.

Говоря о политическом присутствии Китая в Арктике, необходимо отметить, что оно связано с присоединением в 1925 г. к так называемому Шпицбергенскому трактату, который в 1920 г. определил международно-правовой статус архипелага Шпицберген. «Реальную заинтересованность Китайской Народной Республики в исследовании арктического региона и установлении там своего присутствия можно проследить ещё с периода Холодной войны, а именно с 1951 г., когда китайский ученый совместно с советскими исследователями, участвовал в экспедиции к Северному магнитному полюсу, став первым гражданином КНР, побывавшим в Арктике.» [18, С.899]

«В 1981 г. КНР возобновила научные исследования региона, в 1995 г. была организована первая пешая экспедиция к Северному полюсу, а в 1995 г. – первая морская экспедиция.» В мае 2013 г. Китай получил статус страны-наблюдателя Арктического совета, которым обладают Великобритания, Германия, Индия, Испания, Италия, Нидерланды, Польша, Сингапур, Франция, Южная Корея и Япония. Данный статус (постоянного наблюдателя) позволяет КНР представлять свои интересы, но не дает права участвовать в голосовании. «К концу 2017 г. Китай осуществил восемь научных экспедиций в Северном Ледовитом океане и не

собирается останавливаться на достигнутом уровне изысканий. В настоящее время научные исследования в Арктике обходятся Китаю в сумму около \$60 млн ежегодно.» [18, С.899]

В настоящее время политика Китая в Арктике базируется на положениях программного документа – «Белая книга об арктической политике Китая», которая была опубликована в январе 2018 г. пресс-канцелярией Госсовета КНР. В тексте книги Китай именует себя «близкоарктическим» государством, заявляя, что процессы в Арктике напрямую влияют на климат, сельское хозяйство и другие сферы жизни страны. Так, например, глобальное потепление, происходящее в Арктике, по мнению ряда ученых, ставит под угрозу существование прибрежных городов Китая. [19] Статус «близкоарктического» государства базируется не на географической близости, а на исключительной заинтересованности в освоении коммуникационного и природного потенциала Арктики. [1] Таким самоназванием Китай приближает себя к другим неарктическим государствам, уже заявившим о наличии собственной арктической политики – Индии, Японии, Республике Корея и другим.

Белую книгу можно рассматривать как единую декларацию целей Китая в арктическом регионе. Сами же цели следует разделить на 4 основные группы:

Во-первых, магистральным направлением арктической политики Китая являются научные исследования. Это проявляется в строительстве ледокольного флота, активной подготовке экипажей судов, умеющих работать в сложных ледовой обстановке, отправке науч-

но-исследовательских экспедиций, строительстве полярных станций и двустороннем сотрудничестве с научно-исследовательскими организациями региональных игроков. Китайская сторона рассчитывает создать образ ответственного лица в Арктике за счет тиражирования научных знаний о регионе в интересах всего человечества.

Во-вторых - сохранение экосистемы Арктики. Китай не только призывает поддерживать экологический баланс в регионе, но и предпринимает правовые шаги по регламентации работы своих компаний в Арктике.

В-третьих, Китай намеревается использовать Арктику раскрывая ее природно-ресурсный потенциал, используя экономико-географическое положение для организации новых логистических маршрутов.

В-четвертых, китайская сторона заинтересована в улучшении системы управления Арктикой, однако, на важность данной цели, какие-либо официальные заявления относительно данного программного положения отсутствуют. Из текста Белой книги можно понять, что Китай, оценивая Арктику как «достояние всего человечества», стремится уравнивать права и интересы арктических и неарктических участников исключительно на базе критерия заинтересованности регионом. [1]

Взаимовыгодное сотрудничество в арктическом регионе можно отнести к ключевым интересам как Российской Федерации, так и Китайской Народной Республики. Обе стороны заинтересованы в первую очередь в разработке углеводородного потенциала Арктики. Российской стороне выгодно привлекать китайские

инвестиции для реализации собственных инфраструктурных проектов, а КНР – участвовать в совместной разработке месторождений нефти и газа, обеспечивая энергетическую безопасность страны.

Особое значение Китай стал представлять для России в арктических вопросах после введения широкомасштабных экономических санкций со стороны стран Запада в 2014 г. Еще в 2015 г. министр природных ресурсов России Сергей Донской подчеркивал, что китайские инвестиции сыграют ключевую роль в освоении арктического шельфа. Данное заявление во многом было связано с признанием зависимости от импорта оборудования для нефте- и газодобычи, так как около 68% подобных технологий импортировалось. Ожидалось, что сотрудничество с КНР поможет российской стороне ликвидировать научный и технологический существующий пробел. [12]

Материальным воплощением взаимовыгодного сотрудничества России и Китая в Арктике являются реализованные и запланированные к реализации проекты. В первую очередь, это Ямал-СПГ – крупнейший проект по производству и транспортировке газа в мире. Производственные мощности «Ямал-СПГ» были сооружены во многом благодаря участию китайского капитала. В 2014 г. 20% акций были приобретены компанией CNODC, дочерней компанией китайской нефтяной корпорации CNPC. Ещё 9,9% в том же году были выкуплены Фондом Шелкового пути, существующего для обхода существующих экономических санкций. [5] Активность китайской стороны открыла для российского газа из Заполярья путь на китайский

и другие азиатские рынки: первая партия сжиженного газа из порта Сабетта прибыла в город Наньтун (пров. Цзянсу, Восточный Китай) уже в июле 2018 г. [13]

Досрочное завершение строительства и успешность работы укрепили доверие китайских нефтегазовых компаний к российским сырьевым проектам в Арктике. Так, в рамках Второго форума высокого уровня по международному сотрудничеству «Один пояс, один путь» в апреле 2019 г., компания «Новатэк» подписала соглашение с китайскими CNODC и CNOOC о приобретении последними 20% акций второго крупного комплекса по сжижению газа «Арктик СПГ-2». [14] Таким образом, Китай стал крупнейшим инвестором проекта, что подтверждает взаимную заинтересованность сторон в освоении ресурсного потенциала Арктики.

Стратегическое взаимодействие проявляется и в сфере морских перевозок. Китайская компания-оператор сухогрузов COSCO провела первое торговое судно «Юншэн» по российскому Северному морскому пути из китайского Даяня в германский Гамбург еще в 2013 г. [6, С.54] По заявлениям российских чиновников, использование северного маршрута позволит китайским экспортерам сэкономить до 30% времени и затрат на доставку товаров в Европу. Более того, Россия, обеспечивающая ледокольное сопровождение судов и предоставляющая портовые услуги, сможет заработать на повышении потребности в маршруте. Однако, к настоящему времени по Северному морскому пути ежегодно проходит чуть более 10 судов под китайским флагом. На привлекательность маршрута влияют как неблагоприятные погодные условия, так и затраты, связан-

ные с обучением квалифицированного персонала и строительством торговых судов различного ледового класса. Тем не менее, арктический морской маршрут рассматривается как будущее всей логистической системы Китая, в связи с чем следует ожидать интенсификации навигации в ближайшие 10 лет как следствие климатических изменений в Арктике.

Тем не менее, нельзя утверждать, что российско-китайские отношения в Арктике развиваются линейно и при взаимном согласии сторон со всеми аспектами арктической политики страны-партнера. Ключевые противоречия в позициях двух стран касаются повестки международно-правового регулирования в Арктике.

Арктика – это особый регион мира, в котором международно-правовое оформление выстроено на основе нескольких международных конвенций и ряда норм договорного права. С институциональной точки зрения, легитимность участия в арктических делах определяется членством страны в Арктическом совете – важнейшем международном форуме по вопросам Арктики. Для России, как страны, имеющей протяженную береговую линию в Арктике, сохранение существующего правового порядка крайне важно.

Согласно положениям статьи 122 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., Арктика – полузамкнутый регион, состоящий из территориальных вод и исключительных экономических зон арктических государств. В соответствии с этим положением, Россия обладает суверенитетом над территориальными водами и юрисдикцией над 200-мильной исключительной экономической зоной. [8] Из числа острых

вопросов на повестке дня стоит проблема принадлежности продолжений континентальных шельфов в Северном Ледовитом океане.

Особую озабоченность России вызывает международное регулирование Северного морского пути – главной транспортной артерии в Арктике. По мнению российской стороны, освоение и эксплуатация арктического морского маршрута – прерогатива России, рассматриваемой СМП в качестве национального транспортного коридора, в результате чего регулирование судоходства по маршруту должно осуществляться исходя из норм национального, а не международного права. Позиция России находит подтверждение в нормах Международного кодекса для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярного кодекса), согласно которому прибрежные страны могут устанавливать правила и процедуры прохода иностранных судов, требующих ледокольного сопровождения. Помимо ледокольного сопровождения, неарктические участники должны признавать и уважать права и юрисдикцию арктических стран и соблюдать установленные ими правила судоходства. [11]

Как часть внутренних вод Российской Федерации рассматриваются также проливы и архипелаги вдоль СМП. В данном случае ссылка дается на раздел Конвенции 1982 г. «О покрытых льдом районах». Исходя из положений раздела, Россия как арктический игрок обеспечивает исполнение собственных законов из-за экологических и навигационных проблем, имеющих в районе пролегания арктических морских маршрутов. [8]

Россия выступает против пересмотра текущего международно-правового положения Арктики на основании договорного права. Отмечается, что существующий правовой режим – совокупность многочисленных норм права, а учитывая отличия Арктического региона от Антарктического, российская сторона не заинтересована в изменении существующего статус-кво или создании рамочного международного договора.

Первая группа противоречий связана с тем, что китайская сторона в Белой книге определяет Арктику как всемирное достояние и место, где человечество может реализовать концепцию «Сообщество единой судьбы человечества». Провозглашая принадлежность Арктики к данной концепции, Китай преследует собственные экономические интересы, а также стремится пересмотреть положения о юрисдикции стран над арктическими территориями. Чаще всего для продвижения своих взглядов относительно международно-правового порядка в северном полярном регионе Китай ссылается на концепцию «общего наследия человечества», закрепленную в Конвенции 1982 г. Однако несмотря на схожесть с названием китайской инициативы, она не имеет с последней ничего общего.

Традиционно в доктрине международного права под общим наследием человечества понимают находящиеся за пределами государственной юрисдикции пространства и ресурсы, принадлежащие международному сообществу в целом, которое определяет их правовой режим, включая правила пользования, [9, С.135.] поэтому правовое выражение концепции в Арктике может быть применено только к международному

району морского дна (МРМД) и его недрам. Стоит отметить, что данный район может быть создан только по взаимному согласию всех арктических сторон после одобрения Комиссией ООН по границам континентального шельфа и не сможет быть приватизирован какой-либо страной. [8]

Позиционируя себя в качестве конструктивного игрока в Арктике Китай, при получении статуса постоянного наблюдателя Арктического совета был обязан признать примат норм международного права в Арктике. Однако, в других регионах мира Китай пренебрегает нормами МП. Наиболее известный пример – решение спора относительно принадлежности территориальных вод Южно-Китайского моря. Еще в 2009 г. КНР заявила о суверенитете над 80% акватории ЮКМ и провела так называемую «девятипунктирную линию», зафиксировавшую границу. Позднее, в 2016 г. Китай не признал решения Гаагского суда о предоставлении прав на акваторию ЮКМ другим странам Юго-восточной Азии. [7] Это создает определенную почву для сомнений восьми арктических государств в искренности намерений китайской стороны в регионе и опасений относительно будущего размывания суверенитета в Арктике.

Вторая группа противоречий касается подходов к развитию арктических морских маршрутов и связана с тем, что КНР выступает за свободу судоходства и предоставление прав на использование морских арктических маршрутов всем заинтересованным сторонам. Как отмечалось ранее, СМП рассматривается Россией как национальная транспортная артерия, и российская сторона намерена развивать его в рамках собственных проектов. Согласно Военной доктрине Российской Федерации от 2014 г., военно-морской флот страны должен обеспе-

чить защиту и продвижение морских интересов России в Арктике. В число интересов входит и стратегическое использование Северного морского пути. [7]

Со своей стороны Китай выступил с инициативой «Ледовый шелковый путь». «Ледовый шелковый путь» - одно из ответвлений глобальной инициативы «Один пояс, один путь» в Арктике, включающее в себя три маршрута: российский Северный морской путь, канадский Северо-западный проход и Центральный арктический маршрут. Впервые предложение о его создании прозвучало в мае 2017 г. по итогам встречи министров иностранных дел России и Китая. КНР заявляет о взаимной выгоде и общем выигрыше, которые принесет инициатива заинтересованным сторонам, и в особенности имеющей свои арктические интересы России. Противоречия же кроются в национальном и наднациональном регулировании инициативы и маршрутов «Пути».

По замыслу авторов Белой книги, маршруты «Ледового шелкового пути» должны находиться в совместном пользовании арктических государств. В случае реализации «Пути» станет примером взаимовыгодного сотрудничества и дополнением к глобальной инфраструктурной инициативе. Китай стремится заручиться поддержкой всех заинтересованных в строительстве «Ледового шелкового пути» стран, а также продвигать инициативу через своих партнеров в регионе – Исландию и Данию (особенно, ее административную единицу Гренландию), которые, нуждаясь в инвестициях в области добычи полезных ископаемых, поддержали усиление роли КНР в Арктике.

Говоря об Исландии необходимо отметить, что «во время кризиса 2008-2009 гг., связанного с крахом трех главных банков этого островного государства, Китай предоставил Исландии валютные свопы на сумму € 406 млн., а в 2012 г. выделил несколько крупных займов на выгодных условиях для поддержания банковской системы. Более того, Китай подписал с Исландией соглашение о сотрудничестве в Арктике и соглашение о свободной торговле, которое вступило в силу в 2014 г.

Между китайскими и исландскими компаниями были заключены контракты по исследованию запасов нефти на юго-восточном побережье страны и в Норвежском море. Именно в обмен на китайские инвестиции в экономику Исландии, последняя превратилась в ключевого лоббиста интересов Китая в Арктическом совете.» [18, С.900]

Что касается Гренландии, ее основным вектором развития является «создание конкурентоспособного горнодобывающего сектора, который смог бы активизировать экономику острова и повысить занятость населения, в связи с этим количество выданных поисковых и геологоразведочных лицензий, а также лицензий на добычу полезных ископаемых неуклонно возрастает. Именно китайская горнодобывающая корпорация Sichan Xinue стала инвестором международного проекта по добыче железной руды в гренландской Исуа. Копенгаген надеется на дальнейшее уменьшение ледяного покрова островной автономной территории, что позволит добывать больше редких металлов, главным покупателем которых является КНР.» [18, С.900]

Несмотря на декларируемый взаимовыгодный характер и обязательство Китая проводить суда и развивать инфраструктуру в Арктике в соответствии с нормами национального и международного права, в вопросе строительства «Ледового шелкового пути» наблюдается китаецентричный подход к «взаимной выгоде». Например, это проявляется в продвижении позиции российской стороны как согласной с развитием китайской инициативы. Если обратиться к Совместному заявлению КНР и РФ о развитии всестороннего стратегического сотрудничества и партнерства в новую эпоху, сделанному 6 июня 2018 г., можно заметить согласие и взаимную убежденность стран в необходимости совместного освоения арктических морских маршрутов. Однако в заявлении «Ледовый шелковый путь» не упоминается вовсе. [15]

В сентябре 2018 г., уже после публикации Белой книги, информационное агентство «Синьхуа» опубликовало новостную заметку следующего содержания: сотрудничество России и Китая в рамках «Ледового шелкового пути» сделает возможным не только логистическое использование Арктики, но и станет фактором укрепления китайского Северо-востока и российского Дальнего Востока.

В подобных подходах наблюдается перекос в определении роли российского Северного морского пути как самостоятельного проекта. В большинстве аналитических и новостных материалов «дверью» для китайских товаров в Европу называется Северная Европа, а не порты России. [2] Это может свидетельствовать о низкой заинтересованности китайской стороны в развитии арктической инфраструктуры

России и сосредоточении усилий на освоении запасов углеводородного сырья.

Как уже отмечалось, российские официальные лица не выступают с прямой поддержкой инициативы «Ледовый шелковый путь». Эта особенность не помешала ИА «Синьхуа» опубликовать интервью Председателя ВЭБ.РФ И.И. Шувалова, в котором он выразил согласие российской стороны в развитии китайской инициативы. [4] Однако подобные заявления не подтверждались заявлениями других российских чиновников и самим Игорем Шуваловым в других СМИ, что говорит о неверной интерпретации Китаем российских интересов в Арктике.

Если российская сторона рассчитывает сохранить статус-кво в вопросе суверенитета над морскими путями в Арктике, то интересы Китая сопряжены с заменой национальных инициатив собственной. Для этого от арктических участников требуется уважать интересы Китая, а наилучшим сценарием видится подписание двусторонних соглашений о том, что арктические государства признают инициативу «Ледовый шелковый путь» как основу развития арктической инфраструктуры.

Сотрудничество России и Китая в Арктике носит неизбежный и исторически обусловленный характер. На данном этапе Китай, желающий обеспечить собственную энергетическую безопасность и снизить себестоимость доставки товаров в развитые страны Европы, будет активнее участвовать в арктических делах. Это проявляется в позиционировании себя «близкоарктической страной» и страной, обладающей утвержденной арктической политикой. В это же время Российская Федерация, вероят-

нее всего, примет долгосрочную стратегию развития арктических территорий на ближайшее десятилетие, в которой закрепит незыблемость суверенитета и исключительного права на распоряжение ресурсами морей и недр Северного Ледовитого океана в пределах собственной исключительной экономической зоны. Если на текущей стадии развития отношений России и Китая в Арктике противоречия двух стран не проявляются отчетливо, то через десятилетие в этом отношении возможен сдвиг. К 2030 г., когда большая часть Арктики будет свободна ото льдов в летнее время, положения конвенций, обеспечивающих защиту прав и интересов восьми приарктических стран, подвергнутся эрозии со стороны неарктических участников, будут предприниматься попытки их трактовки в сторону расширения прав нерегиональных игроков. Вероятнее всего, Китай будет стремиться играть на противоречиях приарктических государств и, заручившись поддержкой неарктических акторов для аккумуляции их интересов и выражения согласованной позиции в Арктическом совете, выступит с инициативой по реформированию организации или получения более выгодных условий для дальнейшей деятельности в регионе. В случае появления подобных попыток, Российской Федерации придется отстаивать свои законные права в Арктике и ограждать третьи стороны, в том числе и Китай, от чрезмерного расширения присутствия в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая книга об арктической политике Китая. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – 2018. - [Электронное издание] - режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1618203/1618203.htm> (дата обращения 22.04.2020)
2. «Биншан сылу» кайпи юаньнун хэцзо синьцзией («Ледовый шёлковый путь» открывает новые возможности сотрудничества на Дальнем Востоке). - [Электронное издание] - режим доступа: http://www.xinhuanet.com/world/2018-09/10/c_1123407263.htm (дата обращения 22.04.2020)
3. Ван Ц. Современная внешнеполитическая стратегия Китая в Арктике // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3 (227). С. 52-56.
4. ВЭБ.РФ готовит сделки по развитию инфраструктуры «Ледового Шёлкового пути». - [Электронное издание] - режим доступа: http://russian.news.cn/2019-09/17/c_138396583.htm (дата обращения 22.04.2020)
5. Газовое сияние: как «Новатэк» построил завод на краю земли. - [Электронное издание] - режим доступа: <https://www.forbes.ru/milliardery/370603-gazovoe-siyanie-kak-novatek-postroil-zavod-na-krayu-zemli> (дата обращения 22.04.2020)
6. Гао Т. Российско-китайское сотрудничество по созданию Арктического синего экономического коридора: проблемы и перспективы //Общество: политика, экономика, право. 2018. № 3. - С. 51-55.
7. Гудев П.А. Арктические недоразумения - [Электронное издание] – режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/arkticheskie-nedorazumeniya/>. (дата обращения 22.04.2020)
8. Конвенция ООН по морскому праву. 1982. - [Электронное издание] - режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea.pdf (дата обращения 22.04.2020)
9. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. /Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 544 с.
10. Малышева М. Запасы, которые трудно извлечь. - [Электронное издание] - режим доступа: https://www.gazeta.ru/science/2012/05/26_a_4602393.shtml (дата обращения 22.04.2020)
11. Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс). 2014. - [Электронное издание] - режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420376046> (дата обращения 22.04.2020)
12. Китай будет инвестировать в российскую Арктику. - [Электронное издание] - режим доступа: <https://rg.ru/2015/11/19/arktika-site.html> (дата обращения 22.04.2020)
13. «Новатэк» запускает вторую очередь

- «Ямала СПГ». - [Электронное издание] - режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/08/08/777708-novatek> (дата обращения 22.04.2020)
14. НОВАТЭК позвал китайцев на завод. - [Электронное издание] - режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/04/26/5cc19b4b9a794744f3d7b676> (дата обращения 22.04.2020)
15. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всестороннего стратегического сотрудничества и партнёрства в новую эпоху (Полный текст). - [Электронное издание] - режим доступа: http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/06/c_1124588552.htm (дата обращения 22.04.2020)
16. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. - [Электронное издание] - режим доступа: <http://government.ru/info/18360/> (дата обращения 22.04.2020)
17. Эпштейн В.А. Холодный шелковый путь: аргументы РФ. // Сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс – один путь»: материалы Международной научной конференции. Томск, 27–28 ноября 2017 г. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – С.116-120.
18. Эпштейн В.А., Тахаева А.Р. Арктические интересы Китайской Народной Республики. // РОССИЯ И КИТАЙ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА: материалы VIII международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21-28 мая 2018 г.). Выпуск 8 / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. – С. 898-904.
19. Kopra S. Climate Change and China's Rise to Great Power Status: Implications for the Global Arctic. / Ed. by Finger M., Heininen L. The Global Arctic Handbook. - Springer, Cham, 2019 – P. 136-137.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Epshteyn Vitaly Anatolievich, Ph.D. in Sociology, Associate Professor

International Relations department,

Institute of Business Studies (IBS-Moscow),

Russian presidential academy of national economy and public administration (RANEPА, Moscow)

E-mail: epshteinv@gmail.com

Dagaev Andrei Romanovich,

Graduate of the Faculty of International Relations (Focus: political and economic development of the countries of the East)

Institute of Business Studies (IBS-Moscow), International Relations department

Russian presidential academy of national economy and public administration (RANEPА, Moscow)

E-mail: dagaevand97@gmail.com

Принята к публикации: 01.08.2020

Submission Date: 05.08.2020

**РЕЦЕНЗИЯ: ВАЛЕЕВ Р. М. ОРИЕНТАЛИСТИКА В КАЗАНСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ (1807 – 1920-Е ГГ. XX В.).**

**REVIEW: VALEEV R. ORIENTAL STUDIES
IN KAZAN UNIVERSITY (1807-1920S).**

Мартынов Дмитрий Евгеньевич,

д.и.н., профессор

Российская Федерация, г. Казань, ИМО КФУ

dmitrymartynov80@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Мартынов Д.Е. Рецензия: Валеев Р.М. Ориенталистика в Казанском университете (1807 - 1920-е гг. XX.). Современные востоковедческие исследования. 2020; 2 (4): 99-108

FOR CITATION:

Martynov D.E. Review: Valeev R.M. Oriental Studies in Kazan University (1807 - 1920s XX.). Modern Oriental Studies. 2020; 2 (4): 99-108

Имя Р.М. Валеева не нуждается в представлении в среде специалистов, особенно по академическому и архивному востоковедению, научному наследию О.М. Ковалевского, В.П. Васильева, И.Н. Березина, Н.Ф. Катанова, А.К. Казем-Бека. Начав активно публиковаться в первой половине 1990-х гг. (первая монография была основана на материалах кандидатской диссертации, посвященной Г.С. Саблукову) [1], Рамиль Миргасимович при подготовке докторской диссертации «Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.)» поднял практически все существующие по этой тематике архивные фонды [2, с. 269–299]. Подготовленная им в 1998 г. обобщающая монография [2] мгновенно стала библиографиче-

ской редкостью. Достаточно сказать, что автор этих строк так и не имеет её в составе личной библиотеки. Благодаря поддержке института «Открытое общество» в рамках мегапроекта «Развитие образования в России» Р.М. Валеевым в 2003 г. были выпущены в качестве учебного пособия «Очерки истории казанского университетского востоковедения» [3]. Ныне настал этап обобщения комплексной научной программы и огромного источникового корпуса, который разрабатывался без малого треть века.

Прежде чем перейти к рассмотрению и анализу содержательной части монографии, придётся затронуть два фундаментальных вопроса. Первый из них касается публикации монографии в издательстве LAP Lambert Academic

Publishing RU (принадлежащем группе VDM Publishing, базирующейся в Саарбрюкене)¹. Данное издательство специализируется на работе с авторами из России и стран бывшего СССР (две издательские палаты его имеются в Латвии и Молдове), получив, в известной степени, двусмысленную репутацию. Негативный взгляд, преимущественно, исходит с позиций западноориентированной и сильно брендированной наукометрии, и нередко основным объектом критики является система *print on demand*, которая делает невозможным учёт административно навязываемых индикаторов эффективности научной работы. Равным образом, ряд подразделений группы VDM Publishing специализируются на печатном воспроизведении текстов из электронной энциклопедии «Википедия», методы наполнения которой, как известно, отличаются своеобразием. С другой стороны, памятуя о многолетнем «зажиме» научного книгоиздания на русском языке, когда самим же учёным приходится оплачивать публикацию произведенного ими продукта, когда монографии (репрезентирующие гуманитарную науку как таковую) вообще не учитываются в наукометрических индикаторах, бесплатная печать объёмных текстов (например, издание диссертаций) является истинным спасением. Лично нам – как специалисту по интеллектуальной истории – доводилось пользоваться самыми разнообразными изданиями LAP Lambert Publishing, например, трилогией А.В. Овлащенко² по вопросу освещения открытия

Антарктиды в российской и советской историографии [4][5][6]. Равным образом, это издательство опубликовало диссертацию Д. Литошенко «Эволюция университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв.» [7]. Разумеется, если в каталоге заявлены 200 000 заглавий разнообразной литературы, сугубо статистически возможны любые aberrации, как с точки зрения формы, так и содержания. Однако полагаться единственно на бренд при оценке научных публикаций, не учитывая контекста, совершенно недопустимо.

Переходя ко второму из фундаментальных вопросов – методологии, хотелось бы коротко упомянуть о биографическом методе и его специфике. Собственно, мы уже имели возможность заявить о применении биографического метода в основополагающем труде Н.А. Мазитовой [8, с. 246–247]. В широком смысле современная историческая биография – это «история, показанная через личность» [9, с. 288]. Естественно, что основное внимание в современной биографике точно так же, как и всегда, уделяется анализу персональных текстов, но в контексте специфической – коллективной – историографии. И если основным объектом персональной истории являются персональные тексты, а предметом – история одной жизни во всей её уникальности и полноте, то несколько сложнее подход к биографии целых научных учреждений и направлений. Собственно, персональная история не исключает коллективизма,

¹Каталожная запись: URL: <https://www.lap-publishing.com/catalog/details/store/gb/book/978-613-9-46285-8/ориенталистика-в-казанском-университете-1807---20-е-гг-хх-в?locale=ru>

²Кандидат юридических наук, доцент Балтийской международной академии (Рига, Латвия). См.: URL: <http://scipeople.ru/users/9645805/>

поскольку индивид выступает как субъект деятельности и объект контроля со стороны семейно-родственной среды, разнообразных неформальных и формальных сообществ, в которые личность включена с начала своей социализации. В этом плане весьма конструктивна для исследователей классификация Д. Уокера, который выделил следующие разновидности: 1) биография личности; 2) профессиональная биография; 3) библиографическая биография (она ближе всего к классическому источниковедческому исследованию, включая анализ обстоятельств создания научных трудов, их техники и методологии, понятийного аппарата, и т. д.) и 4) ситуационная биография (анализ событий и условий социально-экономической и политической жизни общества и эпохи, в которой жил ученый) [9, с. 301–306]. Во всей совокупности – при наличии адекватной источниковой базы, можно получить коллективную биографию – целого научного сообщества, взятого по разнообразным основаниям – как географическим, так и хронологическим.

Текст монографии предваряется предисловием патриарха казанской исторической науки – академика И.Р. Тагирова, которое завершается констатацией этапности представленной монографии в историографии и источниковедении истории востоковедения в Казанском университете (с. 9).

В композиционном отношении монография «Ориенталистика в Казанском университете» состоит из шести глав, введения и заключения, а также списка источников. В этом последнем перечисляются архивные фонды Государ-

ственного архива Республики Татарстан (ГАРТ), Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского университета, Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Отдела редких рукописей и книг Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), архива Русского географического общества. Даже это перечисление показывает масштабы архивных изысканий, которые были проведены после 1990-х гг. и представлены в многочисленных публикациях автора, число которых достигло полутысячи. В издании 2019 г. собственно библиографические ссылки и примечания вынесены в конец каждой структурной единицы.

Первая глава своим названием сразу заявляет приверженность автора классической научной парадигме, поскольку содержит два ключевых понятия – «востоковедение» и «ориенталистика». В этом плане ключевой является формула В.В. Бартольда «сосед Востока, Россия, всегда хорошо его знала и понимала» (с. 62). С подачи Э. Саида, в современном западном востоковедении понятия стали противопоставляться друг другу, зачастую – оба – приобретая набор негативных коннотаций. В этом контексте мы сразу же отсылаем читателя к статье Л.Б. Алаева [10]. Несмотря на попытки интродукции, возобладала идея, что «Россия никогда не была в полном смысле колониальной державой, что в Российской империи все нации и конфессии мирно уживались...» [10, с. 24].

То есть концепция Э. Саида была «не про нас» [там же]. Существенно и то, что в сформированном позитивизмом общественном сознании Запада идеологическая ангажированность воспринимается как нечто чрезвычайно негативное, тогда как в Советском Союзе (да и в нынешней России) ею гордились. Учёные-гуманитарии не просто работали «в поле» или в тиши кабинетов, но и находились при этом «на переднем крае идеологической борьбы» [10, с. 25]. Не забудем, что и сама концепция Э. Саида являлась по своей сути постмодернистской, едва ли не гранича с симулякром: в «Ориентализме» прямо заявлено, что автор не собирается рассуждать на тему, существует ли «реальный или подлинный Восток»; взамен следовало описание системы идей [10, с. 25–26].

Неудивительно, что Р.М. Валеев, прямо не входя в проблемное поле политически мотивированных споров, всю первую главу монографии посвятил фундаментальным парадигмальным основаниям. Первый параграф «Природа и структура отечественного востоковедения» построен в строгом соответствии историческому методу, отчасти, отсылая к немецкой культурно-исторической школе. Констатируется, что «ключевые составляющие *Spiritus movens*» классического отечественного востоковедения окончательно кристаллизовались на рубеже XIX – XX вв., а выразителем данного процесса служит личность и судьба В.В. Бартольда (с. 24). Всё содержание этого параграфа посвящено историческому контексту возникновения русского понятия «востоковедение» в контексте развития науки и общества; равным образом,

констатируется, что востоковедение является и одной из форм общественного познания и обозначаются перспективы его исследования (с. 25). Следующий параграф закономерно посвящён историографии и источниковедению отечественного востоковедения. На с. 50 приведена авторская периодизация истории развития востоковедения как составной части российской науки, и обоснована необходимость дальнейших изысканий в этой области (с. 51). Примечательно, что точкой отсчёта развития научной востоковедческой историографии в России признаётся публикация в 1822 г. О. Сенковским статьи «Об изучении арабского языка» (с. 53). На с. 59 приведена и четверичная классификация научных биографий, которая, однако, не следует типологии Д. Уокера.

Вторая глава монографии Р.М. Валеева целиком посвящена историографии и источниковедению специально казанского востоковедения. Здесь высокую заслуженную оценку получили труды всех предшественников автора, начиная от университетского библиотекаря К.К. Фойгта, так и М.К. Корбута, А.С. Шофмана, Г.Ф. Шамова, С.М. Михайловой, Н.А. Мазитовой, и некоторых других. Равным образом, Р.М. Валеевым была предложена собственная периодизация истории казанского центра востоковедения, вписанная в генеральную картину развития востоковедческих штудий в Российской империи, СССР и современной России. Отдельный очерк посвящён роли О.М. Ковалевского в описании и развитии казанского Восточного разряда, связанной, в том числе с занимаемой им в 1855 – 1862 гг. позицией ректора (с. 75–78).

Изложение истории казанских центров востоковедения охватывается третьей главой, которая по хронологии касается событий 1769 – 1855 гг., т.е. от основания класса татарского языка в Казанской губернской гимназии и до прекращения преподавания восточных языков в университете и переезде Восточного разряда в Санкт-Петербург. Со ссылкой на А.Н. Кононова, начало преподавания татарского языка в гимназии связывается и с началом научной тюркологии, которая открыла принципиально новый этап во всех отечественных востоковедческих штудиях (с. 92). Первый параграф целиком посвящён преподаванию восточных языков и подготовки специалистов в Первой Казанской гимназии. Как обычно, происходящие события вписаны в общий контекст развития образования и науки в Российской империи, и динамику развития просвещения в провинции XVIII – XIX вв. Особый акцент сделан на деятельности династии татарских просветителей Хальфиных, причем широко используется переписка И. Хальфина с академиком Х. Френом (с. 93 – 95). Привлечены также списки 296 воспитанников гимназии – всех, кто с 1800 по 1841 гг. изучали разнообразные восточные языки (с. 108).

Второй параграф третьей главы, соответственно, посвящен Разряду восточной словесности Казанского университета, и структурно основан на авторской периодизации. В частности, период 1804 – 1827 гг. рассматривается отдельно как начальный этап институционализации. Здесь невозможно пройти мимо Х.Д. Френа – будущего академика и основателя Азиатского музея Императорской Академии наук,

чьё становление как востоковеда началось именно в Казани (с. 122), и его выдающегося ученика Я.О. Ярцова (с. 124–125). Отдельно – и весьма обстоятельно – расписаны все институционные реформы, начатые М.П. Мусиным-Пушкиным, после занятия им должности попечителя Казанского учебного округа, и составившие новый этап развития казанского востоковедения. Особенно интересны подробности в сравнительном аспекте, например, с опытом европейской синологии, и, прежде всего, французской и британской (с. 133–135). Нашлось место и для анализа становления миссионерского востоковедения в стенах Духовной академии (с. 141 – 146). Напротив, период после перевода Мусина-Пушкина в Петербург и заката карьеры Н.И. Лобачевского в 1846 – 1855 гг. прямо именуется автором «трагическим» (с. 146), хотя прекращение преподавания восточных языков в Казани признаётся объективно связанным с геополитическими реалиями Российской империи середины XIX в. (с. 149).

Третий параграф третьей главы отдельно посвящён изучению арабо-мусульманского Востока, с которым Казань была исторически связана с момента своего основания. Ключевым учёным в этом направлении был А.К. Казем-Бек, однако на его фоне не затерялись Ф.И. Эрдман и И.Н. Березин. Примечательна и оценка воздействия О.И. Сенковского на казанских ориенталистов (с. 175 – 176). Четвёртый параграф ключевой третьей главы посвящён комплексной оценке прочих направлений востоковедения, существовавших в Казани. Прежде всего, это монголоведение, китаеведение

и индология, представленное всемирно известными именами О.М. Ковалевского, В.П. Васильева, П.Я. Петрова, и менее известных, но не менее значимых: архимандрита Даниила (Сивиллова), П.Я. Петрова, и иных. Если рассматривать историю казанского Восточного разряда как музыкальную партитуру, она обрывается на трагической ноте, которой в событийном ряду соответствует прошение попечителя В.П. Молодцова в Министерство народного просвещения о сохранении преподавания санскрита хотя бы для нужд филологов-классиков (с. 201).

Четвёртая глава монографии Р.М. Валеева охватывает обширный период второй половины XIX в., связанный с разнообразными проектами возрождения востоковедного знания в стенах университета. Тем не менее, последовательное применение историко-генетического метода и нежелательность тематического «распыления», побудило автора упомянуть в этой главе последовательно все проекты, от инициативы МИДа и Министерства народного просвещения 1806 г. о развитии востоковедческого образования в рамках Казанского учебного округа вообще (с. 207). Не меньшим открытием для читателя сможет явиться и то, что инициатором создания в Казани «Восточного института» был печально известный попечитель М.Л. Магницкий, хотя работоспособный «План Восточного института» был разработан профессором Ф.И. Эрדманом по приказу нового попечителя М.Н. Мусина-Пушкина (с. 210 – 211). Развитием данного проекта был «Устав Азиатского института» 1843 г. Анализ данного

– нереализованного – документа как нельзя лучше иллюстрирует правильность избранного автором расположения материала, ибо реальный вклад и возможности предложенных «Уставом» персоналий (с. 213 – 215) отлично охарактеризован в предыдущей главе. Нашлось место и для проекта Н.Ф. Катанова, связанного с изменением устава университета 1905 г. (с. 217 – 218). Как обычно, нереализованный казанский проект сопоставляется с инициативами, реально осуществлёнными в начале XX в. во Владивостоке и Ташкенте (с. 216 – 218). Хронологически всё доведено до конца 1920-х гг., поскольку и в первое десятилетие после установления Советской власти, в востоковедении продолжали активно работать учёные предыдущего поколения.

В пятой главе специально рассматривается ситуация в Казанском университете от прекращения преподавания восточных языков и до революции 1917 г. Весьма интересные материалы приведены по деятельности О.М. Ковалевского, оставшегося ректором, и предпринявшим почти безнадежную попытку «поднять» университет после переезда Восточного разряда (с. 228). На большом фактическом и архивном материале убедительно доказана правота тезиса С.М. Михайловой, что потрясения 1850-х гг. замедлили развитие казанского востоковедения, но не могли остановить его (с. 227–229). Очень колоритной и, отчасти, трагической фигурой данного периода, бесспорно, являлся Н.И. Ильминский. Равным образом, от забвения спасен и И.Н. Холмогоров, чья научная командировка ставится на один уровень с ученым путешествием на Ближний Восток И.Н. Березина (с. 231).

Отдельный большой сюжет составляет биография кафедры финно-угроведения, которая в 1905 – 1917 гг. оставалась вакантной. С судьбой этой кафедры оказалась тесно переплетена и научная и житейская биография Н.Ф. Катанова (с. 246–247). Самым известным учеником Катанова являлся С.Е. Малов, который сыграл не последнюю роль в возрождении академической тюркологии в университете (с. 248).

Отдельный – второй – параграф пятой главы монографии посвящён востоковедным обществам Казани. Парадоксально, но создание первого в университете «Восточного общества» в 1855 г., напрямую коррелировало с прерыванием традиции Восточного разряда (с. 257–259). Примечательно, что основатели востоковедческого кружка – И.Ф. Готвальд, Н.И. Ильминский – стояли и у истоков «Общества археологии, истории и этнографии», которое само по себе являлось уникальным институтом, составившим эпоху в российской университетской науке и интеграции «инородческих» интеллектуальных элит (с. 260).

Финальная – шестая – глава, посвящена развитию востоковедных структур Казани после 1917 г. и до окончательного их разгрома в конце 1920-х гг. Авторской удачей мы считаем убедительную демонстрацию переходных процессов в советской науке, осуществлённую в первом параграфе шестой главы. С одной стороны, в 1920-е гг. активно работали представители дореволюционной классической востоковедной школы, с другой, этно-национальная по определению востоковедческая наука в условиях СССР превратилась (в том числе и под поли-

тическим давлением) в механизм формирования новых идентичностей и политических структур – национальных республик (с. 266). Изложение ведётся в масштабах всего СССР, что обеспечивает достаточную масштабную шкалу. Второй параграф шестой главы специально посвящён Научному обществу татароведения, существовавшему в 1923 – 1929 гг.

В «Заключении» представлен, фактически, синопсис объёмной монографии, в котором можно еще раз проследить все содержательные блоки. Книга Р.М. Валеева «Ориенталистика в Казанском университете (1807 – 20-е гг. XX в.)», несомненно, привлечет как специалиста в области истории науки и образования, так и начинающих исследователей, которые еще только отыскивают свой путь на необозримом поле востоковедения.

Рецензируемая монография не претендует на то, чтобы полностью перекрыть всё исследуемое проблемное поле. Напротив, в заключение работы автором явно указаны перспективы дальнейших изысканий, в том числе носящих проблемно-теоретический характер. Преодоление постмодернистской парадигмы и существенные социально-политические изменения, происходящие на наших глазах, явно потребуют изменения отношения к понятию ориентализма (в этом плане весьма перспективные тенденции наблюдаются в европейской науке). Монография Р.М. Валеева является частью ряда крупных научных проектов, поддержанных Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). Таков завершённый проект РФФИ № 17-01-00209-ОГН

«Научное наследие российских востоковедов XIX века: О.М. Ковалевский и В.П. Васильев» (руководитель И.В. Кульганек, Институт восточных рукописей РАН), по результатам которого уже подготовлены к изданию две объёмные монографии. Кроме того, Р.М. Валеев является руководителем и участником поддержанных и осуществляющихся в настоящее время проектов РФФИ: № 18-09-00331 «Эпистолярное наследие российских востоковедов на рубеже веков: Переписка А.Е. Крымского, В.Р. Розена, Ф.Е. Корша, В.А. Жуковского, С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, Н.А. Медникова, П.К. Коковцова, В.Ф. Минорского (1890–1930-е гг.)» и № 20-09-00385 «Российское востоковедение и вклад ученых-ориенталистов немецкого происхождения: Казань – Санкт-Петербург (XVIII–XIX вв.)». Ранее, в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 15-01-16021 были изданы письма А.К. Казембека академику Х.Д. Френу, отправленные в период 1831–1846 гг. [11] (рецензию см.: [12]). Живая пульсация научного поиска не подвластна конъюнктуре.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Валеев Р.М. Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. – Казань: Kazan, 1993. – 104 с. ISBN 5-85903-007-X
2. Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). – Казань: Издательство Казанского университета, 1998. – 380 с. ISBN 5-7464-1278-3
3. Валеев Р.М. Очерки истории казанского университетского востоковедения (1769 – 1920-е гг.): учеб. пособие. – Казань: Алма-Лит, 2003. – 144 с. ISBN 5-98245-003-0
4. Овлащенко А. Материк льда. Первая русская антарктическая экспедиция и её отражение в советской историографии (1920-е–1940-е годы). – Palmarium Academic Publishing, 2013. – 316 с. ISBN 978-3-659-98556-0
5. Овлащенко А. Антарктический рубикон. Тема открытия Антарктиды в советских источниках начала 50-х годов. – Palmarium Academic Publishing, 2014. – 520 с. ISBN 978-3-639-88611-5
6. Овлащенко А. Антарктический ренессанс. Проведение первых Комплексных антарктических экспедиций и проблема открытия Антарктиды (1955 – 1960 гг.). – Palmarium Academic Publishing, 2016. – 620 с. ISBN 978-3-659-60422-5
7. Литошенко Д. А. Эволюция университетского образования в Европе XVI–конца XVIII веков. Университетский опыт европейской образовательной метатрадиции на заре Нового времени. – Lap Lambert Academic Publishing, 2012. – 374 с. ISBN 978-3-659-27466-4
8. Мартынов Д.Е. Назифа Арифовна Мазитова и «Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском Университете» // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: В 2 т. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мяков, Е.А. Чиглинцев. – Казань: Издательство Казанского Университета, 2020 – Т. 1. – С. 244–247. ISBN 978-5-00130-261-2

9. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с. ISBN 978-5-7396-0203-9
10. Алаев Л.Б. Ориенталистика и ориентализм. Почему книга Эдварда Саида не имела успеха в России // Ориентализм vs Ориенталистика: Сб. ст. – М.: ИВ РАН, 2016. – С. 16–26.
11. Эпистолярное наследие российских востоковедов: письма Мирзы А.К. Казем-Бека академику Х.Д. Френу (1831 – 1846 гг.) / отв. ред. Валеев Р.М.; вступ. ст. И.Ф. Поповой, И.В. Тункиной, предисл. Н.Н. Дьякова. – Казань: Арטיפакт, 2015. – 213 с. ISBN 978-5-905089-26-8
12. Илюшина М.Ю. Рецензия на книгу «Эпистолярное наследие российских востоковедов: письма мирзы А.К. Казем-Бека академику Х.Д. Френу (1831-1846) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – №4. – С. 174 – 175.
3. Valeev R.M. (2003) Ocherki istorii kazanskogo universitetskogo vostokovedeniya (1769 – 1920-ye gg.): ucheb. posobiye [Essays on the history of Kazan University Oriental Studies (1769 to 1920s): A textbook]. Kazan, Alma-Lit Publ. 144 pp.
4. Ovlashchenko A. (2013) Materik l'da. Pervaya russkaya antarkticheskaya ekspeditsiya i yeyo otrazheniye v sovetskoy istoriografii (1920-ye–1940-ye gody) [The continent of ice. The first Russian Antarctic expedition and its reflection in Soviet historiography (1920s – 1940s)]. Palmarium Academic Publishing. 316 pp.
5. Ovlashchenko A. (2014) Antarkticheskii rubikon. Tema otkrytiya Antarktidy v sovetskikh istochnikakh nachala 50-kh godov [Antarctic Rubicon. The theme of the discovery of Antarctica in Soviet sources of the early 1950s]. Palmarium Academic Publishing. 520 pp.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Valeev R.M. (1993) Iz istorii kazanskogo vostokovedeniya serediny – vtoraya polovina XIX v.: Gordiy Semenovich Sablukov – tyurkolog i islamoved [From the history of Kazan oriental studies in the middle and the second half of the 19th century: Gordiy Semenovich Sablukov as Turkologist and Islamic scholar]. Kazan Publ. 104 pp.
2. Valeev R.M. (1998) Kazanskoye vostokovedeniye: istoki i razvitiye (XIX v. – 20-ye gg. XX v.) [Kazan Oriental Studies: Its origins and development (19th century to 1920s)]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. 380 pp.
6. Ovlashchenko A. (2016) Antarkticheskii renessans. Provedeniye pervykh kompleksnykh antarkticheskikh ekspeditsiy i problema otkrytiya Antarktidy (1955 – 1960 gg.) [Antarctic Renaissance. Conducting the first Complex Antarctic expeditions and the problem of the discovery of Antarctica (1955 – 1960)]. Palmarium Academic Publishing. 620 pp.
7. Litoshenko D. A. (2012) Evolyutsiya universitetskogo obrazovaniya v Yevrope XVI–kontsa XVIII vekov. Universitetskiy opyt yevrop-

- eyskoy obrazovatel'noy metatraditsii na zare Novogo vremeni [The evolution of university education in Europe of the 16th to the end of the 18th centuries. University experience of European educational metatradition at the dawn of the Modern Times]. Lap Lambert Academic Publishing. 374 pp.
8. Martynov D.Ye. (2020) Nazifa Arifovna Mazitova i «Izucheniye Blizhnego i Srednego Vostoka v Kazanskom Universitete» [Nazifa Arifovna Mazitova and “The Study of the Near and Middle East at Kazan University”]. In: Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka: sbornik statyey i soobshcheniy: V 2 t.; Sost. i otv. red. G.P. Myagkov, Ye.A. Chiglintsev [General History and Historical Science in the 20th – early 21st Centuries: a collection of articles in 2 vols. Ed. by G.P. Myagkov, E.A. Chiglintsev]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo Universiteta. Vol. 1. Pp. 244–247.
 9. Repina L. P. (2011) Istoricheskaya nauka na rubezhe XX-XXI vv.: sotsial'nyye teorii i istoriograficheskaya praktika [Historical science at the turn of the 20-21st centuries: social theories and historiographic practice]. Moscow, Krug Publ. 560 pp.
 10. Alaev L.B. (2016) Oriyentalistika i oriyentalizm. Pochemu kniga Edvarda Saida ne imela uspekha v Rossii [Why Edward Said' book were not successful in Russia?] In Orientalism vs. Orientalistica: Collected Papers. Moscow, Russian Federation, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Pp. 16–26 (in Russian)
 11. Kazem-Bek A. (2015) Epistol'yarnoye naslediyе rossiyskikh vostokovedov: pis'ma Mirzy A.K. Kazem-Beka akademiku Kh.D. Frenu (1831 – 1846 gg.) [The Epistolary Corpus of Russian Orientalists: Letters by Mirza Alexander Kazem-Bek to Academician Kh.D. Fren (1831 – 1846)]. Ed. by R.M. Valeev; Introduction by I.F. Popova, I.V. Tunkina, foreword by N.N. Dyakov. Kazan, Artifact Publ. 213 pp.
 12. Ilyushina M.Yu. (2016) Retsenziya na knigu «Epistol'yarnoye naslediyе rossiyskikh vostokovedov: pis'ma mirzy A.K. Kazem-Beka akademiku KH.D. Frenu (1831-1846) [Book review “The Epistolary Corpus of Russian Orientalists: Letters by Mirza Alexander Kazem-Bek to Academician Kh.D. Fren (1831 – 1846)”] // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts, No 4, pp. 174 – 175.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Full Professor, Dr.Sci. **Dmitry Martynov**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

dmitrymartynov80@mail.ru

Принята к публикации: 01.08.2020

Submission Date: 05.08.2020

**РЕЦЕНЗИЯ: БИОГРАФИЯ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
ВОСТОКОВЕДА О.М. КОВАЛЕВСКОГО**

*(по материалам архивов и рукописных фондов) / Р.М. Валеев,
В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Д.Е. Мартынов, О.Н. Полянская;
отв. и науч. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. – СПб.;
Казань: Петербургское востоковедение, 2020. – 440 с., ил.
ISBN 978-5-85803-537-4*

**BOOK REVIEW: BIOGRAPHY AND ACADEMIC LEGACY OF ORIENTALIST
JÓZEF KOWALEWSKI**

*(based on materials from archives and manuscript collections) by R.M. Valeyev,
V.Y. Zhukov, I.V. Kulganek, D.E. Martynov, O.N. Polyanskaya (authors);
Gen. ed. by R.M. Valeyev and I.V. Kulganek. Saint Petersburg – Kazan (Russian Federation): St.
Petersburg Centre for Orient Studies Publishers, 2020. 440 pp. Hardcover.
ISBN 978-5-85803-537-4*

Мартынова Юлия Александровна, к.и.н., доцент

Российская Федерация, г. Казань, ИМО КФУ

juliemartynova82@gmail.com

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Мартынова Ю.А. Рецензия: Р.М. Валеев, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Д.Е. Мартынов, О.Н. Полянская. Биография и научное наследие востоковеда О.М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов). Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(4): 109-114

Выход в свет большой комплексной биографии О.М. Ковалевского в издательстве «Петербургское востоковедение» само по себе является значительным событием. Ещё более значительным его делает факт, что текст объемом почти четыре с половиной сотни страниц

FOR CITATION:

Martynova Y. Book review: R. Valeev, V. Zhukov, I.Kulganek, D. Martynov, O. Polyanskaya. Biography and academic legacy of Orientalist Józef Kowalewski (based on materials from archives and manuscript collections. Modern oriental studies. 2020; 2(4): 109-114

выполнен авторским коллективом, охватывающим по географии важнейшие вехи биографии его героя. И.В. Кульганек и В.Ю. Жуков представляют Санкт-Петербург, Р.М. Валеев и Д.Е. Мартынов – Казань, и О.Н. Полянская – Улан-Удэ.

Осип Михайлович Ковалевский (1800/1801 – 1878) – признанный во всём мире монголовед, чей трёхтомный «Монгольско-французско-русский словарь» во многих отношениях не превзойдён позднейшими академическими изданиями. Родившийся на территории современной Белоруссии в семье униатского священника, Юзеф Ковалевский – очень нелёгкая для осмысления личность. Не в последнюю очередь это объясняется его политической «неудобностью» как при жизни, так и после кончины. Не случайно, что в Польше его хотя и считают польским учёным (последнее двадцатилетие его жизни прошло в Варшаве, там он и упокоился), но «не любят» из-за глубокой интеграции в академическое сообщество Российской империи и демонстративную верность России во время Январского восстания 1863 г. Единственное на польском языке монографическое исследование его жизни вышло в 1948 г. и, насколько нам известно, не переиздавалось. Учился О. Ковалевский в Вильнюсском университете, в котором вошёл в кружок филоматов, был изобличён, и на долгие годы сделался для российских властей политическим преступником. В своё время это не позволило ему стать академиком: выбор коллег был единогласным, но Николай I видеть «подозрительного» поляка в стенах Императорской академии наук не пожелал.

Биография О.М. Ковалевского интересна ещё и тем, что он, фактически, прожил несколько жизней, когда ему приходилось начинать выстраивать жизнь с нуля. Очень показательно, что не удаётся выстроить точной хронологии

пребывания будущего учёного в Свислочской (Гродненской губернской) гимназии, поскольку во время войны 1812 г. она была разгромлена. В разбираемой монографии очень интересен раздел (преимущественно, его автором являлся В.Ю. Жуков), посвящённый семейному окружению Осипа Ковалевского. Несмотря на очень интересные архивные открытия самого последнего времени (о которых были сделаны доклады на международной конференции «Первые Ковалевские чтения» в 2018 г.), точно не известно происхождение отца и матери Ковалевских. Отец – Михаил Антонович – мог быть полонизированным белорусом или поляком, мать, несомненно, польского происхождения (причём ее имя так и не установлено) и католического вероисповедания; католиком Ковалевский оставался всю свою жизнь (с. 22).

В Казань Ковалевский попал в 1824 г. как политический ссыльный; этим обстоятельствам была посвящена небольшая, но очень ценная во многих отношениях книга казанского доцента Г.Ф. Шамова, вышедшая в 1983 г. Уже сложившийся учёный-антиковед (неизвестно, насколько вынужденно) радикально расширил круг своих интересов, и освоил турецко-татарский, арабский и персидский языки, поскольку как раз в то время в Казани работали выдающиеся специалисты-востоковеды, такие как Ф. Эрдман, Ибрагим Хальфин и мирза Александр (Мухаммед-Али) Казем-Бек¹. Поскольку задача создания в Казани центра академического монголоведения возникла рано, О.М. Ковалевский решением ректора Н.И. Лобачевского и попечителя учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина был избран

для научной миссии в Забайкалье и (если представится оказия) в Монголии. Монголия в те времена была частью маньчжурской Цинской империи, закрытой для иностранных купцов и путешественников. Для подданных России единственным исключением была смена состава Пекинской православной духовной миссии, и Ковалевский в 1830 – 1831 гг. дважды проехал всю Монголию с севера на юг и обратно, и провел около 7 месяцев в Пекине.

Второй казанский период в жизни О.М. Ковалевского длился с 1833 по 1862 г. Он состоялся как ученый и как личность в полном смысле слова; соответственно, и основное содержание книги касается именно данного периода. Если академическая биография учёного отлично документирована, то вопрос о семейном положении является чуть ли не детективом. Согласно «Словарю польских биографий» и свидетельству Франтишека Малевского (друга и свояка А. Мицкевича и сотрудника М.М. Сперанского), супругой Ковалевского стала некая Анна Соколова. Проблема заключается в том, что Малевский утверждал, что супруга Ковалевского была «дочерью ректора университета», что углубляет загадку, а не ставит всё по своим местам (с. 24 – 25).

Именно в Казани О.М. Ковалевский достиг своего акме как учёный и учитель. С 1837 г. он являлся ординарным профессором университета и заведующим кафедрой монгольской словесности, и до 1841 г. возглавлял Восточный разряд (который официально именовался первым отделением философского факультета),

временно «исправлял» эту должность и в 1845 г., и вновь был деканом в 1852 – 1855 гг. Более того, в декабре 1850 г. было принято решение создать в университете кафедру педагогики, единственным кандидатом на замещение которой оказался О.М. Ковалевский (с. 249 – 250). Это далеко не случайно: ещё с 1834 г. О.М. Ковалевский был постоянным председателем Комитета для испытания кандидатов университета (говоря современным языком, председателем аттестационной комиссии); помимо монгольского языка, литературы и истории, преподавал на историко-филологическом факультете латинский язык и всемирную историю, а с 1845 г. ещё и возглавлял Вторую казанскую гимназию (в которой обучались за плату). Но и это далеко не всё: Ковалевский был научным руководителем ряда выдающихся учёных, как русских, так и происходящих из монгольских народов. В период 1827 – 1845 гг. он неизменно ходатайствовал перед министром народного просвещения о направлении в Казань наиболее способных выпускников русско-монгольской войсковой школы в Троицкосавске, которую сам же и основал. Среди бурятских учеников Ковалевского выделялись Г. Никитуев, Г. Гомбоев и Д. Банзаров, причём Никитуев и Гомбоев сами вели педагогическую деятельность в Первой Казанской гимназии, в которой преподавался и монгольский язык по программе самого Ковалевского (с. 50 – 55).

Книга коллектива учёных (решающую роль сыграл Р.М. Валеев, публикации которого

¹В фототетради между с. 72 – 73 помещена репродукция двух начальных страниц рукописи «Об источниках истории Казанского ханства» на польском языке, которая хранится в Вильнюсской университетской библиотеке и ещё ждет своего переводчика и публикатора.

по биографии и научному наследию О.М. Ковалевского появились ещё в конце 1990-х гг.) представляет огромную ценность не только своим текстом, но и огромным пластом опубликованных с комментариями документов, которые охватывают практически все доступные исследователям сферы жизни Осипа Михайловича. Из тех же документов очевидно его участие в судьбе двух выдающихся русских востоковедов – Н.И. Зоммера и В.П. Васильева. Если потенциал первого оказался практически не раскрытым (он скончался от холеры в возрасте 23-х лет, оставив только кандидатскую работу² по неоконфуцианской философии – первую на русском языке), то Василий Павлович Васильев ещё в Казани быстро сделал грандиозную карьеру востоковеда. Насколько нам известно, тот же авторский коллектив в настоящее время готовит к изданию коллективную биографию и В.П. Васильева. Равным образом, И.В. Кульганек руководит изданием до сих пор не публиковавшейся рукописи «Истории монголов», хранящейся в Архиве востоковедов, наиболее примечательные фрагменты которой вошли в состав коллективной монографии (с. 110 – 152).

Вообще публикация архивных материалов занимает существенный объём коллективной монографии, превращая её в своего рода малое собрание источников по биографии О.М. Ковалевского. Материалы самые разнородные. Так, на с. 101 – 107 приведена рукопись вновь найденного в Архиве востоковедов «Собрания китайских, маньчжурских, монголь-

ских и ламских костюмов, изображений, буддийских божеств и других богослужебных вещей, картин, книг и прочих редкостей, приобретённых адъютантом Осипом Ковалевским во время путешествия в Китай и между монголо-бурятами». Учитывая, что множество вещей (а всего в списке 144 самых разнородных позиций) сохранилось в собраниях музеев Казанского университета, в том числе этнографическом, ценность первопубликации для музейных работников и этнографов является очень и очень значительной. Сама опись материалов даёт представление о широте научных взглядов О.М. Ковалевского и тех задачах, которые были поставлены перед ним (с. 100 – 101, 107).

Публикация путевых дневников О.М. Ковалевского от периода 1830 – 1832 гг. является, отчасти, повторением издания 2005 – 2006 гг. под редакцией И.В. Кульганек и Р.М. Валева, но содержит и очень много нового. История первого дневника 1830 г., который чудом сохранился в Китае, и вернулся в Ленинград в 1929 г., в достаточной степени охарактеризована во второй главе исследования (с. 75 – 76, и след.) Этот дневник из фонда Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (подготовкой его к публикации занимались И.В. Кульганек и В.Ю. Жуков) охватывает события 9 октября – 11 декабря 1830 г., и описывает переход через пустыню Гоби; изложение начинается спустя 20 дней после отхода каравана XI Пекинской духовной миссии из Урги (ныне Улан-Батор). Тематически, однако,

² Имеется в виду звание кандидата университета, существовавшее до принятия Устава 1863 г. Оно присуждалось выпускникам, отличившимся на научном поприще, после защиты выпускной квалификационной работы. Окончившие без отличия получали звание «действительный студент». Сам О.М. Ковалевский удостоился кандидатского звания ещё в Виленском ун-те в 1820 или 1821 гг., и это была его единственная учёная степень.

к нему примыкает дневник пребывания в Пекине, который типографски не отделён от монгольских описаний. На с. 301 впервые упоминается имя лекаря Х миссии О.П. Войцеховского, который через некоторое время станет коллегой О.М. Ковалевского по Казанскому университету, а замещаемую им кафедру китайско-маньчжурской словесности в дальнейшем унаследовал В.П. Васильев и перевёл в Петербург. Дневниковые записи заканчиваются разрозненными сведениями о Китае, полученных от участников духовной миссии. Далее следует «Дневник занятий», сохранившийся в Государственном архиве Республики Татарстан, публикация его была подготовлена Р.М. Валеевым. Событийный ряд начинается в июне 1831 г., охватывая обратный переход из Пекина до российской границы. Он пришёлся на самый тягостный по зною – летний период, и был прямой противоположностью перехода Гоби в октябре предыдущего года. Дневник оканчивается 10 августа переходом границы в Троицкосавске и верноподданным славословием Всероссийскому венценосцу (с. 367) – дневник носил официальный характер, являясь важным отчётным документом. Вероятно, автор планировал напечатать его. Завершает публикацию «Дневник занятий» 1832 г. из библиотеки Вильнюсского университета. Данный текст интересен, в первую очередь, как очень ценный источник по творческой лаборатории востоковеда XIX в., который был вынужден в полевых условиях на практике осваивать монгольский язык, одновременно занимаясь его теоретическим изучением, и накоплением достаточного

фонда литературных источников по самой разнообразной тематике. Параллельно это и важное свидетельство очевидца по деятельности миссии Лондонского миссионерского общества в Селенгинске. Изложение начинается от 22 мая 1832 г. (т.е. когда уже истек срок командировки О.М. Ковалевского из Казани) и завершается 29 сентября на высокой ноте: констатацией открытия русско-монгольской школы в Троицкосавске по предложению учёного (как мы писали выше, некоторые её ученики смогли продолжать образование в Казани). Далее следует список книг и рукописей, отправленных в библиотеку Казанского университета, в том числе пожертвованных бурятами (с. 421 – 423). Дневники снабжены полезными указателями: собственных имён, упоминаемых в тексте, глоссарием восточных слов и терминов, географических названий.

Ценность дневников (тем более выдающихся востоковедов) как исторического источника неоспорима. Поскольку мы имеем большой опыт работы с дневниками Н.Ф. Катанова (который путешествовал по Южной Сибири и Западному Китаю в 1889 – 1892 гг.), то можно проводить известные параллели. Как исторический источник, любой дневник научного путешествия имеет свои особенности и ограничения. С одной стороны, это был официальный документ, который служил для фиксации действий учёного, который был командирован правительственными учреждениями и руководствовался специально составленной инструкцией. В частности, О.М. Ковалевский и А.В. Попов (будущий глава кафедры калмыцкого

языка, командированный вместе с ним) располагали отдельными инструкциями для деятельности среди бурят за Байкалом, и для поездки в Пекин. Составлены они были В.Я. Булыгиным и Ф. Эрдманом (с. 190; 368). В 1830 г. через экспедицию П. Шиллинга и Н. Бичурина (Иакинфа), О.М. Ковалевский получил новую инструкцию, составленную известным монголоведом Я. Шмидтом, специально посвящённую вопросам языкознания, литературы и истории (с. 219). В отчётах, посылаемых на имя попечителя М.Н. Мусина-Пушкина, Ковалевский прямо соотносил свои действия с инструкцией (напр., с. 181 – 182). Впрочем, отношения с А.В. Поповым складывались нелегко, что следует из писем и отчетов начальству (с. 202; 207; 224 – 225). В дальнейшем и сам О. Ковалевский составлял инструкции научных путешествий для своих учеников – Г. Никитуева, Н.И. Зоммера, В.П. Васильева (с. 158 – 160; 162 – 164; 251 – 256).

В содержательном отношении дневники О.М. Ковалевского содержат как материал, непосредственно полученный «в поле», так и авторские размышления над ним, тем более, что пересекая Монголию, исследователь имел возможность перепроверить и уточнить первоначально собранные сведения или менял к ним отношения после опыта, полученного в Китае.

Перечисленные сюжеты позволяют судить о колоссальном пласте новых материалов, представленных авторами, и важности их для развития отечественного востоковедения. Развивая и дополняя предыдущие публикации всех участников авторского коллектива, «Биография и научное наследие востоковеда

О.М. Ковалевского» полностью соответствует своему заглавию и является существенным вкладом в развитие востоковедения в целом.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Associated Professor, PhD **Yulia Martynova**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

juliemartynova82@gmail.com

Принята к публикации: 01.08.2020

Submission Date: 05.08.2020

**КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ**

Уважаемые коллеги!

**Приглашаем Вас опубликовать
результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
/ MODERN ORIENTAL STUDIES»**

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещение основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском по следующим специальностям:

10.00.00. Филологические науки

07.00.00. Исторические науки

09.00.00. Философские науки

13.00.00 Педагогические науки

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие

направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА ЯЗЫКЕ

НАПИСАНИЯ СТАТЬИ

ФИО (полностью)1, ФИО (полностью)2 и т.д.

Место работы1, Место работы2 и т.д.

электронный адрес (первого автора)

Аннотация

Текст (150-250 слов)

Ключевые слова: *слово(5-7)*

Abstract (на языке написания статьи)

Text

Keywords and phrases: *word (5-7), на языке написания статьи*

Для цитирования: *ФИО. Название статьи (курсивом). Современные востоковедческие исследования. Год публикации; Том (Номер выпуска):*

Образец на русском: Магдеев Р.Р., Халиуллина А.А. *Динамика экономических отношений между Россией и Японией: основные мотивы.* Современные востоковедческие исследования. 2020; 1(2):

For citation: Magdeev R.R., Khaliullina A.A. *Dynamics of economic relations between Japan and Russia: basic motives.* Modern oriental studies. 2020; 1(2):

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Н.В. Иванову [1981], текст.

Текст [Халидов, 1981, С. 23]. Текст

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

(на усмотрение автора)

Текст

РЕЗУЛЬТАТЫ

Текст

Таблица 1. Название таблицы

Русский	Китайский	Японский	Корейский
текст	текст	текст	текст



Рис. 2: Название диаграммы

ВЫВОДЫ

Текст

ЛИТЕРАТУРА

Обязательно используйте нумерованные списки

1. Шмелева Т.В. Лингвистические идеи и педагогические принципы В.А. Белошапковой // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 78–86.

2. Шмелева Т.В. Уроки Белошапковой // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике / сост., отв. ред. Л.М. Байдуз. Тюмень, 2010. С. 26–33.
3. Белошапкова Т.В. Россия в истории одной семьи, или Девять новелл из жизни В.А. Белошапковой // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. М., 2001. С. 9–19.
4. Закиров Р.Р., Мингазова Н.Г., Мухаметзянов И.М. Арабский язык. 5 класс. Казань, 2011. 128 с.
5. loshapkova]. In: Beloshapkova, T.V. & Shmeleva, T.V. (eds) Traditsionnoe i novoe v russkoy grammatike: sb. statey pamyati Very Arsen'evny Beloshapkovoy [Traditional and new in Russian grammar: a collection of articles in memory of Vera Arsenyevna Beloshapkova]. Moscow: Indrik.
4. Zakirov, R.R., Mingazova, N.G., Mukhametzyanov, I.M (2011). Arabskiy yazyk (Level I for the 5th grade) [Arabic for non-native speaking children]. Kazan, Russia: Magaryf-Vakyt publishers. 128 p.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES (IN ENGLISH)

Обязательно используйте нумерованные списки

1. Shmeleva, T.V. (1997) Lingvisticheskie idei i pedagogicheskie printsipy V.A. Beloshapkovoy [Linguistic ideas and pedagogical principles of Beloshapkova]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 3. pp. 78–86.
2. Shmeleva, T.V. (2010) Uroki Beloshapkovoy [Lessons of Beloshapkova]. In: Bayduzh, L.M. (ed.) Lingvisticheskie idei V.A. Beloshapkovoy i ikh voploshchenie v sovremennoy rusistike [Linguistic ideas of V.A. Beloshapkova and their embodiment in modern Russian philology]. Tyumen: Mandr i Ka.
3. Beloshapkova, T.V. (2001) Rossiya v istorii odnoy sem'i, ili devyat' novell iz zhizni V.A. Beloshapkovoy [Russia in the history of one family, or nine novels from the life of V.A. Be-

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Associate Professor, PhD **Alfiya Alikberova**

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18, Russia

alfikas@mail.ru

Принята к публикации: (фразу вписать, даты проставляет Редколлегия после получения рецензии)

Submission Date:

ISSN 2686-9675



9 772686 967007 >